

Юрий Швец

Рок. И посох в песках оружие

Книга 2. Том 1 «Угроза из прошлого»

Юрий Швец

**Рок. И посох в песках
оружие. Книга 2. Том 1
«Угроза из прошлого»**

«Издательские решения»

Швец Ю.

Рок. И посох в песках оружие. Книга 2. Том 1 «Угроза из прошлого» / Ю. Швец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744119-7

Дорогие читатели! Представляю вашему вниманию вторую книгу романа «Рок. И посох в песках оружие», том первый. Новые герои, вкупе со старыми полюбившимися героями романа, свяжут свои судьбы в замысловатый, неразрывный клубок новых приключений и тайн... Надеюсь, наша встреча на страницах романа будет взаимно приятной!

ISBN 978-5-44-744119-7

© Швец Ю.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	49
Глава 8	53
Глава 9	58
Глава 10	64
Глава 11	69
Глава 12	74
Глава 13	77
Глава 14	83
Глава 15	92
Глава 16	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Рок. И посох в песках оружие

Книга 2. Том 1 «Угроза из прошлого»

Юрий Швец

© Юрий Швец, 2018

ISBN 978-5-4474-4119-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе: Швец Юрий Викторович. Писатель. Родился в Оренбуржье. Живет в России.

От автора:

– Дорогие читатели!

Представляю вашему вниманию вторую книгу романа «Рок. И Посох в песках оружие.» том1. «Угроза из прошлого.»

Новые герои, вкупе со старыми, полюбившимися героями романа свяжут свои судьбы в неразрывный, замысловатый клубок новых приключений и тайн... – Надеюсь, наша встреча на страницах романа будет взаимно приятной!

Искренне Ваш,
автор Юрий Швец.

Пролог

Лезвие... Остро отточенное лезвие, способно пробить защиту и пройти сквозь плоть, с лёгкостью разрезая ткани и органы тела, перерезая сосуды и сухожилия, неся за собой холодные щупальца смерти... Лезвие... Но, есть другое лезвие... Лезвие способное на большее... Это лезвие неограниченно ни временными рамками своего существования, ни рамками его применения... Оно безгранично... Оно может преодолевать расстояние в миллионах световых лет и парсеков мгновенно... Оно с лёгкостью проникает в глубины самых темных, недоступных пещер... Оно легко заглядывает в основу природы – клетку... Оно с такой же лёгкостью пронизывает глубины веков, не замечая свинцовой тяжести времени... И этим оружием владеет только один индивидуум нашей планеты... Человек... Этим лезвием, он может пользоваться как во благо себя и природе, породившей его, так и во вред им... И это оружие, отточенное человечеством в веках – несомненно, дар! Дар Великого Космоса – человечеству! Именно при помощи этого оружия человечество создало разум! Свой собственный разум! Этому лезвию не страшна коррозия, а время делает его только острее, легче, невесомей! Но, человечество ещё не умеет в совершенстве владеть этим оружием... Часто, обращая его во вред собственному Божественному началу... Лезвие... лезвие мысли...

Глава 1

...Звезды... Мириады звёзд усыпали ночное небо, от края горизонта до края... Темные вершины гор закрывают часть из них, возвышаясь своими конусами вокруг и бросая свою тень на военный лагерь, расположенный в их теснинах. Лагерь создан и укреплен с точки зрения военной инженерии великолепно. Мощные бастионы валов направлены в сторону, откуда можно попасть в лагерь вражеским силам. Перед валами расположена цепь и скрытая схема «волчьих ям» и «ежей». Везде врагам приготовлены ловушки и сюрпризы. Эти места для них так страшны, что последний раз к лагерю они приближались на расстояние полёта стрелы уже год назад, изрядно полив серые и коричневые гряды камней своей кровью. Это была последняя их попытка взять штурмом цитадель Баркидов на горе Эрик... Оставляя тысячи трупов, они бежали вниз по склонам. А победоносная «священная» конница Гамилькара гнала их почти до Панорма...

На одном из уступов утёса, стоит человек. Несомненно, это военный. Его алый плащ слегка вздрагивает от колебаний ночного, тяжёлого своей сыростью, воздуха, пробивающегося со стороны моря, сквозь теснины скал и гавани, расположенной внутри них, где-то там, глубоко внизу. Темнота скрывает очертания фигуры человека, лишь его плащ, освещаемый почти потухшим факелом, воткнутым в землю за его спиной, раздувается время от времени и через это движение своего полога, делает силуэт человека заметным, сквозь непроглядный мрак ночи. Взор человека направлен в сторону гавани. Но там, внизу в тумане, трудно что-либо разглядеть и скорее всего, человек погружен в себя и мысли его, пробивая черноту ночи и сумрак тумана, устремлены куда-то намного дальше гавани у горных теснин. Глубокое раздумье человека прерывает рычание собаки и от ног человека отделяется небольшой серый ком, который взьерошив шерсть, рычит куда-то в сторону тропинки, ведущей от утёса к лагерю.

– Тихо, Кукла, тихо! – поворачивается человек. Он треплет за ухо небольшое, серое существо, несущую незримую вахту у его ног, – Молодец, хорошо сторожишь! – Хвалит собаку человек и поворачивается к тропинке.

К этому времени, уже слышен топот нескольких пар ног, поднимающихся на утёс, со стороны лагеря. Вот уже заметны огни зажжённых факелов и наверх утёса взбираются несколько человек.

– Что, Теоптолем?

– Они в бухте. Акрий и Безерта, проводившие их гептеру по фарватеру меж подводных скал и мелей, пристали первыми. Они говорят, на борту делегация! Во главе: сын казнённого Бомилькара и Верховный Жрец Капитон.

– Капитон? А что, этой подлой змее Молоха, нужно в моем лагере? Неужели, правда, что это «проклятье» нашего города Священная Каста, снова поднимает голову?

– Вот поэтому, во избежание срыва целей делегации, вровень ему поставили Сарафа, Гамилькар! На этом настоял совет Магнатов!

– Совет Магнатов?! – в голосе Гамилькара звучит досада, – Я, уже, в который раз замечаю, как в нашем городе подменяется структурное управление, утвердившееся в веках! Совет Магнатов раньше не вступал в прения по политике города. Обходились, лишь, расширенным Советом суффетов и советом пентархий. А теперь значит, все изменилось?! Неслучайно, Священная Каста поднимает голову!

Гамилькар покачал головой.

– Что прикажешь делать, Гамилькар? – Теоптолем переминался с ноги на ногу, – Куда мне их отвести?

– Проводи их в столовую, что расположена рядом с шатром Совещаний! Пусть подкрепятся. Я спущусь чуть позже! Есть над чем поразмыслить! Да, Теоптолем! – окликнул, повер-

нувшегося военачальника, Гамилькар, – Оставьте мне один из факелов – мой выгорел полностью.

Пришедшие, воткнули факел у ног Гамилькара и, развернувшись, стали спускаться с гребня утёса. Гамилькар смотрел им вслед...

В свете факела, теперь можно, рассмотреть черты этого человека. Это мужчина, лет сорока с небольшим. Его глаза светятся огнём ярчайших событий, произошедших в судьбе этого человека. Но, эта не лёгкая доля в его судьбе, не сломала и не согнула стальную волю его характера и огонь, горящий в его глазах, является не следствием отражения языков пламени, стоящего рядом факела, а скорее факел подпитывается энергией пламени, незримо исходящей из глаз Гамилькара. Это пламя горело в глазах Гамилькара давно, но особенно яростно, оно загорелось с добавлением судьбой в него топлива мести, после того, как римский флот коварно напал на карфагенскую флотилию, перевозившую членов семей воюющих в Сицилии граждан Карфагена. В составе той флотилии, находился и корабль с Клариссой. Она возвращалась после годовой разлуки с Гамилькаром, из испанского Гадеса. Вместе с ней находились младшие сыновья и уже взрослеющий Магон. Они все вместе предвкушали радость встречи с отцом, когда, совершенно неожиданно, на горизонте, появилась эскадра Римской республики! Кларисса, отправляясь в плавание, оставила в Гадесе дочерей и Гасдурбала, а сама уже больше не смогла выносить долгую разлуку с Гамилькаром, поплыла показать ему родившегося, годовалого сына. Она даже не дала ему имени, собираясь сделать это вместе с Гамилькаром. Флотилия, состоявшая из тяжёлых грузовых, торговых кораблей, не могла состязаться в скорости с военными галерами. И поэтому сразу легла в дрейф, поджидая подхода эскадры республики. Но среди неё находилась одна гемиола и у Клариссы была возможность уплыть на ней! Но Кларисса отправила на ней только своих младших сыновей, Магон пожелал остаться при матери в сложившейся ситуации. А Кларисса не захотела обособляться от других ввиду опасности и показать другим, пример спокойствия и хладнокровия. В то время, действовало негласное правило – военные доктрины воюющих государств не распространяли военных действий против торговых кораблей обеих сторон. И поэтому, корабли в самом крайнем, худшем случае могли только разграбить или реквизировать находящийся в их трюмах груз. Корабли везли различное продовольствие и поэтому все ждали, что римляне просто реквизируют груз продовольствия. Каково же было их удивление и растерянность, когда римские галеры легли на курс атаки и, несмотря на все знаки, которые подавали им карфагенские торговцы, не сменили его... Это было три года назад...

Гамилькар, проводив взглядом спускающихся вниз, закрыл глаза, вновь предавшись размышлениям...

«– Три года, я, уже не вижу свет в твоих глазах! Три года, не слышу стука твоего сердца! Но, ты, продолжаешь жить во мне! Моё сердце, все также, переполнено любовью! И часть тебя осталась в наших детях! Их красота и упорство – это твоя заслуга и черта характера! Но мне не хватает тебя! Твоего звонкого, громкого смеха! Твоей искрящейся улыбки и молчаливого одобрения!»

Гамилькар снова открыл глаза и повернулся в сторону гавани. На его лицо легла тень. Но, кратковременно падающий свет факела, позволил хорошо рассмотреть его лицо.

Лицо обрамляла аккуратная борода, а губы пышные курчавые усы. Волосы на голове, местами проглядывали проседью, но в целом, не утратили своего природного окраса. Его фигура выглядела натренированной, привыкшей к тяготам походной жизни этого человека. Одет он был в кожаный панцирь, с бронзовыми вставками по всему периметру панциря. Под панцирем угадывался тёмный хитон, с утепляющими шерстяными оборочками, развёрнутыми шерстью внутрь.

Гамилькар продолжал размышления... «Серый комок» понюхав землю, после ушедших людей возле ног хозяина, снова занял свой пост около него...

«...Римляне с лихвой заплатили за содеянное, Кларисса! И продолжают платить! Но, я знаю! Ты, была бы против этого! Таковой уж ты была! Всех хотела обогреть и осчастливить! Но не все, имеют такие же благие намерения, как ты, Кларисса! Не всем доступно сочувствие и сострадание! Эти качества не даются природой! Их нужно воспитывать в человеке! И тогда, глядя на торчащие, блестящие на солнце, тараны квинтирем, ты надеялась на благоразумие и не верила в вероломство! Но, в Риме, сейчас воспитывают только ненависть, и вдалбливают в головы квиритов, мысли об их избранной Богами власти и величии, распространяемых Республикой над всеми ближайшими народами! Преобладание их народа над всеми остальными! Тогда, в тех волнах погибли не просто люди! Погибла вера и надежда тех, кто после них, случайно, окажется на пути военного флота, в какой-либо другой войне!»

Воспоминания Гамилькара вернулись к военной кампании на острове.

«Вся военная компания в Сицилии, проходила для Рима без крупных успехов. И, только, не дальновидное, глупое вмешательство на театр боевых действий Совета суффетов привело к серьёзным поражениям Карфагена, склонившим, тогда, чашу весов военной удачи в сторону города на Тибре! Хотя, и эти успехи, не дали Риму существенного преимущества. Все преимущество, которое они получили после этих побед, они утратили в борьбе с корпусом гарнизона Геиркте! „Железного корпуса“, как стали его называть местные секаны. Более того, римляне не взяли не один город, где были расположены мои гарнизоны! А если они все же осаждали города, то завидев знамёна моего корпуса, предпочитали ретироваться, не вступая в сражение. И все равно, потери римлян огромны! Их армии обескровлены! Легионы, набранные последними наборами, совершенно не опытные и не годятся для открытого противостояния. Продолжение войны для них также губительно, как и для нас! Но наши суффеты продолжают своей бездарностью, укреплять в римлянах веру в их исключительность и избранность Богами их Республики, как законодателя путей развития, над окружающими её странами! Последняя победа консула Гая Катулла, родственника бывшего адмирала Аппия Катулла, произошедшая в битве у Эдгатских островов, ввергла Совет суффетов в панику! Первым делом, они казнили распятием адмирала Ганнона, проигравшего битву у островов, обвинив его в преступной недооценке ветра при сражении. Списав, таким образом, свою вину его назначения адмиралом, хотя сами, до этого, сместили с этого поста опытного Гамилькона – он перестал способствовать большинству Совета вражде с нами, Баркидами. Совет лихорадочно стал искать выход из тупика, в который загнали город! И вот итог! В гавани их делегация, она просит меня возглавить переговоры с Римом, который высокомерно согласился принять посольство, как победитель! Только, где победа? Западная Сицилия прочно находится под моим влиянием. В городах мои гарнизоны. Местные племена секулов и секанов больше склоняются в сторону Карфагена, понимая и видя выгоду в связях с нами. Они прекрасно понимают, что по приходу Рима в Сицилию, произойдёт раздел её самых плодородных участков земли между членами аристократического Сената! Это станет необратимо! Местным племенам оставят только горный рельеф местности! Но, в Карфагене уже другие настроения! Остатки разбитого флота деморализованы. Гамилькон, сумевший бы, по необходимости, восстановить его дух и слаженность, не может вернуться в Карфаген, так как заблокирован в Лилибее. А у Ганнонов больше нет кандидатур на пост адмирала флота! Гиксон в море – как тунец на суше! Да и после разгрома у Панорма, где они бесславно уничтожили победителей Тунесса, вместе с Гасдурбалом, являвшимся суффетом в тот год, у них поубавилась струя „воинской доблести“, так, бурно бьющей им в голову, в тот злосчастный год для армии Карфагена! Да! То поражение, которое понёс Совет суффетов, заставил Рим снова почувствовать свою силу! А поражение было глупым! Как глупы были и стратеги, затеявшие этот поход! Ну что же, таковы Ганноны! На Совете они мнят себя великими стратегами, всех поучают! Но когда, дело доходит до сражения, их гениальное стратегическое дарование выветривается в неизвестном направлении. Так было и под Панормом! Это произошло через пять лет, после славной победы при Тунессе. Тогда Магнаты

города, возгордившись после побед, нанесённых римлянам нами Баркидами в Сицилии, опять стали проявлять зависть и неумную чванливость, загоревшись собственными военными планами. Они вынашивали планы, которые озвучил один из членов совета Магнатов Гасдурбал Гон! Проголосовав в этот год за него, они фактически стали его сподвижниками. Гасдурбал, в свою очередь, стал говорить во всеуслышание, что окончит войну в этом году и Совет суффов, поддавшись его влиянию, а может в тайне и, участвуя в подготовке всего этого, доверил ему командование сухопутными армиями. Получив то, чего так добивался, Гасдурбал стал настаивать на экспедиции в Сицилию. История повторилась, только теперь всё произошло, наоборот, поражение досталось нам! А победа сыграла над нами злую шутку! Как консул Регул понёс бесславное поражение в Африке, так армия Совета была разгромлена под Панормом в Сицилии. А ведь такой армии, как дали собрать Гасдурбалу, нам Баркидам не позволяли иметь никогда! В Сицилию было переправлено 100 слонов, 70 тысяч пехоты, более 8 тысяч конницы. Гасдурбал Гон и его советчики из родов Магонов и Ганнонов, не считаясь с моим мнением, двинулись в Северную Сицилию к городу Панорму, который совсем недавно захватил римский корпус. Они осадили город. Тогда консул Луций Целий Метелл, вывел армию из Мессины и привёл на помощь римскому гарнизону. Но, консул изучил и учёл ошибку, допущенную Регулом в Тунессе, и расположился лагерем, недалеко от города, на прилегающих к городу высоких холмах! Я, узнав об этом, напрасно слал гонцов, с просьбой дождаться подхода моего корпуса и не начинать пока сражения и штурма! Движимые собственной неуёмной гордыней и тщеславием, Гон и его окружение, торопились начать сражение, дабы возжечь пламя своей военной славы! Помня об успешной атаке слонов, предпринятой Ксантиппом при Тунессе, эти стратеги бросили всю массу слонов на холмы с легионами... Пехота двигалась следом... Животные устремились на холмы, но путь туда оказался недоступен, из-за вырытых за ночь римлянами, защитных траншей! Единственным путём к вершинам, занятыми легионами, оставался неширокий коридор между крепостной стеной и холмом с частоколом лагеря римлян... И Гасдурбал, этот „гениальный стратег“ бросил животных туда... Слоны, повернувшись, сбились в кучу и продвигались вперёд в таком порядке! Вот в этом и оказалась задумка римского консула! Слонов стали осыпать горящими стрелами с обеих сторон... И со стен города, и со стороны вала холмов... Животные, не выдержав огненный дождь, повернули назад и затоптали свою пехоту... – Гамилькар вспомнив это горько усмехнулся, – Итог сражения, мне как карфагянину, приходится вспоминать с болью в сердце! Армия бежала! Оставив на поле тысячи убитых и затоптанных воинов! Слоны были брошены... Остатки армии, кои смогли добраться до Лилибея, тут же уплыли обратно в Африку! Римляне ещё неделю истребляли разрозненные отряды этих, отбившихся от своей армии, беглецов. Их конница, рыскала по окрестностям, в поисках карфагян! И только подход моего корпуса загнал их обратно на высоты... Слоны попали в руки квиристов... Тысячи пленных карфагян, также, нашли своё рабство на материке Италии... Многие умерли в рабстве... как, впрочем, и все слоны. Почти всех слонов, римляне перебили у себя в Риме, на гладиаторских боях, так и не добившись их использования в своей армии...».

Гамилькар вздохнул свежим ночным воздухом... Звезды, плетя заговор, перемигивались между собой... Они тусклым светом освещали верхушки скал вокруг лагеря...

«Консул Метелл, приободрённый победой, решил на осаду горы Эрик. – Продолжал воспоминания Гамилькар. – Штурм длился два дня... Но, закончилось для римлян это плачевно... Теперь, моя конница гнала и рубила тысячи римлян, сравнивая общий счёт в войне, опять, на ничью!»

Гамилькар зло сплюнул... Он присел и потрепал за шерсть собачку у своих ног. Та, легла на спину, подняв кверху лапки – полностью доверяя своему хозяину...

«– Страшное поражение, надолго, отрезвило искателей славы родов Магнатов города, Ганнонов и им подобных! – продолжил размышления Гамилькар, – И через год, адмирал

Асдурбал, не принадлежащий никакому из родов суффетов, а также, Магнатов города, одержал славную победу в морской битве, над превосходящим по численности флотом Римского консула Публия Клавдия Пульхра при Дрепане! Было захвачено 93 римские галеры, остальные потоплены! Спаслись только 30 квинтирем, во главе с консулом! А ведь Асдурбал, был учеником попавшего в немилость у магнатов и Совета суффетов, Гамилькона! Именно они заподозрили его в связях с нами! Жадность магнатов доходит до абсурда! Они, не помогая ни мне, ни Гамилькону в Лилибее, ещё требуют финансовых взносов в казну города! Но, в тоже время, не погашают городской долг перед наёмниками, ждущими расчёта! Последних, они собрали в огромных лагерях у Приона, и других городах, в непосредственной близости у Карфагена. Магнаты потеряли от жадности голову?! Каждый род, считает, что именно ему приписали самый большой взнос, за использование на службе наёмников. Они не дают ничего, подсчитывая свои убытки, если они выведут эти средства из торгового оборота. Эти потери в процентах торговли, волнует их больше чем свобода самого города! Тупицы! Дидона ошибалась, когда полагала, что совет Магнатов будет способствовать более сильной обороноспособности города! Вышло наоборот! Они думают, что, присягнув любому властителю, останутся при своей торговле. Но они не понимают главного. Собрав около города множество наёмников, которые разбили лагерь и достигли численности в 70 тысяч недовольных, до зубов, вооружённых бродяг, они создали реальную угрозу и городу и себе! Эти скопища наёмников понимают только один язык – язык силы и вознаграждений!»

Гамилькар повернулся к факелу. Лицо его выражало неужёлную, мучительную тоску. Он протянул руку к факелу...

«Вот так, Кларисса! Мне так не хватает общения с тобой. Только наш средний сын Ганнибал, так напоминающий тебя, согревает моё сердце, здесь на этой вершине! Маленького Магона, я отправил Иоле, в Карфаген! А, Ганнибал растёт со мной! Он видит вокруг себя только воинов и игрушки его – оружие! И если раньше, при твоей жизни, он любил разговаривать и шкодничать, то сейчас, в таком раннем возрасте, испытав потерю матери и брата, он стал молчаливым, но очень собранным ребёнком! Я думаю, судьба готовит ему какие-то немыслимые испытания, лишения и трудности! А он, уже сейчас готовит себя к ним!»

Гамилькар взял факел и пошёл к спуску утёса. За ним, бесшумно, в двух шагах от него, двигалась тень серой собачки. Тропа, ведущая вниз с утёса, резко ныряла вниз, довольно крутыми ступеньками лестницы, вырубленной в скале. Но потому, с какой скоростью эти двое спускались по ней с горного утёса, становилось понятно, что тропа исхожена ими тысячу раз! Гамилькар, почти не смотря себе под ноги, быстро спускался по грядам горных уступов. Вот он уже на пологом спуске у центрального жертвенника лагеря... Стоящие на часах войны, оказывая почёт, проходящему мимо стратегу, поднимают над собой правый сжатый кулак. Гамилькар, кивая им в ответ, ныряет в одну в одну большую из расставленных здесь палаток. Он входит в большой, перекрытый плотной парусиной, зал с большим длинным столом посередине...

По краям стола застыли в безмолвии часовые – гоплиты. Зал освещается горящим масляным очагом, пламя которого стремится вверх, к круглому отверстию в парусине, у перекрытия потолка зала. Края отверстия в парусине закопчены и темны, от проходящего через неё дыма. Но загадочным контрастом сизому дыму, покидающему помещение через отверстие, являются проглядывающие своим холодным, безучастным, разноцветным светом, звезды...

За столом сидят и вкушают принесённые им яства, не менее двух десятков человек. Увидев, так стремительно появившегося Гамилькара, многие застывают от неожиданности с открытыми ртами и поднятыми ко рту кусками пищи... На первый же, брошенный на них, взгляд, приходит мысль, что эти люди явно не принадлежат к обитателям этого военного лагеря. Они празднично и пышно разодеты. Несколько человек одеты в жреческие одежды и явно не принадлежат простому жреческому сословию. Другие одеты как богатые горожане. Их хитоны ярко обрамлены и вышиты золотыми и серебряными орнаментами. Но есть, среди них

и несколько военных. Они сидят рядом, друг с другом, и отличаются, только, разными цветовыми воротниками расшитых хитонов, выглядывающих из-под добротных доспехов...

Все, резко, поднимают взгляд на вошедшего.

– Я приветствую посольство вольного мирного города в своём лагере! Надеюсь, дорога оказалась для Вас неутомительной?! Клянусь расположением к себе Великой Танит, мне пришлось отменить многое, когда я узнал о приближении вашей делегации!

– Клянусь разящим, без промаха, Баалем! Твоё появление, как всегда, неожиданно, Гамилькар! Нам сказали, что ты в отъезде и будешь нескоро?! Но мы очень рады, что твоё появление оказалось столь стремительным! – Из-за стола поднялся один из военных. Это был высокий, с чёрной бородой и такими же волосами, человек, на вид ему было около пятидесяти лет...

– Много лет прошло с тех пор, когда мы, вместе с тобой, были в одном походе! – продолжал военный, – Но слава о твоих воинских подвигах не перестаёт удивлять родной город! Жаль, Совет ста четырёх руководствовался другими критериями при выборе нынешнего состава суффетов! По мне, это очень плохо отражается на боеспособности наших армий!

– Это совсем не так! – из-за стола, подал голос человек в жреческой одежде с тощим, жёлтым лицом. Глаза его походили на глаза дикой, голодной гиены. По манере говорить становилось ясно, что человек этот не любит слушать кого-либо, а наоборот привык, чтобы слушали его, – Гикет, ты разве не знаешь, что в суффеты выбирают только тех членов Совета, кто непосредственно находится в городе! Баркиды сами исключили себя из числа претендентов на этот пост! Покинув пределы города, они ослабили его! Пусть вернуться обратно и тогда станут полноправными претендентами!

– Карталон вернулся однажды, после своих громких побед, ваш жрец Агафон поднёс ему чашу с ядом, на самой встрече! После этого, Баркидам имеющим, столько, недоброжелателей и завистников, правильнее сторонится такого гостеприимства! – Гикет злобно улыбнулся в сторону жреца.

– Скромность ни для кого не была вредна, Гикет. Род Баркидов славен в веках! Но, только, это поколение этого рода покинула границы города, как заговорщики. Где, в данный момент, находится Карталон? После победы при Дрепане, где никто не отнимет его героизм и большой талант стратега, ибо он отличился, как никто другой, он пропал в неизвестность? Куда? И до Дрепана, он отсутствовал несколько лет? Где он был? Это пахнет заговором?! Кстати, при последнем отбытии Баркидов, коварные латиняне напали на храм Молоха, воспользовавшись неизвестными и поныне подземными ходами! Кто им их показал? Это случайность или нет, Гикет? А Агафон пал, защищая храм в неравной борьбе!

– Если у Совета столько подозрений, что ему нужно в моем лагере? – вступил, в полемику, молчавший, до сих пор, Гамилькар. Говорил он, спокойно и не торопясь, – Я уже, более трёх лет, не получаю от города никакой помощи – ни в воинских, ни в финансовых вливаниях! Что же Вам ещё надо от меня? Вы своим выбором стратегов, растоптали своими собственными слонами победителей Тунесса! Вы утопили половину опытных моряков Гамилькона на мелях Эдгат! А теперь, ещё смеете спрашивать, где мой Брат?! Это после их общей победы с Асдурбалом у Дрепана! А не нам ли, надо подозревать в предательстве кое-кого в Карфагене? Вы подумайте, кому выгодно собрать у города тысячи наёмных кельтов и галлатов? А насчёт нахождения моего брата, вам не стоит ломать и так не совсем здоровую голову!

Эти слова вызвали у некоторых присутствующих всплеск плохо скрываемой неприязни. Но Гамилькар, совсем, не обратил на это своего внимания. Он продолжал:

– Кстати, о месте нахождения моего брата знает принц Дидон, можете справиться у него, если так интересно. Что? Не знаете, где находится единственный прямой потомок царской ветви? Что же Вы, за правители такие, что разогнали весь цвет своего народа, который служил городу верой и правдой? Может случиться и так, что и я, приму решение оставить Вас

с вашей славой и покину берега Африки навсегда! Все, о чём вы мечтали все эти годы, случится! И ничто не будет преграждать путь Вашему возвышению! А Карталон выполняет миссию. Миссию намного важнее моей собственной, ту которую никто не может выполнить из всех нас взятых!

– Какую? – Глаза жреца сузились, и сквозь эту узость сквозило вековой злостью и враждой.

– Я же сказал, ВАЖНУЮ! – спокойноотреагировал Гамилькар, потерявший интерес к тощему жрецу. Он отвернулся от жреца, как от надоедливой уличной торговки. – Так, что же Гикет, привело делегацию в мой лагерь?

– Не сердись Гамилькар, – вступил в разговор ещё один из прибывших, он был одет в одежду богатого горожанина. Это был представитель совета Магнатов города, – Не все разделяют точку зрения, бытующую в недрах Священной Касты. Мы всегда относились с уважением к роду Баркидов! Чествуя их, как самых доблестных защитников нашего города! Мудрая Танит, распространив своё покровительство на наш город, призвала ваш род, как защитника его интересов! Вот и сейчас город нуждается в твоей помощи! Только эта помощь уже нужна в другом ключе! Не с оружием, на поле брани, а за столом мирных переговоров! Не в силе твоего корпуса, прозванного «железным» даже врагами! Не в скорости твоей доблестной и несокрушимой конницы! А в мудрости твоего слова, взвешенности твоих доводов, правильности твоих суждений, умения извлекать правильные выводы из сложившейся ситуации и самое главное – непререкаемости твоего авторитета у врага! Все это очень нужно в предстоящих переговорах с Римской республикой! Ты один, не потерпел поражения от римлян, а напротив нанесишь им урон за уроном! И поэтому, твоё слово будет для них намного весомей, чем слова любого другого из нас. Именно, поэтому, я, от имени совета Магнатов города, прошу тебя, согласишься вести переговоры с Римом, в качестве главы делегированной группы граждан Карфагена! Здесь, среди нас, присутствуют и другие послы, присланные и советом Пентархий и советом тысячи одного горожанина, а также царского родового Совета Ста Четырёх! Все они присоединяются к моим словам! – Поднявшись, все члены согласно закивали головами, поддерживая слова горожанина, имя которого было Сараф.

Сараф же, ожидая реакции Гамилькара на его слова, застыл на месте...

Гамилькар не спешил с ответом... Он, довольно долго, изучал лица делегатов. Потом, медленно подошёл к столу, и не торопясь наполнил себе чашу вином, стоящим на столе...

– Хлеб... Вы видите на столе хлеб? Его мы едим не часто... Бывают проходят недели, пока флот Диархона не отгонит блокирующие флота Сиракуз и римских эскадр... Только тогда, мы производим подвоз необходимых продуктов... А ведь в нашем лагере построено целое селение для мирных жителей, которые пришли к нам, спасаясь от римского произвола... Здесь, среди них живут и наши семьи, наши дети... те кто родился на горе, или был сокрыт здесь! Но и они не едят хлеб постоянно! А к вашему приезду, он не был сэкономлен... и лежит на столе!

Гамилькар допил вино, произнеся эти слова...

– Почему, Вы думаете, что сейчас самый важный момент для переговоров? Если быть, совершенно честным, а я надеюсь, что среди вас меньшинство людей с двойным дном, то я могу высказать свои соображения на этот счёт...

Гамилькар помолчал, прежде чем продолжил...

– Римлянам нужен мир намного больше, чем нам. Даже несмотря на их последнюю победу в морской битве! Почему, вы спросите меня? Во-первых, они уже давно привыкли, что за их победой обязательно следует не менее крупное поражение! И сейчас у них вовсе не эйфория от победы, а, наоборот, зажатость от ожидания нашего ответного хода! И я, уже знаю, где нанести его! Вот тогда и следует начинать переговоры! Переговоры же после их победы, дают им право ставить нам свои условия и требования! И они это сделают со своей волчьей хваткой,

присущей последователям вскормленных легендой волчат! Во-вторых, если мне сейчас возражают, что так же будут рассуждать и они, после своего поражения и это будет продолжаться бесконечно?! Я отвечу: – нет, не будут! Легионы у них набраны из неопытной молодёжи, которая имеет слабый дух! Большинство опытных, стойких солдат выбыли из строя, по разным причинам – смерть, болезни, раны, возраст. Их армия обескровлена! И дав им сейчас возможность диктовать условия мира, мы, совершаем преступление против нашего города! Но если и не преступление, то историческую глупость, которая нам позже, помяните моё слово, может дорого обойтись! В-третьих, у нас за эти годы сложилась огромная армия наёмников, которые ждут оплаты своего ратного труда. Её вы собрали, не понимаю, для каких целей у города? Насколько мне известно, её численность равняется 70-ти тысячам вооружённого разноплеменного воинства. Да, это невеста какая дисциплинированная, боеспособная армия! Но в случае появления у них талантливых организаторов-вождей – это очень серьёзная сила! Нам надо использовать её по назначению! Против Рима! Этим мы оттянем им выплаты. Более того, часть выплат они получают от разграбления римских магистратур! Тем самым мы решим часть финансовых проблем, которые встали перед городом в последнее время! А освободившиеся средства, нужно бросить на строительство нового флота и создание боеспособных команд! Вы подумайте, здесь в Сицилии, города Гела, Катана, Тагромена – отличная добыча для этой армии! Ведь именно из этих городов идёт торг нашими военнопленными, нашими соотечественниками! Именно там они становятся рабами! Подумайте над моими словами, сограждане!

Гамилькар замолчал... В зале повисла тишина... Слова Гамилькара, не лишённые смысла, повлияли на всех присутствующих... Но молчание длилось недолго...

– Баркиды не могут ни на шаг отойти от своей славы великих полководцев и стратегов! – Подал голос второй из военных, сидящих за столом. Это был грузный человек, лет сорока. Несмотря на свою грузность, говорили, что он обладает нечеловеческой силой. Что однажды, впрочем, и подтвердилось – на праздновании в честь Бога Милгарта, покровителя торговли Карфагена, при жертвоприношении, один из огромных жертвенных быков вырвался от своих поводырей. Он пропорол брюхо одному из жрецов ритуала и бросился на горожан. Все это произошло по грубой халатности устроителей празднеств! Быка провели слишком близко от жертвенника, на котором уже произошли жертвоприношения. Учув кровь своих соплеменников, бык взбесился и кинулся на людей! Быка хотели заколоть длинными копьями, но в этот момент, быка, поймала за рога рука очень сильного человека! Перехватившись и второй рукой, человек заставил быка свалиться на бок, а потом быть заколотым согласно требованиям церемонии... Обладателя такой силы звали Герт Магон...

– Сейчас уже поздно рассуждать, кому выгодны переговоры? Нам или им? У тебя своё мнение на этот счёт, у нас своё! Дело не в этом! Не надо хвалиться своими наблюдениями над врагом! Если бы мы были, также, как и ты, вблизи своего врага, мы бы тоже хорошо разбирались в его трудностях и слабостях?! Но я не хочу, здесь, вносить никакую тень обиды! Я знаю, что ты сейчас хочешь мне сказать! Да, не все из нас обладают такими талантами стратега как ты! Да, не все из нас храбры как Баркиды! Да, для многих из нас спокойная торговля намного славнее всех громких побед над врагом! Но и у тебя, Гамилькар, есть слабые стороны! Вот смотри! Разобравшись в слабостях вражеских линий, ты позабыл посмотреть на свой тыл! Ты забыл или пропустил наши ряды и линии! Сухопутной армии требуется обновление. Слишком большие потери понесли мы в последнее время. Нет, не по твоей вине! Это сделали бездари, думающие что они, оторвавшись от своего богатства, которое очень хорошо могут копить и преумножать, также хорошо просчитают морскую битву или сражение на земле! Нет! И ошибки эти мы полили кровью! Кровью наших граждан! Ты говоришь, об использовании наёмников. Хорошо. Мы подумаем над этим. Эти армии будут отодвинуты к границам дикой Ливии. Гиксон Ганнон назначен их командующим. Будучи суфкетом он обязан обеспечить безопасность города! И если кто-то из Магнатов затаит выплаты в казну суфкетов для

оплаты вознаграждения наёмникам, будет приведён в Совет пентархий и лишится всего, включая жизни! Я это обещаю, как председатель этого совета! Гиксон же, пока готовятся деньги для выплаты, поведёт армию на границу, откуда стали часто приходить черные берберы и другие дикие племена. Они слишком часто вторгаются в наши пределы влияния, и мы обязаны обезопасить своих союзников! Этим мы займём армии наёмников и сохраним своё военное присутствие в глубине Африки, пока не обновим свою армию! Это, сейчас, самая главная задача... – Эти слова Герт произнёс с особой значимостью, но был прерван Гамилькаром.

– Задача?! – перебил он его, – Скажи мне, Герт, какую из особых задач, вы выполнили за последнее время? Ты даже не представляешь, с кем придётся иметь дело Гиксону! Тысячи галлатов, которые могут напиться и проспаться сражением! Или балканские кельты, которым бы только дорваться до грабежа! А ещё ты забыл о нуммидийцах и ливийцах, которые подались из отдалённых земель, от самого Тинга, только что бы пограбить Сицилию! Этих наёмников очень трудно удержать в «узде повиновения»! Их нужно держать на коротком поводке, полагаясь не только на авторитет или звон монет, который город не торопится просыпать во имя их успокоения, но и реальную, сложную задачу! Не имея таковой, они перестанут подчиняться! А что до сбора новой армии Карфагена? То здесь двоякая ситуация! Может быть, удастся набрать и обучить новые отряды? А может случиться так, что придётся сражаться с необученными горожанами, против взбунтовавшихся войск наёмников! Как тебе такая перспектива, Герт? Поэтому, я говорю – зачем такой риск? Вы так меня и не поняли! Римляне сейчас, для нас меньшее зло и опасность, чем свои бывшие соратники, собранные чьей-то, толи глупой, толи слишком хитрой волей! Но не мне принимать решение, поэтому, я подчинюсь сложившемуся решению устоявшейся в веках власти города! Дабы не давать потомкам, пример и повод передела свободы города!

– Вот и хорошо, Гамилькар! Я несколько не сомневался в этом! – Улыбнулся всем присутствующим Гикет, – С тобой Гамилькар, нам будет намного легче вести диалог с хитроумными квиритами!

В одобрении его слов, многие согласно закивали и стали обмениваться мнениями по поводу острого спора. Только жрецы, молча наблюдали за происходящим, не выказывая никакого одобрения...

– Ты, назначаешься главой нашей делегации! И тебе принадлежит главное слово в предстоящих переговорах! Совет пентархий именно так сформулировал твоё участие в них! Мы надеялись на тебя, Гамилькар! – Обратился к Барке ещё один горожанин, представитель магнатов города, представляющий общину оружейников, его звали Гарбон. – Мы все будем лишь помогать тебе, отстаивать наши интересы в этих предстоящих, сложных спорах!

При этих словах, лица жрецов, сморщились кислой, отжатой миной. Лишь глаза их Верховного жреца продолжали гореть огнём ненависти...

– Хорошо! Но у меня есть несколько требований! – контр аргументировал своё согласие Гамилькар. – Во-первых, пока ведутся переговоры, мой лагерь остаётся на месте! Также, и не один из моих гарнизонов, не будет отозван со своих позиций! Во-вторых, мой корпус, продолжает базироваться в своей провинции, прикрывая Лилибей справа, а Солунт слева! И в-третьих...

– Не слишком ли много требований? – не выдержал и перебил Гамилькара, Верховный Жрец Капитон.

Гамилькар почему-то повернулся к нему с улыбкой... Это несколько обескуражило всех присутствующих... Все ожидали гнева со стороны Барки... Но, вместо этого, он с улыбкой и необыкновенным спокойствием отреагировал:

– А я ещё не озвучивал своих требований! Все, о чём я сказал, является мерами предосторожности на случай срыва переговоров! Эта небольшая козырная карта в моем рукаве, если Рим займёт позицию силы и начнёт диктовать свои неприемлемые нам условия. Так вот, я

вынужден повторить свою мысль! В-третьих, флот Диархона оставить на месте и не отзывать из Сардинии! Пусть его за это время хорошо обслуживают городские корабельные мастерские! Так, чтобы он отсвечивал своими медными бортами, как будто только что построенный! Чтобы его осмолённые борта блестели на солнце, вводя в заблуждение, что у нас ещё есть неиспользованные резервы!

Гамилькар замолчал на минуту, о чём-то задумавшись...

– А требования? Какие твои требования? – не выдержал Капитон, смотря на Барку ненавидящим взглядом.

– Да! – очнулся Гамилькар, – Теперь, действительно, требования! Сегодня же, на одной из моих гемииол, я своей властью главы посольства, отправляю всех Жрецов Молоха, в церемониальные чертоги их храма! Миссия их в моей делегации уже выполнена!

Лицо Капитона скривилось от распирающей его желчи. Но, как он не старался, не смог не выдать неожиданность «услышанного» и не подобрав сколько бы аргументированный ответ в оправдании своей пользы, только выдал: это:

– Римская эскадра заблокировала выход отсюда! Что же ты отправишь людей на смерть, ради только того, чтобы избавиться от нас? В этом, все Баркиды!

– Да, действительно, римская эскадра стоит перед заливом. И заметьте, именно вы договаривались об её отводе! Но она стоит! Значит, и мы имеем право осуществить некоторые действия! Например, перегруппировку некоторых своих сил для небольшой, незначимой операции! То есть, о каких – либо выполняемых договорённостях говорить, пока не стоит!

Гамилькар повернулся к Жрецу Капитону:

– Готовься жрец! Призывай своего страшного Молоха в помощь! Я сам выйду из гавани проводить и посадить вас на мою гемииолу! Сегодня, ты не понаслышке, а воочию примешь участие в морской вылазке! И какая слава придёт с тобой в Карфаген, ведь против нас будет вся эскадра врага!

Гамилькар улыбался... Но все, кто его знал, из тех, кто находился в этом ограниченном помещении из его воинов, поняли, что будет нешуточное дело и, что решение и подготовка его уже произведена и отмены никакой не будет. В его глазах они уже увидели отражение вражеских мечей и копий... Их стратег, мысленно, уже был там.

Капитон и его жрецы, смотрели на членов делегации, в надежде, что те вступятся за них... их просящие сострадания лица, выражали безмерную тоску...

Но члены делегации, решив, что требование Гамилькара, как главы делегации, не подлежит дискуссии. И поэтому, приняли его, как свершившийся факт, предпочтя не обращать внимания на просящий помощи взгляд Капитона... Они, ещё некоторое время, обменивались мнениями, по различным вопросам друг с другом и с Баркой, пока не закончился ужин...

Вдруг, в палатку вошёл человек. Охрана стратега узнала в нем своего командира Теоптолема. Он обвёл взглядом застывших за столом членов делегации и кивнул Гамилькару.

– Все готово, Гамилькар! Гептеры загружены, как ты и приказал! На бортах самые проверенные войны! – Сказал он.

Гамилькар встал. Вид его был совершенно спокоен. Он повернулся к Капитону:

– Пора!

Только тут, все присутствующие поняли, что все, о чём говорил Гамилькар, не просто слова, чтобы испугать бедных жрецов. Рты некоторых горожан открылись... Их вид был растерян... Но все это было совсем не сравнимо с тем, что творилось с жрецами Молоха...

Гамилькар уже позабыл, об их присутствии... Его помыслы были в другом месте...

– Выходим сразу после полуночи! Я выхожу, на римской трофейной квинтиреме! Ты, Теоптолем следом. Идёте за мной, но на таком расстоянии от меня, чтобы дозорные галеры Рима, не распознали наших цветов парусов и вымпелов. Как только я войду в контакт с римской дозорной галерой, действуйте, как запланировали. А после, атакуйте!

– Гамилькар, я надеялся быть на атакующей галере! А ты бы мог, управлять боем и нашей задумкой с гептер, на которые отправляешь меня! – В голосе Теоптолема звучало разочарование.

Гамилькар улыбнулся другу своей открытой, светлой улыбкой, положив на его плечо свою руку.

– Не обижайся, Теоптолем! Мне ещё есть, что передать детям волчицы! Но, ты рядом! Я не могу доверять того, что мы задумали никому, кроме тебя! Тебе доверена основная атака и провод каравана! Это не меньшая по сложности задача и ещё большее доверие!

Друзья, взглянув ещё раз в глаза друг друга, улыбнулись... Теоптолем кивнул, соглашаясь.

– А не пригодится ли моему другу ещё один меч, на его корабле? Когда-то, мы вместе давали нашим врагам хорошую трёпку! – Вдруг, раздался голос Гикета из-за стола.

Гамилькар повернулся к нему и ответил:

– В деле, которое нам предстоит сегодня, важен каждый меч! Но, предупреждаю! Прогулка будет не из лёгких! Ветер может подуть разный!

Гикет вышел из-за стола.

– Надо отблагодарить хозяев, за тот хлеб, который они не пожалели, встречая нас! А чем свежее прогулка и сильнее ветер, тем веселее душе! Давно я не обнажал стали, надо размяться перед мирными соглашениями! – Он скрылся, вместе с Гамилькаром и Теоптолемом, уводящим жрецов, за полог парусины...

В зале висела тишина...

– Это что мирные приготовления? – задал вопрос один из членов прибывшей делегации.

Ему никто не ответил. Все думали о своём...

– Это жизнь в лагере на горе Эрик! – ответила одна из женщин, пришедших убрать со стола, – Наши мужчины, живут ею уже три года! Иной мы не знаем...

Она скрылась за пологом...

Глава 2

...Ночной сумрак опустился на заливы вокруг порта Панорма. Изрезанный скальными выступами и небольшими, глубокими бухтами берег, наблюдается с моря сплошной темной полосой... Волнение на воде, с наступлением ночи, поутихло... Тишина и спокойствие царствуют в небольших, пробегающих волнах, в которых старый Протей незримо вслушивается в берег... Но ему этого мало и он, движимый любопытством, ощупывает прибрежные скалы своими, направляемыми им, покатыми, гладкими волнами, которые с определённой периодичностью с грохотом накатываются на интересующие старого Протея скалы, шлифуя и полируя их края... Кое-где, на берегу, раздаётся перекличка разбуженных этим береговых птиц. И они долго не могут, успокоятся, передовая друг другу свои тревоги... Небо затянуто пеленой и дымкой опустившегося тумана...

Одна, из этих птах, потревоженная прибором, будто бы, не налетавшись за день, вдруг взлетает высоко над скалами и летит, в пелене обрывков тумана, вдоль их протяжённости к большому выступу берега, уходящего в море длинным «носом» мыса. Она, разогнавшись, резко меняет курс в сторону «носа» мыса и переходит на «бреющий» полет, летя вдоль выступа берега мыса. Редко взмахивая крыльями, она поднимается чуть выше и снова переходит на «бреющий», инерционный полет. Но вот мыс закончился... Но птица не меняет курса?! Лишь взмахи её крыльев становятся более учащёнными и полет снижается! Она летит над волнами на той высоте, что если бы это было днём, то эти же волны, могли накрыть её своими рваными, пенными гребнями! Но сейчас, когда ветер – их партнёр по жизни, истратил свой дневной запал сил и отдыхает, вяло, устало и сонно делая свои последние вздохи, находясь в ночном полудрёме перед своим утренним пробуждением, птаха торжествует своей неуязвимостью и удалью, над усталой, поверженной стихией! Но давайте подумаем? Что она делает? Ведь она не чайка и не альбатрос! Улетать ночью, в таком густом тумане, далеко от берега для неё очень опасно?! Но птаха, несмотря на наши с вами тревоги за её судьбу, продолжает свой полет ещё дальше вглубь моря?! Что с ней? Неужели она потеряла направление и рано, или поздно её ждёт гибель в волнах? Её полет становится вызовом всей безграничной водной стихии... Но, вот она, вдруг, начинает подъем, и скрывается в верхних слоях тумана... Серая мгла поглощает глупое маленькое существо... Старец Протей, незримо поплескавшись в волнах, вздыхает, сокрушаясь думами о судьбе глупой птицы и устремляется в том направлении, где последний раз он заметил взмах её крыльев... От этого его толчка, слышится какой-то странный всхлип и крутая волна, родившаяся сама по себе, несётся к берегу...

...Протей пронесётся вперёд и вдруг слышит, своим очень чутким, натренированным тысячелетиями слухом, знакомый шелест разрезаемого крыльями воздуха... Вот оно что?! Напрасно, мы с вами, переживали за глупую птаху! Из темноты, волнующегося моря высовываются мачты нескольких военных галер, которые покачиваются на волнах, неся вахту блокады Солунта. Города, находящегося в непосредственной близости от плато Геиркте и горы Эрик, на которой расположился лагерь Гамилькара Барки. Наша птаха оказалась не такой уж глупой и поднялась над туманом, чтобы безошибочно определить нахождение военных галер, высокие мачты которых, проглядывают над опустившимся туманом... Птаха, дав круг над галерами и сориентировавшись, устремляется к одной из них, опуская свой уровень полёта и вырываясь из плена скрываемого её тумана... Теперь её уже не только слышит, но и получает возможность видеть наш старый сплетник Протей, незримо присутствующий на водной глади ночного моря! Он, с удивлением, наблюдает за птахой и видит, как её полет опускается до уровня бортов галеры. Она летит вдоль длинного корпуса галеры и ныряет в небольшое отверстие, в носовой части судна... Мы, вместе с морским богом, успеваем увидеть скрывшийся в отверстие, где, по-видимому, свела своё гнездо птаха, раздвоенный ласточкин хвост...

...Протей, улыбнувшись в свои длинные водоросли-усы, удовлетворён решением цели полёта птицы и теперь, заинтересовывается тихим разговором, происходящим на борту галеры, который своими обрывками, достигает его слуха...

– ...вернулась домой! И где её носило до сих пор? Видно, блудница нашла голубка на берегу!..

Слышится тихий смех...

Протей, потеряв интерес к разговору, вдруг, слышит что-то заинтересовывающее его намного больше!.. Эти новые звуки, кои улавливает его чуткий слух, влекут его к себе и он, поймав и расслышав небольшой кусочек продолжавшегося разговора, медленно, начинает тонуть, перед броском в новом направлении...

– ...скоро должен показаться! Патруль их, состоит из веселых трирем, они проплывают здесь каждую третью ночь! Плынут вдоль берегов от Эрика до Панорма! Три десятка трирем. Скоро, ты их увидишь! Это очень быстрые корабли!

Разговор обрывается... Собеседники явно чем-то отвлеклись...

– Слышал?! Будто, что-то огромное проплыло под кораблём?! Галера качнулась и приподнялась?!

– Да, здесь это бывает часто! Не знаю с чем это связано?! Может киты, играя, как наша блудница, что прилетела только что, задевают нас, своими огромными плавниками? Может это то, что понять нам, пока не дано?!.. Но мы, отклонились от темы?!

– Да! Я хочу, побыстрее, разобраться с вымпелами. Чтобы, столкнувшись с неприятелем, знать, где свои – где чужие! Вообще, я, пришёл на флот, чтобы нос к носу столкнулся с этими злобными пуннийцами! А какие вымпелы у них на гафелях, мне неизвестно, Целий?

– Вот это правильный, заданный тобой вопрос, Антоний Бриан! Ты только начинаешь службу и, поэтому, мой тебе совет – если увидишь на море пуннийца, будь он торговец или рыбак, а тем паче, военный корабль – никакой пощады! Только так, мы, добьёмся победы! Так сказал наш консул Метелл! Хочется думать, что он прав! – говоривший эти слова замолчал на некоторое время, будто вспоминая «что-то». – А в цветах и вымпелах, я тебе помогу разобраться! Я уже служу более пяти лет и не раз видел в бою стяги и Ганнонов, и Баркидов! – Закончил он, после некоторого раздумья.

– Ну, ты это, конечно же, загнул, Целий! Воевать против простых торговцев и рыбаков? Это не придаёт славы республике! В скольких стычках, ты принимал участие, Целий?

– Это уже не посчитать. Примерно в двадцати трёх!

– Да! Теперь я понимаю, что славу Риму на море принесли такие стойкие центурионы как ты! Отчаянные и бесстрашные воины, готовые отдать все, включая жизнь, ради славы римского флота!

– Да, слушать тебя, трибун Бриан, очень приятно! Жаль, проклятые пуннийцы, сидят в своих норах и не выползают из них! А то бы я, продемонстрировал свою сноровку в сражении, и манёвренность своей галеры! Ты бы увидел, как пятаются и спасаются бегством их корабли!

– Да, жаль! Но насколько, я знаю, в последнем сражении у Эдгата, в битве не участвовал флот Баркидов? Если бы они там были, говорят, ещё не известно, одержали бы мы победу?!

– Все вранье! Будь там Баркиды, их галеры также были бы разбиты, на мелях вдоль островов, остальные бы удрали, как и всегда!

– Твоя уверенность, заставляет меня поверить тебе, Целий! И все же, какие по цвету паруса и вымпелы, наших союзников Сиракуз?

– Голубого с нарезкой волн из белой парусины! Вымпелы того же цвета – голубого!

– Вот теперь я не ошибусь! – голос замолчал на минуту, потом продолжил, – И все же, я слышал, что при Дрепане, флот Баркидов, хоть и был не в полном составе, всего в двенадцать галер, а с ним, соединившаяся часть флота Ганнонов, разбили наш, в три раза превосходящий флот, консула Пульхра! Как, ты это объяснишь, Целий? Ведь они захватили 93 наши галеры?

– Им просто повезло! – Уязвление услышанным, чувствовалось в голосе Целия. – Но, клянусь Нереидами! Больше им такого везения не видеть! – Целий зло сплюнул за борт...

Он помолчал минуту. Молчал и его собеседник...

– Кстати, продолжил Целий, – туман становится плотнее, скоро рассвет!

– Шум весел со стороны Панорма! – слышится крик с дозорной мачты галеры.

– Вот и сиракузцы! Только не пойму, как они минули нас? Получается, что они возвращаются назад! Но это, точно, не пуннийцы! Откуда им взяться у нас в тылу? – Целий напрягает зрение, смотря в плотный туман.

Серая пелена полностью накрыла море, временами рассеиваясь и разрываясь под действием движения воздуха.

Целий и Бриан вслушиваются в тишину ночи, размываемую плеском воды у бортов. И сквозь этот плеск. Слышится размеренный шум весел. Опускающихся с определённой периодичностью в воду и скрип весельных уключин.

– Построй дежурную часть манипула у бортов, Целий, – приказывает трибун Бриан, – на всякий случай!

Целий поворачивается и идёт к корме, по длинной, хищной палубе квинтиремы, к месту, где толпятся десятки воинов дежурного манипула.

– Что-нибудь видишь? – поднимает голову Целий, спрашивая громким голосом, дозорного, находящегося на смотровой площадке, на мачте.

– Только мачту! Туман скрывает остальное! Но, мачта по строению рей принадлежит нашей римской квинтиреме. Постойте! Месяц! На вымпеле месяц в пене!

С дозорной вышки звучит трубный сигнал тревоги. Целий уже пройдя мачту, приседает от неожиданности! До него не сразу доходят слова о вымпеле. Но уже, через секунду его прошивает холодная мысль: «Барка!»

Он хватается свою дудку центуриона и свистит построение около себя.

«На нос корабля, бежать уже поздно, не успеть построиться! – думает Целий».

В это время, с Антонием Брианом, происходят совершенно другие детали событий этой ночи. Отдав приказ построить манипул, он всматривается в туман... Вот из пелены появляется нос римской квинтиремы. Она плывёт со стороны Панорма и это совершенно успокаивает Бриана... Он облегчённо вздыхает... Но, в этот момент, сверху наблюдательной башни звучит сигнал тревоги! Бриан хватается ближайший щит, которые рядами укреплены на бортах галеры и в спешке надевает его на руку. Мгновение, и в его другой руке блеснит меч! Он видит, как к борту галеры подходит нос другой квинтиремы с вымпелами непонятного для него значения! Раздаётся хруст ломаемых весел дежурной весельной команды, которая несёт ночную вахту. Квинтерема не таранит их корабль, а идёт почти борт о борт, параллельным курсом, специально ломая весла, чтобы галера потеряла ход! Бриан, с ужасом видит, что мостик именуемый у римлян «Дуилиным мостом», а у других народов, прозванный «вороньим» из-за крюка на его конце, отведён в сторону его галеры... Мост с грохотом падает на борт квинтиремы Антония... Корабли резко дёргают друг друга, сцепляясь... Строящиеся шеренги манипула в середине галеры падают на палубу, от её резкого колебания... Бриан, ухватившись за канаты гафелей, удерживается на ногах и с ужасом замечает, как на мосту появляются вражеские воины... По виду они очень ловки! Если судить с какой быстротой они вскочили на качающийся, ещё шаткий мост...

Бриан отступает от носа корабля на два шага и готовится встретить врага, предварительно оглянувшись на своих... Повернув голову обратно, он видит бегущего по мосту воина в белых доспехах, с мечами в каждой руке... Тот подбегает к краю мостика и с размаху бросает в него один из мечей... Бриан инстинктивно поднимает щит над головой, прикрывая им её... Он слышит удар лезвия о середину щита, а следом страшный силы толчок в щит... Антоний теряет равновесие и падает на палубу... В падении, у него проносится мысль, что воин, бросив в него

свой меч, следом прыгнул сам и инерцией прыжка, соединённого с силой толчка, ударил его в щит ногой...

«— Как глупо! — мелькает в его голове мысль. Он пытается подняться, но, в следующее мгновение, получает страшной силы удар по голове и все обрывается в его сознании...

...Гамилькар поворачивается в сторону середины галеры... Его глаза, среди ночного мрака, царящего на палубе, различает картину торопящихся построиться принципов... Он, повернув снова лицо к трибуну, лежащему у его ног, заносит меч для последнего, решающего удара для судьбы молодого Бриана... Его глаза замечают его молодость и каштановые волосы рассыпавшиеся по палубе галеры... Молодость трибуна смущает его... Его рука замирает...

«— Не надо Гамилькар!» — вдруг слышит он голос внутри себя, и этот голос принадлежит человеку, которому он давно отдал своё сердце... Оно принадлежит ему все, без остатка, и до конца его дней! Голос Клариссы! — Оставь жизнь этому мальчику! Ведь он, ещё, ни в чем не виноват! — Повторяет ее голос».

Гамилькар опускает меч и поворачивается. Рядом с ним, на палубу прыгают другие воины...

— Сапфон! — приказывает он, — Отнесите его на мою галеру!

Один из воинов отдаёт распоряжения... Гамилькар, повернувшись к своим воинам, улыбается.

— Разбей щиты, ребята! Сыны волчицы щедро приготовили их для нас! — говорит он.

В этот момент, у бортов атакующей квинтиремы, выстраиваются лучники, которые начинают осыпать середину и корму римской галеры тяжёлыми стрелами... Дождь стрел накрывает выбегающих принципов из трюма, где они отдыхали... Многие, падают пронзённые этим дождём... Гамилькар, подняв с палубы меч, брошенный им в трибуна, поворачивается к центру галеры, где видно построение неприятеля...

— За мной, ребята! — улыбается он, призывая всех остальных следовать его примеру. Он берет один из щитов, стоящих у бортов, и вместе с ним, устремляется в центр галеры, на врага...

...Римляне строятся в центре, по правую руку Целия... Все взбудоражены внезапной атакой врага... В суматохе нападения, многие не успели разобрать копья триариев и, поэтому, стена щитов имеет прорехи в щётках оцетинившихся копий... В это время их накрывает дождь стрел, летящих с корабля противника. Многие раненые этим внезапным дождём, приседают, открывая пробелы в строю... В этот момент, нападавшие подбегают к построившимся римлянам... В принципов летят не только стрелы, но и римские тяжёлые щиты, которые захватили нападавшие... Эта хитрость ломает строй латинян и в бреши строя врываются отчаянные воины...

...Гамилькар, проскользнув между выставленных копий, обрушил всю мощь своих мечей на ошеломлённых принципов... Без труда, перерубив несколько древков копий, он ещё больше расширил брешь в строю латинян и прорыв его воинов расширился... Строй римского манипула рассыпается... Принципы вынуждены повернуться, отражая удары Гамилькара, ослабив отражение фронтального напора других воинов горы Эрик. Случается, страшное избиение и свалка, в которой римляне утрачивают своё преимущество строя манипула... Все стали равны в общей свалке... Схватка перемешала всех... За совсем короткое время, пали первые ряды римлян, состоящих преимущественно из ветеранов и римляне стали пятиться к корме...

...Приимпелярий Целий, опять дудел в свою дудку... Он, окружённый ветеранами, выдержал нападение пехоты противника и сумел сколотить вокруг себя бесстрашных воинов, которые построили, что-то наподобие «черепахи». Принципы сгрудились в привычный, тесный строй и стойко держались...

– Держитесь граждане! – кричал приимпелярий Целий, – Проклятое племя пуннов, эти живодёры, убили нашего трибуна Бриана! Отомстим этим зверям! Этому сброду со всего света! Нам нужно только продержаться совсем немного! Помощь идёт!

И действительно, позади галеры раздались сигналы труб, на различный лад и разной протяжённости... Это стоящие, совсем недалеко, квинтиремы извещали свои корабли о приближении помощи! Также прозвучали сигналы с кораблей, пришедших на помощь со стороны блокады Солунта, которую держали латиняне, после поражения пуннийцев у Эдгад. Этот звук труб приободрил римлян и они, воспряв духом, стали оказывать сопротивление интенсивнее прежнего...

Сзади, из тумана стали появляться римские галеры... одна... две... три... Туман мешал правильно посчитать их...

Увидев, что их флагман ведёт сражение на своей палубе, римские корабли стали разворачиваться для атаки борта напавшей галеры! Они медленно поворачивали свои носы, с обитыми медью таранами. Направляя их в сторону зацепившихся кораблей... Прозвучал сигнал атаки и квинтиремы стали двигаться параллельным курсом по отношению друг к другу... Но в этот момент произошло то, чего никто и никак не ожидал! Из тумана, одна за другой, стали вырываться гептеры карфагенян. Одновременно, из тумана полетели амфоры с греческим огнём. Амфоры были наполнены горючей смесью, обмотанные пропитанной этой же смесью и зажжённой паклей. Выстрелы из баллист, были столь точны, что два первых римских корабля, которые развернулись для атаки и подставили, таким образом свои бока – вспыхнули почти разом... Увидев это, другие римские галеры приостановили свою атаку, разворачиваясь теперь фронтом к появившимся гептерам... Но это только усугубило их положение, так как они перестали двигаться... Вот уже четыре квинтиремы охвачены огнём... А тем временем хищные тараны атакующих гептер нашли свои жертвы в бортах не успевших повернуться квинтирем...

...Треск ломаемых, пробитых бортов, заставил приимпелярия Целия обернуться в сторону ожидаемой помощи... То, что он увидел не придало ему уверенности в победе... Наоборот, заныло холодной, тяжёлой ложечкой под самым сердцем... Многие корабли боролись с огнём, другие же – протараненные клонились своими бортами к самой кромке моря, неумолимо приближая миг опрокидывания... Третьи, в нерешительности, застыли в этой сумасшедшей суматохе...

– Как они попадают из баллист в таком тумане? – вдруг он услышал, у самого своего уха, вопрос одного из солдат. Целий обернулся к нему.

– Туман опустился к поверхности моря! Видны мачты! Они метаются по ним! С вышек координируя свой огонь! К сожалению, мы так не умеем! – Целий в сердцах махнул рукой...

– Посмотри, Целий! Сколько их! – принцип указал направление мечом в туман, откуда светилось множество световых точек, для безопасности маневрирования в таком, густом тумане...

Целий повернул голову в указанном направлении... Сквозь тусклый туман, просвечивались огни... Их было очень много, не один и не два десятка... Сосчитать точно было невозможно! Туман то уплотнялся, полностью заслоняя их, то рвался, открывая приближение новой партии врага... Будто в подтверждение его мыслей, до Целия донёсся звук труб, исходящий из тумана... Без сомнения, это был флот пуннийцев! Целий обернулся, поняв, что помощи ждать не приходится... Злость вскипела в нем! Собрав всю волю и гнев в кулак, способный сокрушить любого, он стал выискивать себе жертву... Впереди, в белых доспехах, сражался крепкий, опытный воин... Сражался он прекрасно! Отражая все направленные в него со всех сторон уколы и удары! Но в тоже время, нанося свои – убийственные и безжалостные!.. После каждого поверженного им противника, он перешагивал его и двигался вперёд...

Целий правильно определил, что это военачальник! Хотя, для военачальника он был слишком глуп! «Опрометчиво, ты взобрался на мою галеру!» – решил Целий и стал проби-

ваться к нему... Он видел, что воин в белых доспехах ворвался в самую гущу свалки... Эта его опрометчивая бесшабашность должна была сыграть с ним злую шутку... Целий, выпадом вперёд, сразил одного из нападавших, пронзив его живот... Перешагнув, через поверженного, Целий обвёл вокруг себя глазами... «Враг должен быть убит любым способом, даже если это удар в спину! – Стучит ему в висок фраза, которую он любил повторять, обучая молодых воинов...» Он ищет метательное копьё... Вот, в его поле зрения, попадает то, что ему нужно... Он, по ходу к этому копьё, нападает на одного из противников сбоку, помогая одному из своих принципов! И вдвоём, напав, одновременно, они поражают его! Тот, падая, освобождает необходимое место для задумки Целия... Он уже в четырёх шагах от цели!.. Белый воин, сражается к нему спиной и его фигура, выбрана приимпельарием как единственная цель! Цель, поразив которую, можно и умереть... Он вырывает из тела убитого пуннийца, тяжёлый римский «пилум» ... перекидывает его в руке и с поворотом корпуса, с размаху, бросает его в спину выбранной им цели...

«Но что это!» – бьёт в голову приимпельария Целия удивлённая мысль. Он широко, от неожиданности увиденного и, связанного с ней удивления, пучит свои глаза... Воин, словно имеет глаза на спине! Он резко оборачивается и успевает острием одного из своих мечей отклонить летящий, теперь уже в грудь «пилум». Отклонив полет смертельного дрота, он, одновременно, делает поворот своего корпуса, убирая его с фронтальной атаки... Через секунду пролёта дрота мимо цели он делает шаг... Шаг в его сторону! Ещё, через мгновение, меч пуннийца обрушивается на приимпельария и Целий едва успевает заслониться «скутумом»! Он снова обнажает свой меч и опять, едва успевает отклонить колющий удар в своё лицо... Но воин в белых доспехах совершает невозможное! Его правая рука делает молниеносный взмах с такой скоростью, что Целий видит только блик отражённых бортовых огней, на его мече, сверкнувшего своим оточенным лезвием, но не успевает распознать направление его удара и, поэтому, выбирает единственно правильное решение, он снова заслоняется «скутумом». Но в этот момент, чувствует обжигающую боль в кисти!.. Целий роняет меч, с удивлением смотря на, разрубленную в запястье, руку... Глаза его расширены от удивления! Но, в это время, воин резко поворачиваясь вокруг своей оси и заходит ему за его правый бок... Последнее, что помнит Целий – обжигающая боль на своём лице... Целий валится на палубу...

...Палуба квинтиремы почти уже очищена от римлян. Они устлали ее своими телами... Остатки пехоты сдаются на корме... Гамилькар обводит корабль взглядом...

– Сапфон, вымпел! – указывает он мечом на канат с вымпелом орла римской республики.

Сапфон, воин средних лет, с чёрной кудрявой шевелюрой – в бою ему сбили шлем, подбегает к канату и рубит его. Мгновение и главный вымпел флагманского корабля падает с реи... Раздаются победные крики многих десятков громких глоток победителей, который подхватывают голоса многих труб... Победный возглас отдаётся в сердцах всех сражающихся...

Римляне, видя капитуляцию своего флагмана, начинают покидать сражение... Римские галеры выходят из боя, беря курс в залив Панорма, далеко обходя место атаки на эскадру, осуществляющую блокаду Солунта и Эрика! Пятнадцать римских галер, отступили под прикрытие залива Панорма, оставив остальных погибать в ночном бою...

Гамилькар осматривает захваченный флагман... Он обходит его веселые команды, сдавшиеся на милость победителя. Осматривает состояние машин бортовой артиллерии... Пройдя на корму, он отдаёт короткую команду:

– Сдавшихся римлян в трюм! Убитых сложите на носу галеры! По приходу в гавань, будем устраивать погребение!

В этот момент, он слышит крадущиеся шаги у себя с боку. Стратег поворачивается... По галере, перешагивая мёртвых врагов, медленно, двигается Верховный Жрец Капитон. Его сопровождают два жреца его Касты. Вид Капитона, говорит сам за себя... Он, совершенно ошеломлён и напуган, от им увиденного и пережитого!

Гамилькар снова поворачивается к своему заместителю:

– Сапфон! Протрубите сигнал гемиоле – путь расчищен! Путешественники заждались!

Сапфон кивнув, исчезает.

– А вот этот, ещё жив! – напоминает он о себе ещё раз, перешагивая римского приимпелярия и показав на Целия, лежащего в луже крови.

Гамилькар подходит и смотрит на человека, пытавшегося его убить со спины... На вид ему лет сорок...

– Что смотришь, Барка? Добей беднягу! – Слышит он голос, подошедшего Капитона. Тот уже взял себя в руки и рассматривает поверженных латинян со смехом и сарказмом. – Что не можешь убить безоружного? Вот такие вы, Баркиды! Из-за вашего честолюбия, когда-нибудь погибнет наш город! Маркус, помоги бедняге!

Капитон подаёт одному из своих молодых жрецов, острый отточенный ритуальный кинжал. Тот, взяв его в огромную ладонь мясника, нагибается над Целием.

– Отойди от него! – страшным голосом произносит Гамилькар, – На моем корабле никогда не будет совершенно культовое убийство!

– Но, ведь дать ему умереть от агонии ещё большая жестокость! – Капитон возмущённо смотрит на Барку.

– А кто сказал, что он умрёт от агонии?! Я кое-что смыслю в ранах! Опыт большой! – Гамилькар сказал это таким тоном, от которого Маркус отшатнулся. – Заберите приимпелярия! Выходим и обменяем на кого-нибудь из наших пленных! – повернулся он к, стоящим недалеко, своим воинам.

Гамилькар проводил взглядом уносящих приимпелярия воинов, потом, взглянув в сторону, поворачивается к стоящим рядом жрецам:

– Транспорт готов. Привет Молоху! – и указывает на приближающуюся к квинтиреме гемиолу.

Лицо Капитона залила зелень, в его душу впились тысячи змей, каждая из которых впрыскивала смертельную дозу ненависти к этому человеку. Он, медленно повернулся, смотря на, подплывающую к галере, гемиолу...

...Ласточка высунулась из гнезда, в носовой части галеры... Стук и топот на палубе, так пугавший её в течение довольно долгого времени утих... Ласточка выпорхнула в небо... Картина, увиденная ею, очень удивила и испугала! Море в нескольких местах горело!.. Птаха поднялась повыше, чтобы рассмотреть эту удивительную картину?! Пелена тумана, вследствие приближающегося рассвета, стала местами рваться и сквозь его разрывы, она увидела, что это горят остовы кораблей, совсем недавно стоящих рядом с её гнездовьем?.. Вблизи, полыхали и их обломки, чадая темным просмолённым дымом... Дальше, были видны мачты уходящих галер, откуда-то собравшихся здесь и теперь, куда-то торопящихся! Птаха, то опускаясь, то поднимаясь, полетела в сторону ближайшего города и вдруг, совершенно внезапно для себя, пролетела наддвигающимися мачтами группы широких торговых кораблей, которые уже входили в бухту горы Эрик! Дальше, в сторону от бухты, море было покрыто светящимися огнями! Это удивило птаху не меньше всего произошедшего в предрассветное время! Птаха полетела в том направлении, движимая птичьим любопытством! Она чуть опустилась и увидела, что большая площадь моря покрыта рыбацкими лодками, на которых горят огни! Птаха облетела эту флотилию несколько раз, как вдруг увидела, что ее корабль с гнездом, который она узнавала по своим особенностям, идёт в бухту горы Эрик! Она, незамедлительно полетела к нему... Подлетая, она удивилась, что на рее, где совсем недавно гордо грозил клювом римский орёл, колышется месяц, весело подмигивая пенящимся волнам! Птаха-ласточка удивилась этому и юркнула в своё гнездо... Через минуту она высунулась вновь, и зашебетава, поздоровалась с щупальцами солнца, показавшимися из-за моря...

...Старый Протей, всплыв наверх, принял облик засеребренных миллионами солнечных отблесков волн, от покрывшейся утренней ряби, которую залили светом первые лучи зари... Он в раздумье, удивлялся всему произошедшему в предрассветных отрезках времени... Последние обломки кораблей поглотило море, и Протей последовал за ними вглубь, рассуждая про себя о земной суете людей...

Блокада горы Эрик и Солунта, была прорвана в очередной раз, вышедший из города караван кораблей, без труда входил в бухту горы – лагеря, наполняя его всем необходимым...

Гамилькар, со свойственной ему находчивостью и бесстрашием, провёл задуманную операцию. Масса лодок рыбацкой флотилии, была принята римскими орлами, за флот, пришедший из Сардинии! Римляне не только ретировались сами, но и развернули флотилию Сиракуз, встреченную ими по пути бегства!..

Глава 3

Гераклея. Небольшой греческий город на выступающем мысу берега южной стороны Сицилии. В глубине выходящего большого мыса, находится очень ёмкая бухта, в которой построены карфагенянами судовые верфи и различные мастерские. Кроме них, построены различные гавани, для вмещения галер разной принадлежности – как военной, так и торговой. Долгое время это был оплот карфагенского флота на Сицилии. Этому стратегическому назначению, город обязан очень выгодным географическим положением – он расположен между Лилибеем, цитаделью Карфагена и крепостью Акрагант, сдерживающих вражьи рати на границе влияния Карфагена много веков. Но, есть, и ещё один плюс, Гераклея находится недалеко и от побережья Тунесса. Все это, играло немаловажную роль в ходе исторических событий и именно здесь, расположилась морская база пуннийцев! Стены города возвышались на крутых скалах и смотрели своими бойницами в сторону материкового острова. Большинство жителей Гераклеи, были выходцами из Мегар, греческого квартала Карфагена. Они переселились на остров, по причине расширения их торговли в Сицилии. Переселялись не только торговцы, но и различные мастерские ремесленники! Ведь новый город строился как мощный порт! Соседство других греческих городов-полисов, не усложнило, а укрепило созданные новые торговые связи. Гераклея стала одним из основных портов западной части острова. Здесь шёл торг пурпурным красителем, получаемый в Карфагене из брюхоногих моллюсков, добываемых в глубоких бухтах побережья Африки. Торговля шла бойко и выгодно. Чтобы способствовать ей, город оброс и мастерскими других ремёсел – гончарных, кузнечных, кожевенных и прочих... Все это требовалось заезжим сюда торговцам со всего света, которые везли сюда пшеницу, вина, масла, пряности, оружие... Прекрасное положение только усиливало поток торговых кораблей, которые плавали путями – Испания – Африка – Сицилия – Италия – Балканы – Египет – Киренаика...

Такова история и география порта Гераклеи. Но, в 241 году д.н. э. все изменилось. Последнее проигранное сражение на море у Эдгадских островов, что находятся к северу от Лилибея, ослабило хватку Карфагена, распространяемую на Внутреннее море, и Римские эскадры, сновавшие вдоль побережья южной Сицилии, по сути, превратились в пиратские флотилии, нещадно грабящих бедных торговцев, ссылаясь на военные действия и необходимость блокады этого побережья. Все это произошло, только после того, как квирилы почуяли слабость противника... Исчезли морские караваны с товарами! Война, наконец, и здесь принесла свои новшества и Гераклея, как бы затаилась в ожидании мира...

Именно в ней происходили встречи двух делегаций мегаполисов, для обсуждения основ будущего мира, представленного в переговорном проекте. Во дворце совета Старейшин города собрались члены римской делегации, они оживлённо обсуждали что-то, размахисто жестикулируя при этом.

– Нам надо быть непреклонными, Консул! Мы два дня обсуждаем сумму контрибуции наших затрат в войне! А, к выгодной для нас сумме, так и не приблизились?! – сетовал Гней Оттилий, сенатор, – Победа в войне, несомненно, на нашей стороне! Это позволяет нам занять жёсткое положение по отношению к побеждённому противнику!

– Ты, забываешь, Гней! Что мы, ведём переговоры с Гамилькаром! Если бы это были какие-нибудь суфеты, принадлежащие кланам Ганнонов и Магонов, тогда было бы намного проще?! Но, сейчас, другое положение! Сильно давить нельзя! Этот «Лев Эрика» может просто хлопнуть дверью! Он ведь прекрасно понимает, что наше состояние войск и флота, требуют остановки военных действий! Наше нетерпение, может обернуться для нас очень дорого! – парировал его сенатор Гракх, – всему надо учиться, Гней! И терпению тоже! Это основа дипломатии!

– А как же Корсика и Сардиния? Эти два острова, сенат поручил выторговать у пуннийцев! А я бы, просто потребовал! Победа за нами! Так подавай все! – бьёт в голову Гнея Оттилия, возбуждение от самозначимости.

– Давай поразмыслим, где победа, Гней? – опять спокойно поясняет Гракх, – Вот, юный Эмилий, был у Панорма, когда Гамилькар напал на эскадру стерегущую Залив Солунта и бухту Эрика. Спроси его? Чем все закончилось? Не хочешь? Все закончилось плачевно, Гней! Очень плачевно! А не далее, как вчера, это известие принёс тот же Эмилий, правая рука Гамилькара – Теоптолем, атаковал эскадру Сиракуз! Причём, в донесении указано, что корабли у них все новые, с иголки! Двенадцать трирем потоплены, остальные бежали с поля битвы! А корабли Теоптолема, сверкая новыми осмолёнными бортами, и омеднёнными таранами, и боками, заблокировали теперь наш Панорм! Так Эмилий?

Молодой, можно сказать, ещё юный аристократ утвердительно кивнул в знак подтверждения слов Гракха...

...Консул, находясь здесь же, в зале, не вступал в диспут и полемику, размышляя о чём-то своём... Лицо его, не выражало никаких эмоций. О чём были его думы никто не догадывался... Но, каждый надеялся, что он примет именно его точку зрения и, поэтому, спор не умолкал...

Вперёд, выступил молодой Гай Селинатор, самый младший сын бывшего триумфатора Рима, совсем недавно сошедшего в Аид.

– Граждане, война идёт уже 24 года! Вы только подумайте, 24 года! И все эти долгие годы, за которые кое-кто успел повзрослеть и выдвинуться в политики, – несомненно, Селинатор имел в виду себя, – Мы, то выигрываем сражения, то проигрываем их! Определённого давления наших побед на противника никогда не было! Последняя, крупная победа на суше была под Панормом! Но это было девять лет назад! Но, что было перед ней? Разгром Регула, потеря всего флота! А далее вялая война, с успехами одного Гамилькара! Да, Гней! Да! Именно Гамилькар задавал в ней тон! Хотя, совет суффетов, здесь, определённо, играл на нашей стороне. Ведь окажи он ему поддержку, в более существенной форме – мир давно бы был заключён! И место его заключения, было бы где-нибудь в Лукании! Куда бы он переправился, если бы ему отдали армию бесславно затоптанную Ганнонами у Панорма! С противником в Африке нам очень повезло. Их раскол в правительственном устройстве, в конечном итоге сыграет нам на руку! И именно поэтому, нам улыбнулась удача под Панормом! Но, что мы извлекли из этой удачи? Командующим был не Барка, а магнат Гасдурбал Гон, который воспользовался ненавистью, преобладающей в совете к Баркидам, в своих популистских целях! Но в Сицилии, нашим противником выступает не совет суффетов, а армия Гамилькара! А, возмнивший о собственной грандиозности и славе Гасдурбал, лишь явление в ней! В своё время, то же самое сделал Регул! Но вспомните, что было перед катастрофой Регула! Забыли? Было посольство Гиксона! Регул отнёсся к нему высокомерно и строптиво! Но где он теперь? Умер в плену! А ведь предпосылки были те же?! Гамилькар высказывался против мира, но все остальные за! Перед этим, наши легионы одерживают славную победу при Адисе! Условия мира те же! Вас не смущает схожесть ситуации? Давайте, не примем их?! Тогда, второй раз Юпитер решит научить не совсем мудрых своих детей! Только, мне, кажется, урок сегодня будет намного страшнее! Регул, Гней, вёл себя точно также! Поза покорителя Африки – триумфатора не давала ему покоя! В этой позе, меж двух забитых острыми гвоздями досок, он и умер! Эта кара была заслужена им! Ведь именно он, посмеялся над нами, когда в год нашей победы над Гасдурбалом, пуннийцы вновь предложили нам мир и отпустили Регула в сенат, для передачи нам условий его заключения! Что же сделал этот чудак, которому судьба подарила шанс освободиться, привезя мир своему народу? Этот сумасшедший выступил в сенате с пламенной речью о непринятии условий пуннов! Сенат, а в нем находилось большинство из вас, одурманенный, лжепатриотичной речью бывшего консула, отшатнулся от голоса разума! Мы тогда, забыли, что на его руках 50 тысяч римских жизней? Те людские резервы невосполнимы для нас! А ведь

был среди нас человек, который пытался нас вразумить! Имя его Септемий Бибул! Именно он выступил после Регула и говорил нам о нецелесообразности продолжения войны! Он обвинил Регула в помешательстве и сумасбродстве! Он призывал нас принять условия мира и сконцентрироваться на других задачах республики! Но вы, опьянённые словами Регула, не поняли тогда слов Септемия, и отвернулись от него! Он много сделал для республики! Его инспекции, по содержанию военнопленных многих раздражали тогда! Он проверял семьи, где содержались заложники Карфагена и это вызывало в вас злость и ненависть! Но, благодаря его усилиям, нам сегодня есть, кем выменять своих пленных! Септемий видел намного дальше нас всех! Однажды, он сказал мне, когда я брал у него уроки основы ораторского искусства: «Главное, мой молодой друг Гай, не убедить человека в чём-то, а преподать факты так, чтобы человек принял решение в нужном тебе направлении, сам! Сделать он это должен не под нажимом твоих убеждений, а под тяжестью неоспоримых аргументов, спорить с которыми, значит подвергать себя в подозрении нездравомыслия!» Вы не приняли во внимание слов Септемия. И война продолжилась, как следствие заклания нашего народа в угоду чьих-то политических амбиций! Давайте посмотрим, что же было дальше? А было 9 лет поражений на Сицилии! Тысячи загубленных жизней, тысячи искалеченных! Эта наша награда, за нашу узость мышления! А Септемия, мы тоже не оставили без награды! Подлый кинжал его ожидал на одной из темных улиц! Его смерть на нашей совести! И вот Боги вновь вернули нас к тому, от чего мы по собственному недоумию отворачивались дважды! Мир предложен! Вы не находите совпадений? Клянусь Молнией Юпитера, только слепой и недалёкий не видит сходство положения! А, что касается Гамилькара, то он будет только рад срыву переговоров! Ведь не забывайте, мы с вами наделали в этой войне много подлых ошибок, одна из которых вероломно утопила мирные корабли Карфагена, а на одной из них, были жена и сын Гамилькара Барки! Грубо нарушив общепринятые нормы морали и правила ведения войны! И пожар с дымом, пожравший земли проконсулов Пульхра и Метелла, не унял боль в сердце Барки! Он превратился в хищного неукротимого льва и готов мстить за близких! Но, будучи примерным гражданином своей республики и человечества в целом, он согласился вести переговоры о мире! Вы услышите меня, граждане! О мире! Не стоит дразнить льва, находясь совсем недалеко от своего дома! Прошлогодние пожары Метапонта, говорят об этом сами за себя! Пора нам отбросить свой излишний патриотизм и снобизм, вкупе с преступным амбиционизмом! Вокруг Рима исчез класс среднего земледельца! Все разорены, наборами кормильцев в армию! Земля скуплена римскими патрициями и обрабатывается рабами! Количество рабов увеличивается прямо пропорционально количеству наборов в армию! Скоро рабский труд заменит труд земледельцев и всех свободных граждан! Если, останется слой свободных земледельцев вообще?! А ведь раньше, это был оплот римской независимости и армии! Но армии скоро не будет! Если война продолжится, нам придётся давать гражданство соседним народам, дабы восполнить потери в ней! А эти народы ещё не до конца романизированы! Поэтому, давайте поглядим на это взглядом Септемия Бибула! А это значит, оценим ситуацию трезво и объективно! Продолжение войны грозит существованию республики! И это угроза исходит не от военного поражения, а от гибели, вырождения истинных граждан Республики! Их уже почти нет! И это может сказаться на моральных устоях нашей республики! Вы посмотрите, мы грабим торговые корабли на море, а ведь ещё двадцать лет назад, такое даже было нельзя представить? Во времена войны с неукротимым Пирром, караваны кораблей шли рядом с его флотом! Наши караваны! Но Великий Пирр искал славу в битвах, а не в грабеже и разбое! Испытывая острую нехватку в провианте и людских резервах, он не опускался до разбоя и захвата населения, с целью производства их в наёмники! А что произошло с нами? Как мы допустили, что мерзость поведения некоторых военачальников и консулов, стало для нас обыденностью поведения! Нашего с вами поведения! Подумайте, граждане! Хватит войны! Хватит крови! Хватит продолжения

кровавой жатвы! Республике нужна передышка! Надеюсь, что идеалы и дело республики ещё можно спасти!

Молодой Гай Селинатор сел. В зале повисла тишина. Слова молодого политика, сына столь известного, славного отца, принёсшего республике столько славы, проникли почти в каждую душу присутствующих... Аргументы, так тщательно им подобранные и изложенные, исключали открытое их отрицание. Некоторым членам делегации стало не по себе, по причине своей близорукости на столь очевидные факты и решения, которым они следовали в сенате...

В этот момент, в зал вошли греческие посредники переговорщиков. Они быстро прошли через большой просторный зал, в форме одеона, и подошли к римскому консулу. Один из них, стал что-то говорить ему вполголоса... Консул, будто очнувшись от раздумий, кивнул в ответ и тот подал какой-то знак, человеку, стоящему у дверей зала и сам, отойдя в сторону, занял одну из множества свободных скамей. Консул повернулся к своей делегации:

– Гамилькар прибыл с ответами на наши требования! – Озвучил он новость, сказанную ему пришедшим греком. Консул, знаком руки, попросил занять всем свои места... Члены делегации, рассаживаясь, занимали места на скамьях...

Через мгновение, открылись большие двери зала и в помещение вошла, не менее, многочисленная делегация Карфагена. Её члены, быстро, прошли к центру зала и заняли места напротив делегации Рима. Когда движение в зале прекратилось, в центр зала, вышел тот же самый грек и попросил Гамилькара к трибуне оратора.

Гамилькар встал и не спеша вышел в центр зала. Он чувствовал на себе огромное количество любопытных взглядов. Многие граждане, из римской делегации, видели его впервые и поэтому с любопытством и нескрываемым интересом, рассматривали его... Взойдя на трибуну, Гамилькар отпил немного из стоящей здесь чаши с водой и собравшись с мыслями обратился к присутствующим, на греческом сицилийском диалекте:

– Консуларий Республики и члены её делегации! Мой народ рассмотрел ваши предложения и требования и уполномочил меня ответить на них! То, что я оглашу, является окончательным ответом моего народа! Итак, мой народ принимает на себя обязанность выплаты компенсации и военной контрибуции в размере 3200 талантов! Сумма оговорена нашей делегацией и принята к утверждению!

Среди римской делегации, это сообщение вызвало откровенный восторг! Сенаторы и советники, довольно кивали головами...

– ...Далее, – продолжал Гамилькар, – остров Сицилия, будет покинут нашим народом! Это решение, тоже, утверждено нашей делегацией! Для этого к острову подойдёт наш грузовой флот, чтобы снять гарнизоны с моих крепостей и наших городов! Пусть эскадры республики беспрепятственно пропустят их! Следующее! Мой народ не принял требования аннексии Сардинии и Корсики Римом! У данных островов, римская армия не добилась никаких успехов – не морских, не сухопутных! Это решение обсуждалось очень долго, и было принято большинством голосов! Я рад, что их мнение совпало с моим! – при этих словах, недовольство выразилось неодобрительным гулом, в местах расположения римской стороны...

Гамилькар, будто не замечая этого, продолжил говорить дальше спокойно и взвешенно:

– Я, оглашаю здесь решение моего народа и хочу, чтобы оно воспринималось здесь с должным уважением! В тоже время, хочу заметить, что не все стороны этих решений совпадают с моими лично взглядами! Но, я, как гражданин своего города, подчиняюсь и принимаю их! – Он обвёл взглядом римские ряды и голоса стихли. Уважение, к этому человеку было огромно, даже у бывшего врага...

– Вашей делегацией было озвучено предложение об обмене пленными, скопившихся у обеих сторон, за бесчисленные годы войны, как на нашей, так и на вашей стороне! Мой народ поддержал его и готов совершить обмен, по принципу всех на всех! Со своей стороны, хочу поблагодарить членов римского сената, которые добивались приличного содержания пленён-

ных в этой войне, а не превращению их в убойный скот гладиаторских боев, так распространённых у вас в Италии! А, также, пополнения тысяч рабов, которыми изобилует ваша республика! Я знаю, им пришлось перенести многое за это своё, особое мнение! Некоторые, даже, заплатили своей жизнью за это, как например сенатор Септемий Бибул! Но, в итоге, нашим сторонам есть чем обмениваться! А сохранение жизней и свобод и наших, и ваших граждан многого стоит! Мы решили обмен пленными произвести здесь в Геракле, в течение двух месяцев! И последнее! Вашей стороной было выдвинуто требование о выдаче вам ваших бывших граждан или союзников, перешедших на нашу сторону по разным причинам и воевавшим на нашей стороне против Рима! В обмен, вы предложили выдать нам наших дезертиров. Делегация долго обсуждала это требование, но, так как, почти все так называемые дезертиры находятся в моем корпусе, то решение принял я сам! Мой ответ отрицательный! Мне неинтересны дезертиры Карфагена и свою судьбу пусть они продолжают вне стен нашего города! Месть им не входит в мои планы и помыслы! Что же касается людей, воевавших со мной бок о бок долгие годы – они стали моими братьями и близкими боевыми соратниками, и продолжать этот разговор нет никакого смысла! Такого предательства я себе никогда не позволю! Вот все, о чём я, был уполномочен объявить на заседании! Мой народ протягивает руку мира римскому народу! Слово за ним!

Гамилькар вернулся на свою сторону одеона, сев на переднюю скамью. Грек распорядитель повернулся к консулу Римской республики. Тот, так же не спеша, прошёл к трибуне и встал, на место своего выступления.

– Римская сторона выслушала решение свободного города Карфагена! Мне очень жаль, что не все наши требования удовлетворены! Так в частности, отклонено требование сдачи Сардинии и Корсики, требование о выдаче наших предателей! – Гай Луций Катулл сделал паузу, которая напрягла обе делегации, от его слова зависело сейчас продолжиться ли война или наступит долгожданный мир. В воздухе висела такая тишина, что даже звук пролетающей мухи, стал совершенно отчётливо слышен. Катулл замер в раздумье на минуту, – Но в целом, наши условия приняты! – продолжил он свою речь, – и сумма контрибуции, вполне компенсирует те условия, что не приняты вашей стороной! Я, консул Римской республики, своей властью, данной мне моим народом и сенатом республики, принимаю условия свободного города Карфагена и объявляю мир между нашими народами!

Это объявление консула, было встречено очень большим одобрением обеих сторон. Атмосфера недоверия друг к другу, которая как критически натянутая струна присутствовала на протяжении всех длительных переговоров, за крепость оных не ручалась ни одна из сторон, наконец, просветлела и рассеялась! Греки Гераклеи, тут же распорядились накрыть столы для торжественной трапезы, по поводы успешного заключения мира. Трапеза прошла в спокойной дружеской обстановке с обеих сторон. Заключённый мир был нужен обоим сторонам! Только все заметили, что Гай Катулл и Гамилькар, уединившись в стороне, серьёзно и долго о чём-то беседовали...

К вечеру, обе делегации покинули город. Каждая направилась в свою сторону, в свои пределы, пока ещё разделённые провинции острова...

Глава 4

Полночь. В небе висит полная луна, освещая рассеянным светом пустынную дорогу... Дорога, петляя среди раскидистых деревьев, ведёт к открытым, плодородным полям, которые раньше, совсем недавно вытаптывались вооружённой многочисленной конницей воюющих армий. Но теперь, эти поля колосятся пшеничной нивой и тянутся своими колышущимися колосьями, к самому городу. Город, по виду тоже не обошли военные действия, часть кладки крепостной стены, выложена совсем недавно! По ней совсем нетрудно определить ширину разрушенного проёма в оборонительной стене. Но крепостные башни въездной, входной группы строений ворот совершенно не пострадали в боевых действиях и дорога, устав петлять меж нив, вырывается на финишную прямую примерно за четыре стадия перед ними. Если присмотреться с высокой башни ворот, то на дороге заметен шлейф пыли, плохо различимый при лунном свете. Но с течением нескольких минут, уже становится слышен в спокойном, не шевелящемся воздухе стук и топот копыт, несущихся во весь опор всадников... Всадников, примерно, с дюжину... Они несутся, явно неся какую-то весть. Но какую? Война ведь кончилась...

Всадники приближаются, проносятся один за другим и вблизи кажутся жуткими ночными созданиями... На головах у них набраны какие-то замысловатые капюшоны, по виду которых можно сразу определить, что эти люди прибыли издалека, может быть даже из-за моря... Укутанные в зеленные тёмные плащи, они останавливаются у ворот города...

– По какому вопросу, в такой поздний час, Вы, пытаетесь проникнуть в город? – спрашивает стражник города, смотря на них сверху вниз, с крепостной стены.

– Мы прибыли к Наместнику Римской республики, Дециму Скрофе, по делу римского народа! Вот атрибуты проезда! – Первый всадник откидывает пыльный капюшон, обнажая длинные белокурые волосы. Всадник спешивается и подходит к верёвке, спущенной сверху. Верёвка, после того, как к ней привязывают дорожную тубу, уползает наверх, унося подвешенное... Всадник ждёт... Через короткое время слышен лязг железа и скрип петель тяжёлых ворот... Ворота приоткрываются и из проёма выходит высокий, статный, мощный греческий гоплит, исполняющий обязанности старшего стражи.

– Вот возьмите! – отдаёт он назад, раннее привязанную и поднятую на стену, тубу, – Наместник ждёт! Он предупредил нас о вашем появлении! Пропустить!

Человек снова садится на лошадь, и конная кавалькада устремляется в своры ворот, продолжая свой путь. Вскоре темень улочек поглощает их... Ворота, медленно, со скрипом закрываются, цепь грохочет, наматываясь на огромный, деревянный барабан, который крутит караул, толкая за толстые, дубовые рычаги. Наконец, все затихает. Воины внутри городских строений ворот, что-то ещё делают у запоров створок ворот и поговорив о чём-то со старшим дозора, уходят внутрь башни... У ворот остаётся один высокий гоплит. Он поворачивается и идёт не внутрь башни, а по улочке, внутрь города... Пройдя два каменных длинных палисадника, он сворачивает вправо... На какое-то время, он исчезает из нашего вида совсем, растворившись в ночном сумраке, но вот он, снова, появляется у освещённого двора довольно большого дома. Пройдя освещённый, висящей масляной лампой, участок, он, снова, пропадает в тени ночи. Какое-то время царит тишина... Вдруг, слышится стук в большую, бронзовую дверь дома, и мы видим гоплита в свете небольшой лампы, горящей над ней. Стук не произвольный, а с периодичными паузами... Это, без сомнения какой-то сигнал! Гоплит поднимает свой шлем на затылок, открывая из-под козырька забрала, лицо человека средних лет. Лампа освещает его длинные каштановые волосы, которые прядями опускаются на плечи. Не яркий свет лампы не определяет, точно, возраст человека? Но, совершенно, ясно, что его возраст не ограничивается 35 годами. Но, выглядит он молодо и привлекательно, хотя на лице присут-

ствуют несколько побелевших от времени небольших шрамов. Фигура гоплита безукоризненная, атлетизм пропорционально граничит с сухой линией выносливости...

Дверь медленно, с неприятным, предательским писком открывается. Гоплит входит внутрь. Его глаза в темноте коридора, различают знакомую ему фигуру.

– Они прибыли, все восемь! – говорит гоплит, – Сегодня их к Наместнику не пустят! Встреча произойдёт утром!

Человек, стоящий в темноте коридора, думает какое-то время, потом говорит:

– Значит, заговор созрел. А «белокурый», там был «белокурый»?

– Да, он мне и вручал атрибуты! Он старший!

– Старший?! – в голосе человека слышится усмешка, – Тогда нам здесь задерживаться не стоит! Уйдём через потайной ход контрабандистов! В селении, недалеко отсюда, нас ждут лошади!

Человек вышел из темноты коридора. Он оказался, примерно, одного возраста с гоплитом. Фигура, не уступающая ростом ночному визитёру, насквозь, просматривается военной выправкой.

– Да. Теперь меня зовут... – человек шепчет на ухо гоплита имена, – и, если придётся, мы должны умереть с этими именами! – говорит он вслух, подытоживая сказанное.

– Я дал клятву, и намерен её исполнить! – Не менее твёрдо, говорит гоплит.

– Ну, тогда в путь! Мы их должны встретить в условленном месте...

Тихо беседуя, эти двое выходят из дому и углубляются в ночной сад...

...По ночной улице несутся всадники... Пустынные улочки, оглашаются лаем собак, которые так реагируют на ночных путешественников. На перекрёстках улочек, освещённых огнём факелов, которые разносит городская стража их, догоняют и обгоняют, только собственные тени... Всадники снова подъезжают к площади ворот. Здесь, они останавливаются и, некоторое время, совещаются о чём-то... После этого, двое из конной кавалькады поворачиваются и скрываются в обратном направлении, растворяясь в лабиринте городских улочек... Остальные, не спеша, подъезжают к воротам.

– Открывай. – Один из всадников достаёт пергамент с печатью в виде орла и показывает стражнику.

– Да, да! Сейчас откроем! – торопится стражник, из башни выходит его караул, вместе они наваливаются на рычаги барабана, – Вы приехали вчера поздним вечером и поздним же вечером уезжаете?! Да, кстати! А куда вы дели нашего старшего дозора Харикла? Это тот, что проверял вас на въезде в город. Он пропал, сразу, после вас! Ушёл в город, вслед за вами и не вернулся, до сих пор!

Стражники крутят барабан с цепью и створки ворот медленно открываются. Всадники непонимающе смотрят на стражников, потом переглянувшись, выезжают из открывшегося проёма ворот. Выехав, они без слов пускают лошадей в крупную рысь, оставляя после себя шлейф пыли.

– Ты слышал о пропаже старшего стражи? Что думаешь на этот счёт? – На ходу, находясь, бок о бок со своим соседом, спрашивает один из них.

– Непонятная история? Ты думаешь это связано с нами? Да нет! О нашем отъезде знали только самые приближенные! Вся масса и не знает о нашей отлучке! Они думают, что мы где-то в разведке?!

– Тогда, что же произошло с этим высоким гоплитом? Он, говорят, пропал сразу после нашего приезда?

– Ну, во-первых, в саду у Наместника никто не пойман и не замечен! Во-вторых, это Гела! Город со всеми возможностями! Этими возможностями вскоре овладеем и мы с тобой, Безерта! А наш, высокий гоплит, мог воспользоваться этими возможностями всегда! Не обязательно в день нашего появления! Это просто совпадение! Ты подумай, Безерта! Он ведь началь-

ник стражи! Номарх – сотник! Да, скорее всего, он сейчас находится в объятиях какой-нибудь знойной сицилийки! И ему совсем, сейчас, не до стражи! – Говорящий рассмеялся, – Ты подумай, сколько у него их может быть? Тут, даже, и думать не надо – он уснул в постели какой-нибудь богатой горожанки, муж которой отправился в торговое путешествие, а богатая вдова ждёт его возвращение, предаваясь неуёмным утехам! А нам надо спешить и не ломать голову, по пустякам!

Говоривший прибавил шаг своему коню. Они неслись по дороге, то и дело петляющей меж нив к приближающимся холмам, заросшим зарослями дикой мимозы и непролазной чащобой, различных деревьев. Столетние дубы распустили свои кроны, занавешивая в некоторых местах дорогу от проникновения света полной луны. Но всадники, не замедляя своего движения, проносились дальше. Видно, что-то или кто-то ожидал их появления в оговорённом месте...

Дорога стала подниматься к каменистой гряде, расположенной с обеих сторон дороги. По этой гряде нельзя было проехать ни конному, ни пешему, тем паче на повозке. Лишь узкий расчищенный проход, который сделали сами люди, служил здесь людям для проезда. Плюс этой местности был в том, что в этой каменистой гряде нельзя было скрыться многочисленным разбойникам, так как валуны, лежащие и справа и слева, были небольшими, а местность довольно открытой. Всадники втянулись в проход в каменистой гряде и неслись, не сбавляя скорости. Они преодолели уже половину отрезка гряды, когда увидели две точки,двигающиеся им навстречу... При приближении к ним этих точек, всадников охватило какое-то волнение, и они решив подстраховаться, остановились, всматриваясь по сторонам и выискивая взглядами какой-нибудь подвох. Луна, в полную силу освещала мертвенно-бледным светом неровности гряды, но ничего подозрительного они не обнаружили... Между тем, точки превратились в одиноких путников, которые медленно брели им навстречу в каких-то темных хламидах, опираясь на высокие, замысловатые, отдающие колдовством посохи. Кроме них, ни на дороге, ни среди гряды никого не было. Всадники, неспешно, двинулись им навстречу. Расстояние сокращалось. Бредущие не проявляли никакой тревоги, хотя по всем обстоятельствам должны были, ведь на их пути возник конный вооружённый отряд! Но они, уныло брели навстречу, и именно это спокойствие насторожило всадников... Всадники остановились в восьмидесяти локтях от темных, бредущих фигур...

– Стойте, где находитесь сейчас, бродяги! Или клянусь мечом Дамокла, нить вашей жизни прервётся среди этих валунов! А ваши бранные тела будут клевать, устроив себе пиршество, меж этих безжизненных валунов, десятки коршунов! Остановитесь, и скажите кто вы и откуда?! Или вы сами напроситесь на неприятности, если не выполните требуемое! – Крикнул один из всадников, положив руку на меч.

Бродяги продолжали медленно брести навстречу, будто не слыша окрика, к ним обращённого.

– Я смотрю, вы, или особо бесстрашны, либо полностью безумны! – Крикнул тот же всадник, которого, в пути, его собеседник называл Безертой, – Послушайте, последнее предложение звучит для вас! Остановитесь на месте и встаньте на колени, если хотите жить! После этого, расстегните свои рваные хламиды, чтобы мы могли видеть, что у вас под ними! Клянусь телами Лемунов, да люди ли Вы?

Бродяги медленно продолжали свой путь навстречу...

Всадники спешили. Сбросив тёмные плащи, под которыми у всех оказались доспехи, они разошлись по всей ширине дороги, одев на головы, висевшие на крупах их лошадей, шлемы. По всем приготовлениям становилась понятна их какая-то тревога и предупреждения, данные ими путникам, были не беспочвенны, потому как они обходились с оружием очень умело и профессионально.

– Мне совсем не нравится все это? Может, сядем на лошадей и пронесёмся мимо? – повернувшись к человеку, которого до этого называли Безертой, спросил его собеседник.

– Бросьте, пусть хоть они окажутся колдунами секанами, что наводят страх на здешнее население, нас десяток и, вспоров им животы, мы посмотрим цвет их внутренностей! – сказал, проходящий мимо них человек, не снявший своего плаща. Он не один, не снял своего плаща... Среди вооружённых людей, был замечен и ещё один такой же – в чёрном, развивающемся плаще и, по-видимому, совершенно привыкшим, к их присутствию на фигурах. Человек в плаще обнажил два меча, находящихся у него под плащом. Он сделал какой-то знак своему второму соратнику...

Безерта посмотрел на него и на того, кто ему предложил пронестись мимо. Вместо ответа, он крикнул путникам:

– Если, вы, окажетесь даже глухонемыми, теперь вам, уже придётся умереть! Ибо, вы, оказались не в том месте и не в тот час!

Безерта обнажил свой меч, то же сделали все остальные.

К этому времени, бродяги не доходя, около, десяти локтей до встреченных ими на дороге всадников, остановились. Сквозь темноту ночного мрака и пустынности места, их фигуры создавали какое-то зловещее присутствие чего-то тайного и навевали, такое же чувство.

– Кто вы? – крикнул человек в чёрном плаще.

– Мы те, кто пороется в ваших дорожных сумках! – был ответ.

– Это простые разбойники, Асторий! – облегчённо обратился Безерта к своему стоящему рядом товарищу, – А ты, предлагал проскакать мимо! Покончим с ними, ребята! Эй, разбойничек! Вам не повезло сегодня с добычей! Вы напали не на тех ребят! Взять у нас нечего! Вернее, взять будет невозможно! А вот мы возьмём ваши никому, стократ ненужные жизни! Вы напали на бывших служивых «железного корпуса»! Слышали о таком!

– Мы много чего слышали. Но, вот о его роспуске, слышать не доводилось! Поэтому, вы, скорее, самозванцы! И мы, все-таки, пороемся в ваших сумках – авось, что в них нам пригодится, из их содержимого!

Бродяги откинули посохи в сторону, и сбросили хламиды с большими капюшонами. Перед всадниками стояли два воина! Причём один из них, был знакомый им высокий гоплит, что проверял их при въезде в город! Другой был в доспехах тёмного цвета и роста был одного с гоплитом. Оба были в тяжёлых шлемах, спартанского типа! Оба держали, в каждой руке по мечу.

– Говоришь, в объятиях горожанки?! – Асторий взглянул на Безерту – Твой левый, мой правый!

И противники бросились друг на друга... В тишине ночи раздались звуки ударов металла о металл. Сражающиеся смешались... Издавая громкие крики, они мелькали тенями под рассеянным светом полной луны. Здесь, сразу, вскрылся факт, что именно ночь не давала преимущества более многочисленной стороне... Два воина разошлись в стороны, чтобы не мешать друг другу и все, кто окружал их были врагами! Другой стороне было сложнее! В этой череде перемещений, важно, было не ранить своего, а ночь мало чем отличала их тени от вражьих... В темноте, очень сложно было разобрать особенности схватки. Но, уже, через несколько минут, из восьми напавших на двоих осталось на ногах только четверо. Схватка на несколько секунд затихла... Линия всадников, испытала потрясение видя лежащие тёмные силуэты на земле... Тогда, к ним, присоединились и те двое в плащах, до той поры стоявшие у лошадей... Схватка закипела вновь и ожесточение её только усилилось, нарастая с увеличивающимся числом павших... Тёмные силуэты мелькали в ночном сумраке, издавая проклятья и стоны... Вот всадники стали пятиться в сторону лошадей... Из темноты явно выступали их тени, но, теперь, ещё двоих не досчитался месяц в их рядах! Вслед за отступившими, появились две тени. Они были

на таком выверенном расстоянии, что не позволяло вклиниться меж них никому их противников и, в то же время, совершенно не создавая никаких помех своему соседу по оружию...

– Вы, что же собираетесь покинуть нас сев верхом на лошадей? – Раздался голос с усмешкой из глухого шлема. – И это наёмники «железного корпуса»?!

Четверо остановились... Посмотрев друг на друга, они поделились. Двое в плащах напали на высокого гоплита, Безерта и Асторий, а из всех их спутников в живых остались лишь они, навалились на «Тёмного». Мгновение и столкновение возобновилось...

...Безерта и Асторий впали в безудержную ярость... Они, выкрикивая последние ругательства, грозились порезать «Тёмного» на куски. Они применили все навыки, которым удалось обучиться в многочисленных сражениях и схватках за тот период, что они участвовали в борьбе с латинянами в «войне Гамилькара»! Но, тщетно! Каждый их выпад был отражён, а удар парирован! Через минуту, свалился поражённый в горло Асторий. Он хрипел и крутился на земле, моя руки в своей крови, которая хлестала из горла... Вот он затих и вздрагивал все меньше и меньше... А «Тёмный» был неутомим! Безерта, считавшийся среди наёмников высоким мастером меча и, поэтому, даже исполняющий обязанности, в корпусе у Гамилькара, одного из инструкторов ближнего боя, стал терять самообладание!

– Кто ты? Кто тебя нанял? Переходи на нашу сторону? Силы, которые нам покровительствуют, осыпят тебя золотом! Как осыпали они нас! – кричал он, отражая удары «Тёмного». Но тот, молчал...

...Безерта почувствовал кровь... Его бок пронзила боль, и тот стал заливаться кровью и слипаться с одеждой... Слабость наваливалась на ноги... Он с трудом отразил последний удар и опустился на колено... Подняв голову и посмотрев на «Тёмного» он произнёс:

– Открой лицо! Я хочу знать, кто убил нас с Асторием! От чьей руки оборвётся нить моей жизни! Хотя, я не понимаю, почему?

«Тёмный» чуть наклонился над ним и запрокинул шлем на затылок. Лицо его не выражало никаких эмоций, хотя ночью было довольно трудно распознать какие-то эмоции... Но страх и удивление, загорелись в глазах Безерты.

– Я помню тебя! Это было давно! Ты не умер? Ты жив!!!

– Да, Безерта! Я жив! А вот, что случилось с тобой? Решил сменить хозяев? Предал тех, с кем делил кусок жареного мяса на походном костре? Звон римского золота затмил твой разум, если таковой был? Где Матос? Где Спендий? Отвечай предатель! Или, клянусь Копьём Минервы, отправишься догонять Астория!

– Эти двое оказались умнее нас! Или римляне использовали нас, как простую наживку! Какой я глупец! Как жаль! – Вдруг, догадался, о чём-то, Безерта, – Их вам не догнать! Скрофа! Это Скрофа, будто бы, что-то вспомнив, вернул их, почти, от самых ворот города! А сам, скорее всего, отправил их своими каналами! А нам они сказали, что их просят задержаться на час, потом нас нагонят! Именно поэтому мы не сильно гнали лошадей! Жаль, как жаль, что я догадался об этом только сейчас!

– Поздно жалеть себя, Безерта! Ты пожалел Ореста Сцевия! Или Тита Фувия! Астия Фульвия, Матрония Руфа и других! Всех их распяли в Тагромене, после вашего предательства и выдачи их места пребывания, перед отправкой в Гадес! А ведь в Гадесе, их ждали семьи и дети! Вместо этого, они были схвачены, после твоей продажи их, вместе с собакой Асторием, силам римской республики! Ты думал, в тот момент, об их семьях и детях! Нет! Ты думал о золоте! Умри предатель! – И «Тёмный» сделав мгновенный выпад, вонзил свой меч встык шлема и панциря. Глаза Безерты округлились и, не проронив ни слова, ни звука он завалился на спину...

«Тёмный» повернулся и осмотрелся... Высокий гоплит продолжал сражаться с последним из своих противником. Один из «плащей» лежал уже на земле... «Тёмный» будто и, не сомневаясь в исходе их поединка, повернулся и нагнулся над Безертой, начав осмотр его

тела... Он, ощупал его пояс и почувствовал привязанный к поясу дорожный мешок. Срезав тесёмки, «Тёмный» начал осматривать её. Он вытащил всякие золотые украшения и драгоценные камни, обрамлённые в серебро и брезгливо бросил их на грудь безжизненного тела Безерты... Он искал, что-то другое... Пошарив ещё на груди Безерты и не найдя ничего более, «Тёмный» перешёл к Асторию... В этот момент, позади него, послышался стон умирающего человека и шум схватки затих. «Тёмный» ощупывал в этот момент тело Астория, когда, позади себя, почувствовал приближение тихих шагов...

– Ты, что? Устроил тренировку? У нас нет времени на состязания! – бросил упрёк «Тёмный», не оборачиваясь...

– Но ведь ты ещё не нашёл того, что ищешь! – Раздался спокойный ответ.

В этот момент «Тёмный» выпрямился, в его руке была туба для писем.

– Нет, но как раз сейчас испытываю надежду найти то, зачем мы здесь! – с улыбкой заметил «Тёмный». Он раскрыл объёмистую тубу и вытащил из неё холщовый мешок, а остальное содержимое тубы высыпал на грудь Астория... Из неё посыпались серебряные греческие драхмы и различные золотые безделушки...

– Вот... Но, не все, мы выполнили с тобой, Харикл! Нас перехитрил Наместник Гелы! Этот старый пёс храма! Кстати, – «Тёмный» подошёл к последнему, из убитых его товарищем, врагов... Перевернул его, поглядев под капюшон... После этого он перешёл к другому, такому же, и проделал с ним то же... Долго изучал его лицо... Потом выпрямился и сказал:

– Действительно, изменения есть!

После этого он повернулся к своему товарищу.

– Две лисы! Одна чёрная, другая белая оказались проворнее нас! Мы убили самых сильных, но не самых хитрых и умных! Поэтому, нам Харикл, придётся совершить путешествие по морю! А, сейчас, на лошадей, мой друг!

«Тёмный» пошёл к стоящим лошадям павших всадников...

– Зачем они тебе? У нас же есть свои? – раздался голос позади него.

– Вот мы и доедем на этих до своих лошадей! А этих, в дороге, используем, как сменных! Нам довольно прилично скакать!

Гоплит направился к нему, но у последнего убитого им врага остановился и посмотрел ему в лицо...

– А что, ты так высматривался в него? Что-то искал в его облике? – обратился он к «Тёмному», после продолжительного изучения лика убитого.

«Тёмный» сев на подобранную им лошадь, повернулся к нему.

– Прошрое, Харикл, своё прошрое!..

Глава 5

Торговый корабль, отталкиваемый от причала длинными вёслами гребцов и шестами портовых рабочих, медленно отходит от гавани и встаёт на весельный ход. Весла правого борта, разворачивают его нос в сторону выхода из порта. Корабль загружен пшеницей и оливковым маслом, но в трюмах ещё есть место для расположения в нем, какого-либо товара, и при удачном торге с такими же торговцами в море, корабль можно будет догрузить до полного результата загрузки трюма и перевоза товара. Вот он уже вышел из залива и его белый парус колышется, в поисках нужного ему ветра, который Боги отрядили в помощь мореходам с незапамятных времён человечества. И эти ветра используются ими на протяжении веков, в различных вариантах их применения...

...За отплытием корабля, следит знатный человек в римской серой тоге. На вид, человеку около шестидесяти лет. Наружность его выдаёт, что этому человеку пришлось прожить жизнь, много размышляя и раздумывая. Лоб его испещрён глубокими морщинами, какие бывают у людей, предающихся долгим и продолжительным размышлениям и осмыслением происходящего вокруг них и мира, в котором они находятся. Лицо его также не отстало ото лба и имеет немало морщин выдающих, что этот человек много времени провёл в походах и путешествиях, и его обдували и угнетали наши, недавно упомянутые, старые знакомые – ветра, иссушая кожу своим воздействием! Человек и сейчас, провожая взглядом корабль, о чём-то рассуждает про себя...

Рядом с ним стоит охрана. Это два высоких римских воина-ветерана. Это свидетельствует о важности стоящей здесь персоны. Он, долго, глядит вслед удаляющемуся кораблю и, перебирая что-то в мыслях, размышляет...

– Наместник, пора возвращаться! Скоро стемнеет, надо отправляться в путь! – Отрывает его от раздумий, подошедший к нему секретарь. – Дорога хоть и не долгая, но скоро наступят сумерки, а это время разбойников, которыми продолжает изобилывать Сицилия!

Наместник, оторвавшись от размышлений, смотрит на, обратившегося к нему, человека:

– Да, ты прав, Альба! Пора ехать. – Наместник поворачивается и идёт к носилкам римских патрициев. Он входит в неё и располагается поудобнее, размещаясь на пуховых подушках, уложенных на скамьях. – Альба! Иди, садись рядом. Места достаточно. Есть над чем поразмыслить и посоветоваться!

Альба заходит в кабинку носилок, которые тут же поднимаются на руках десятка мощных рабов, с той и другой стороны, и процессия начинает движение.

Впереди, шествует вооружённая охрана, расталкивая зазевавшихся прохожих. По бокам процессии идут рабы несущие огромные веера на длинных ручках, которыми создают комфортные условия в кибитке, во время движения, обмахивая её с разных сторон. Позади, тоже, следует вооружённая охрана, вместе с рабами, несущими различные фрукты, спасающими от жажды в путешествии. Также, они несут вино и воду... Процессия минует длинную гавань и направляется к выходу из порта... Наконец, она упирается в запряжённую повозку, которая роскошно выделяется, среди других, своим внешним богатым убранством. Подойдя к ней, рабы ставят вместительную кибитку на повозку и крепят её, специальными приспособлениями и ремнями... И уже через короткое время, процессия продолжает свой путь, вместе с запряжённой четвёркой повозкой. Охрана садится на лошадей, рабы в другие повозки, следующие позади процессии...

Наместник продолжает беседу внутри кибитки, с молодым секретарём Альбой.

– ... Хитро придуманная операция! В Риме высоко оценили ваш вклад в дело Республики, и я думаю, что продолжение вашей службы, Наместник, будет в новом качестве! Это,

несомненно! – Говорит Альба, – Самое главное, сохранить все в тайне, от той части Сената республики, что одержима идеей мира с пуннийцами!

При этих словах, лицо Наместника скривилось, как от неуёмной, застарелой боли.

– Да, мне уже пора куда-нибудь поближе к Риму, на материк. Я стал стар. Столько событий, выпавших на мою жизнь, столько тревог, кои мне удалось пережить в этой долгой войне, не каждый уместит в течение всей его жизни. И честно, если, кто-то хочет воевать дальше – пусть воюет без меня! Надеюсь, эта операция будет последней в моей карьере на Сицилии.

– Несомненно, Наместник! Но какова операция! И каков масштаб её задумки! – Альба, с восхищением в глазах и голосе, смотрит на Наместника, – Каков план! В Риме наши сторонники были просто в восторге от этой затейной интриги со столь огромными отголосками! А теперь, открываются такие возможности?! Целый океан возможностей! И все это ваша заслуга, Наместник! Теперь, когда силы города у Тибра, отдыхают и укрепляются, ненавистные пуннийцы будут истязать себя дальше! Вы, несомненно, гений!

– Я не гений, друг мой. Я просто человек с богатым опытом и наблюдательностью. Когда – это помогает. А когда, и вредит! В своё время, когда из Лилибея прорвалась эскадра, ушедшая в сторону Иберии, я заметил Метеллу, что теперь можно подождать её возвращения. И он, озлобленный поражением при Дрепане, стал действительно её поджидать. Но, когда выяснилось, что это не военные корабли, а торговые, это не остановило его от принятия решения об уничтожении их! Он утопил всю флотилию! Всех их, вместе с женой и сыном Гамилькара! Но потом, обвинил меня во всех грехах и Пульхра! Будто, это я уговорил его устроить засаду на эту флотилию! Будто, это я отдавал приказ атаковать караван торговцев Карфагена! А Пульхра – в слепоте исполнения его приказа! Вот так, мой друг! Не всегда, твой разум идёт тебе на пользу. Особенно, когда приходится иметь дело с «посредственностями», которые могут только похвастаться происхождением своего рода и не более. Но положение, все равно, ставит их выше тебя! И вера им выше, чем тебе! С тех пор, я стал более осторожен, и предпочитаю перестраховываться от таких осложнений. Что же касается этой операции, то на неё, меня навела мысль, после общения с одним пленным галлом, воевавшим какое-то время на стороне Барки. Это необычайно энергичный, одарённый человек. Но, и в нем есть свой минус, его съедает его же харизма! В нем протекают процессы, наподобие тех, что не давали покоя нашему консулу Регулу! Я, долгое время служил под его началом, посланный Понтификом сначала к нему, потом к проконсулу Кавдику. И изучил обоих! Никто тогда не предполагал, что процессы, только наклёвывавшиеся в Италии, заведут его так далеко. Тогдашний Rex Sacrorum, просчитался и слишком далеко отпустил поводок, на котором его держал орден. Последствия были катастрофические! Это привело к гибели армии, самого Регула и, в конечном итоге, самого Магистра! Тот год был полон трагизма для Римской власти. А сколько он унёс звонких, славных имён! Но, очень многое, я извлёк для себя из того, поучительного урока истории! Я ведь, тоже, чудом избежал гибели! Да-а-а!

Наместник откинул голову на подушку, что-то вспоминая...

– Но, сейчас, увидев этого галла, – продолжил Наместник, – мой опытный глаз определил возможность внедрить своего «Регула» в ряды пуннийцев! А, если, ему ещё удастся создать хорошую платформу для своего возвышения, то успех обеспечен! Вот отсюда и стал развиваться план, и появились другие персонажи его воплощения! Проект разнообразился включёнными в него народностями! И самое главное, нашёл своих последователей в самом торговом городе, съедаемом завистью и ненавистью, которая живёт и усиливается между кланами его власти! Все это вызрело в моем построении в последовательность, которая приведёт к желаемым нами интересам. И я, изложил их консулу.

– Как вы, передали свой план консулу? Весь? – разочарованно произнёс Альба.

– Ну, конечно же, нет! Альба, ты невнимателен! Я же говорил тебе, история с Пульхром меня кое-чему научила! Я просто изложил ему предполагаемые результаты моего плана, он

ухватился за них, выдав мне карт-бланш на действия, не оглядываясь на орден. Его не интересует суть и сам план. Его интересуют результаты! Каким путём, они будут добыты и какими средствами, его это не волнует! Лишь бы не пострадало лицо Сената и Слово Римского народа! Золото, Альба, найдёт подход к любой цели, намного быстрее и легче оружия. Многие индивидуумы человечества склонны к стяжательству, не подозревая этого. Они могут озвучивать цели и помыслы других направлений, но, интуитивно, примут решение всегда то, что ведёт к благам сего мира, забывая свои вчерашние слова! Это тот слой человеческой лепнины богов, которыми можно пользоваться как стройматериалом для достижения своих целей. В этом и есть замысел Богов! Главное понять это! И дать толчок, для начала как подарок, потом поощрение, потом одолжение и все, далее человек ломается и становится ведомым собственной алчностью! Но тут, Альба! Тут, можно и столкнуться с серьёзной угрозой! Ибо, человек, которого ты сломал или помог ему сломаться, становится опасным и для тебя! И поэтому, имея с ним дело не надо рассматривать его как человека, а только как материал, используемый тобой. Никакого доверия и самостоятельности! Все это чревато опасностью для тебя! И здесь, не надо головорезов-адептов, все движется за счёт мзды! Хотя, – в этом месте, Наместник, немного подумав, заметил, – иногда нужны и головорезы. Так было с Септемием Бибулом.

Наместник замолчал, о чём-то вспомнив...

– Я, вот слушаю вас, Наместник! И мне совершенно ясно, кто мой кумир! Вы! Жрец интриг, тайных акций, тихих убийств, совершенных против ваших врагов, под вашим руководством и управлением! Нет, Наместник, не улыбайтесь! Вы действительно гений нашего ремесла! И не надо излишней скромности! Имя Децима Скрофы, стало тайным знаменем нашего ордена, войны и политики!

– Полно, Альба! Ты, со своим происхождением, пойдёшь намного дальше, чем я! Мне, конечно, приятно слышать эти слова. Лесть разьедает душу человека, как и золото! Но мне, намного приятней это почувствовать, торжеством моих задумок, а не похвал. Я практик. Хотя теория не чужда моему разуму. Довольно похвал! Надо закончить начатое и довольно с меня Сицилии! Слишком много у меня здесь воспоминаний! Ты, знаешь, Квинтилий, ко мне стали являться ночью призраки?! Призраки тех, кого мне пришлось отправить в долгое путешествие в иную жизнь. Я не из робкого десятка, но это становится какой-то паранойей! Я хочу встретить старость в Риме.

– Это будет сделано в обязательном порядке, Децим! Новое назначение уже представлено в сенат! Тебе нужно, только, одно – закончить начатый процесс. Подготовить вашего галла до конца!

– Ты ничего не понял, Квинтилий! А я, считаю тебя самым способным учеником?! Он уже в процессе! Форсировать его – значит, только, испортить начатое! Время само выберет момент старта! Эта как заряженная катапульта. Если её взвести и оставить взведённой, то рано или поздно ремни лопнут, и она выстрелит! – Децим Скрофа с укоризной, посмотрел на Квинтилия Альбу.

– Да, но в Сенате хотят, чтобы выстрел пришёлся кстати! – вставил Альба.

– В Сенате большинство идиотов! Во-первых, ты неправильно ставишь акценты, говоря «в сенате». В Сенате более половины – это наши противники. И с этим надо считаться! Одна четвертая Сената – люди не определившиеся. Они могут быть как нашими союзниками, так и нашими противниками. наших истинных сторонников в Сенате чуть более трети, но это активные люди, и они могут перетянуть на свою сторону ту часть, которая ищет свою сторону выгоды и именно этим становится нашим стройматериалом! Поэтому, не говори при мне больше этот афоризм «в сенате». Это режет мне слух!

– Хорошо, Наместник! Ну, что вы думаете об убывших?

– «Белобрысый» будет рыть землю, чтобы выслужиться нам. Он ведь думает, что он нам дорог. Глупец! Матос – это другое. Здесь скрыта животная жестокость и алчность, вкупе с жаж-

дой власти у себя в Ливии! Этот сожжёт не один город, для достижения своих целей! Он очень подозрителен. И невероятно хитёр, но его хитрость имеет свои пределы. И тут, самое главное, чтобы он сам запутался в собственных интригах! Тогда он у нас на крючке! Не надо ему мешать, какое-то время. Потом, можно будет поставить подле него поводыря! Безерта и Асторий – это личности, надеющиеся только на свою силу и заслуги, потому тупы и примитивны. Сила и опыт – это слишком малые козыри для игры в нашем театре! Их роль в массовках, в которых они могут даже отличаться своими качествами, но этого все равно недостаточно для лидеров. Они будут отодвинуты другими, не такими примитивными. Совершить предательство – это невесть, какая заслуга и качество признания преданности! Да, они выдали многих своих бывших соратников по корпусу! Но где гарантия, что они – эти предатели, не предадут и нас? Поэтому, я на них не ставлю. Слишком мелки для моей игры! Железные мышцы и высокое воинское умение не заменит разума и мудрости. Рано или поздно, несмотря на своё умение и силу они погибнут! И поэтому, их я отправил тем же путём, что они прибыли сюда, в Гелу. Если они удачливы и не успели нигде наследить – они доберутся целыми! Если же они наследили, и их ждёт засада, пусть пробьются силой и навыком! Это только укрепит их преданность нам. Во всяком случае, это не наши козыри в этой игре. А только крупная масть!

– Тогда почему, Наместник, вы не отправили вместе с ними компанца Спендия? Он ведь тоже из «военных» корпуса Гамилькара!

– Я разделил их на две партии. Отдавать все мечи одной из них глупо! Тем более, что Спендий из них самый опытный! К тому же, кто тебе сказал, что один Спендий, в группе Матоса, военный из корпуса Барки? Сам Матос тоже оттуда. Но просто он это не афиширует, в этом и есть его отличие от всех остальных! Но, и у Спендия, есть ещё одна особенность, отличающая его от тех двоих и их таких же сподвижников – он невероятно жаден! Жадный – значит управляемый! – старец замолчал на короткое время и продолжил, – Но, они все, лишь жалкие тени нашего галла! Вот это чудовище, послужит нам больше всех... – Закончил Децим Скрофа и вдруг тихо засопел, засыпая.

Альба молчал... Он глядел на Скрофу, о котором когда-то говорили, как о смелом, талантливом, военном трибуне. Причём, уже даже, никто и не помнил, как выдвинулся этот человек. Но он избрал другую дорогу в своей карьере, посвятив себя тайным операциям ястребов Рима, которые вела республика. Делала она это руками своего ордена арканитов, служащим интересам храма Двуликого Януса... Многие враги республики были повержены им! Не только, внешние, но и внутренние!

«– Этот, кажущийся старым и утомлённым, человек, на самом деле очень страшен! – подумал, глядя на задремавшего Наместника города Гелы, Квинтилий Альба, – с ним надо держать ухо востро!»

... Через несколько минут, тихое укачивание повозки, заставило закрыть глаза и его...

Глава 6

Новость за новостью, поражали город, день ото дня. Год, принёсший долгожданный мир с Римом, вдруг разразился войной в пределах своей территории и соседней союзнической Ливии! Наёмные войска, двинутые против диких племён глубин Африки, арестовали своих командиров и соединившись с племенами, против которых шли, вернулись в пределы Карфагена и его союзников... Одна новость опережала другую... Римский дезертир, выходец из провинции Компании в Италии, Спендий, воевавший в корпусе Гамилькара в Сицилии, возмутил часть наёмников, требующих немедленных выплат, причитающегося им вознаграждения за годы службы! Переправленные из Сицилии, они скопились в Прионе и уже не вмещались в отведённом им лагере... На переговоры им были направлены несколько влиятельных лиц Карфагена, но результата они не принесли. Армия мятежников захватила прибрежные города, и делала их своей базой! К восставшим примкнули бежавшие рабы, работающие на ближайших плантациях, и число их стало тревожно возрастать, стуча в висок Совета суффетов, недалёкой бедой! Ситуация пятнадцатилетней давности, повторялась. У города стояла вражеская армия, а встречать её было нечем! Советы города работали почти, не расходясь по домам, но единого решения так и не выработали. Совет суффетов, попытался обвинить в сложившейся ситуации Совет пентархий, торопивший его с выводом гарнизонов с Сицилии! Совет пентархий указывал на давление, на него Совета Магнатов, требовавшего быстрее установления предпосылок заключения мира на ведущихся переговорах в Сицилии с Римской Республикой! Совет Ста Четырёх обвинял Гамилькара, что именно его наёмники являлись головой восстания! Но ни те, ни другие, не замечали и не хотели, чтобы это сделали другие, что сами не выполнили ни единого пункта договора, о котором было известно всем находящимся в ставке Гамилькара, при начале переговоров. Было решено, что так как, война прекращается, то той части наёмников, что Карфаген переправит в Тунесс, город обязуется изыскать часть средств на погашение полагающегося им вознаграждения! Средства были разысканы и приготовлены, но по какой-то причине не розданы вовремя! Когда произошёл бунт, то обстоятельства требований наёмников, были уже иными. Причём, та часть наёмников, что прибыла из корпуса Гамилькара последней и являлась самой крупной, находилась в городе, и от неё никаких проявлений враждебности не было! Другая часть оставалась вместе с Гамилькаром на Сицилии. И Совет суффетов слал ему призывы скорейшего прибытия на материк, дыбы исключить выступления наёмников в самом городе. Собрали расширенный Совет Тысячи Одного горожанина. Совет занял выжидательную позицию, не торопясь обвинять ни Гамилькара, никого-либо ещё в наступивших бедах. И только, появившийся из Иберии, принц Дидон, выступил на совете, открыто обвинив магнатов города в срыве договорённостей и близорукой жадности.

«— 70 тысяч наёмников, расположенных вокруг города Приона, являются собственностью города, а не Гамилькара! Именно они составляют костяк восстания! А то, что они выбрали в Вожди самых опытных и харизматичных — это вполне естественно! Вы, в оправдание себя, не хотите замечать, что в Сикке, что намного южнее Прибрежных городов, ливиец Матос, являющийся каким-то родственником бывшей царской династии, образовал штаб восстания и набирает армию, в которую могут вступить все желающие! Именно он, арестовал Гиксона и его командиров! Реквизировал ту часть денег, что вы неоправданно продержали у себя и не раздали её, по переправки армий с острова! Вы, нарушили своё слово и тем самым вы скомпрометировали в глазах восставших и непререкаемый авторитет Гамилькара, который дал им слово, что по приезду они получают часть вознаграждения?! И теперь, Вы, имеете наглость заикаться о его вине?! Гиксон в заложниках! Также, в заложниках все более-менее значимые, опытные командиры! Карфаген меж двух огней! Спендий от Приона двинулся к Утике, где давно замечено брожение недовольных настроений у горожан! Скоро падут Загван, Зама, Сусс!

А Вы, все продолжаете спорить о призрачных мерах и решениях! Война уже не у порога, она уже во дворе! Очнитесь сограждане!»

Это выступление принца крови, заставило поутихнуть споры и выработать решение о начале формирования отрядов горожан с их немедленным обучением на полях Мегар и в казармах Бирсы. Наместник Ливии, Ганнон Великий отправлялся к Утике с армией, которая была в наличии у Карфагена. Ему дали 50 слонов и большую часть конницы! Пехота его не была столь сильна, сколь конница, но ему никто не ставил задачу разгромить Спендия. Лишь укрепиться у двух городов Гиппона Царского и Утики. Дабы исключить укрепление восставших этими городами. К Гамилькару отправили ещё одну просьбу о скорейшем возвращении...

«Над городом нависла смертельная угроза!.. – с этих строк начиналось письмо суфкетов стратегу Гамилькару».

...Флотилия стоит на рейдах Гераклеи, готовая к погрузке. В её трюмах были привезены последние контингенты римских пленных из Африки. Их выгрузили, и они были построены на открытых местах гаваней Гераклеи своими же соотечественниками, которые в свою очередь, доставили сюда последних пуннийцев, пленённых за все годы войны. Обменивающиеся стороны представлялись со стороны Карфагена – Гамилькаром, со стороны Рима – Трибуном Фульвием Сцеволой! Фульвий был человеком не молодым, опытным в военном деле. Но в быту, имел репутацию закоренелого пьяницы и дебошира и поэтому римская сторона, назначая его на выполнение этой миссии, таким образом, хотела выразить своё отношение к данному предприятию. Но все получилось, наоборот! Фульвий проявил необыкновенную аккуратность в доверенной ему, как он считал, очень важной миссии. Он требовал от подчинённых полного исполнения достигнутых договорённостей и проявил себя как истинный гражданин, отвечающий за свои слова, и тем более, за исполнение договора своей Республики. Он, каждодневно, обходил ряды бывших пленных, осматривая их на предмет избиений и истязаний! И если, он находил то, что могло сойти за вышеуказанное, его подчинённым становилось не сладко! Поэтому, вскоре, это так дисциплинировало его команду, что они уже сами с удовольствием, демонстрировали другой стороне идеальное содержание пленных республикой!

...Стороны обходили, сначала тех, кого привезли сами, а после тех, кого должны были принять по обмену.

– Когда попал в плен? – Спрашивал Сцевола, перевязанного воина, – И, что у тебя с рукой?

Получив ответ, что перевязка связана с нарывами, а не с избиениями, он удовлетворённо кивнул и двинулся дальше... Таким образом, он обошёл оба ряда выстроенных пленных и удовлетворившись их состоянием и содержанием, а также их ответами, пошёл в сторону стоящих в стороне военачальников карфагенян, которые также окончили осмотр своих меняемых пленных...

Вокруг Гамилькара стояли несколько военачальников, по всей видимости, его ближайšie помощники. Сцевола, со свойственной ему бесцеремонностью, к которой уже все привыкли, подойдя к ним со спины, не стал ждать, когда к нему обернуться, а сам, громко заговорил со всеми, обращаясь к «спинам»:

– Я удовлетворён состоянием освобождённых! Клянусь словом Юпитера, мы с вами выполнили очень нелёгкую миссию! За которую не хотели браться многие из обитателей города рождённого на Капитолии! Есть ли, какие претензии по поводу освобождённых, у вашей стороны?

Группа во главе с Гамилькаром обернулась к Фульвию Сцеволе. В этот момент, глаза Фульвия блеснули ярким интересом и удивлением! Но он сдержался от возгласа...

– Нет трибун! Нас полностью удовлетворило состояние освобождаемых! Мы можем заканчивать данную процедуру. – Приветливо ответил Гамилькар. – Я согласен с тобой, то чем

мы занимались на протяжении месяца, являлось не нашим общим интересом, а общечеловеческой ценностью и обязанностью сторон, заключающих мир.

Гамилькар увидел, что Сцевола смотрит только на одного человека из его окружения и, улыбнувшись, заметил:

– Вы можете отойти в сторону и поговорить!

Сцевола, в благодарность, приложил к сердцу руку и, повернувшись, пошёл в сторону. Следом шёл и тот, на кого смотрел удивлённый Фульвий. Они отошли на приличное расстояние и Фульвий обернувшись, обратился к человеку, шедшему за ним:

– Все решили, что тебя нет в живых! Что ты с ними делаешь, Антоний!

– Я, тогда, не погиб. Но, был оглушён и был бы мёртв, окажись Гамилькар тем чудовищем, о коем привыкли слышать в Риме! Те картины, нарисованные хорошими художниками в Сенате, не имеют ничего общего с настоящим Гамилькаром, Фульвий! Он выходил меня и предложил вернуться домой, но случайно, я узнал, что у Карфагена началось восстание наёмников. И я, как свободный гражданин Республики, решил остаться с ним, чтобы своим мечом, отблагодарить его за сохранение моей жизни! «Ты не обязан мне ничем, Бриан! – сказал он мне, – Твой путь лежит в жизни иной страны, с интересами и культурой, очень далёкими от интересов нашей африканской земли! Мне не нужна твоя гибель здесь, за интересы, которые я, не могу считать даже своими. Это, скорее всего, мой крест, чем мой выбор!»

– Гамилькар прав! – подал свой голос Фульвий, – Ты можешь там погибнуть! А за что? Ты осознаешь, на что ты себя обрекаешь?

Сцевола не мог поверить в услышанное.

– Вот-вот! Он закончил свою фразу слово в слово, созвучно с твоей! Да, Фульвий, я полностью отдаю себе отчёт в этом! И, не знаю, почему, но мне очень хочется попасть в Африку?!

– Но, как же, Антоний? А твои родственники? Они, наверное, уже с ума сошли от известия о твоей смерти? Неужели же, ты, не хочешь их обрадовать?

– Здесь все в порядке, Фульвий! Родственникам Гамилькар, почти сразу, отправил весточку обо мне, чтоб не волновались и не поддавались настроениям от пришедших вестей! И это очень благородно с его стороны, если учесть, что наши военные утопили его жену и сына.

– Я слышал про это. – Сцевола поморщился, – Ну, что же, я рад, что повстречал тебя! Повстречал своего соратника, которого считал утраченным и оплакивал как погибшего! Надеюсь, на твоё везение и возвращение! Судьба благосклонно оставила тебе жизнь прошлый раз, будем надеяться, что Фортуна не отвернётся и на этот раз!

Трибуны, взялись за предплечья и локти друг друга, улынулись, и Сцевола, развернувшись к своему строю, командовал:

– Центурионы, командуйте движением! – и, не оглядываясь более на Бриана, повёл колонну через город...

Бриан, проводив взглядом колонну своих соотечественников, вернулся к Гамилькару.

– Ну, что, получил разнос за своё необдуманное решение? – Спросил совершенно серьёзно Гамилькар.

– Почему, не обдуманное? Мои рассуждения взвешены и подвергнуты тщательному анализу! Мне не хватило удачи на одной войне, думаю отыгаться на другой! – попытался пошутить Антоний, улыбнувшись в конце фразы.

Гамилькар вдруг помрачнел. Лицо его отразило внутреннее, глубокое раздумье.

– Боюсь, Бриан, эта война будет страшнее прежней! Да, и сражаться придётся со своими бывшими соратниками. А это тяжело! Тяжело не только тактически! Но и, потому, что рассудок заполнен воспоминаниями об этих людях, а также, и сердце не хочет их рассматривать в качестве врага! Но, – Гамилькар, тоже, попытался улыбнуться и развеять налетевшую грусть, – есть надежда, что недоверие и ожесточение на той стороне, уступит место разуму и терпению! Ну, а нам, придётся ещё снять гарнизоны Солунта и Лилибея!

Гамилькар повернулся к бывшим пленным соотечественникам:

– Сограждане! Наступил мир, после стольких лет борьбы, который проходил с переменным успехом, для обеих сторон! Но, вы, попавшие в плен, наверное, уже забыли о возможности вернуться домой, готовые к неволе и рабству. Но город не забыл своих сыновей и вот вы на свободе! На этой флотилии, всех отвезут в Карфаген, где вас давно ждут ваши родные! В добрый путь, сограждане! Пусть дорога домой будет вам коротка и легка! Сапфон, командуй погрузкой!

Заместитель Гамилькара стал руководить процессом погрузки, распределяя их по галерам. Гамилькар молча наблюдал за этим со стороны, думая о чём-то своём...

Вдруг, неожиданно, в порту появилась большая боевая галера, трубы с которой огласили гавань о своём прибытии. Гамилькар оторвавшись от своих дум, посмотрел на неё...

– Диархон! – определили, стоящие позади Гамилькара воины.

Антоний Бриан, с любопытством рассматривал боевую гептеру, подходившую к пирсу гавани. Римляне, строя свой флот практически скопировали галеру карфагенян, но все же внесли в неё ряд модификаций. При этом процессе, скорее всего, сказалось влияние греческих мастеров, кои помогали Риму создавать свой флот. Римская галера была длиннее, в функциональность которой стала входить перевозка пехоты. В бою, римляне стремились вступить в абордажную схватку, а это требовало места размещения войск. Именно отсюда римская галера стала более протяжённой. Её протяжённость была увеличена под пехотное соединение – манипул в 250 принципов. Ещё, ей был удлинён ряд весел, а нос галеры оборудовали «вороньим» мостом, для переброски его на вражеский корабль и его захвата. Антоний слушал именно на такой квинквиреме или квинтиреме, как называли её сами латиняне, поэтому, в совершенстве видел различия между сравниваемыми галерами. Гептера была несколько выше. Спереди на носу, и сзади, на корме, стояли тяжёлые онагры! А ближе к середине, по разные стороны палубы – различной величины баллисты. На корме, стояли по паре «скорпионов» с каждой стороны. Таран тоже имел различия. У гептеры он был похож на заострённый нож с небольшим изгибом наверх. Когда он пробивал борт вражеского корабля, он как бы разрезал корабль от места пробоя к нижней кромке дна! Получалась огромная пробоина, из которой гептера с лёгкостью выходила назад, для продолжения сражения. Все это обуславливало, при хорошей натренированности весельных команд, быструю атаку и выход из неё. Римские же тараны, отливали для устрашения в виде страшных голов драконов и других подобных чудовищ. Да, несомненно, это имело устрашающий вид! Но в бою, после тарана, освободить галеру было очень трудно, или практически невозможно! И поэтому, нередко, протараненная галера повисала на квинтиреме и отпускала её, только утопая... Ещё, гептеры, оборудовали большим количеством парусов, особенно косых передних – так называемых гафелей! К тому же, в палубе у кормы было ещё одно отверстие, для вспомогательной мачты, наверх которой, кроме основного паруса, вешали и малые – брамселя... Все это убыстряло ход гептеры и удар её массы в купе с большой скоростью, был весьма разрушителен и часто разрезал тараном корабль противника на две половинки...

Между тем, гептера медленно пристала, воткнувшись в обмотанный канатами буфер пирса, для смягчения толчка при швартовке. На её борт подняли сходни, и по ним быстро бежал высокий человек с пышной шевелюрой и бородой. Его жилистая, морская фигура хорошо контрастировала с портовым людом. Он огляделся и, определив, для себя, в каком направлении нужно двигаться, продолжил движение по набережной...

– Диархон! – услышал он, через головы снующих по набережной людей, и с высоты своего роста увидел пытающегося протиснуться, сквозь толпу к нему, Гамилькара.

Улыбнувшись во всю ширину своей бороды, он двинулся навстречу! Вот, наконец, миновав бывших пленников соотечественников, восходящих на корабли, он вышел на открытое место, куда протиснулись и Гамилькар, и окружающие его воины...

– Диархон! Я ждал тебя только завтра! Ну-ка, рассказывай все по порядку! – Появление этого человека, явно подняло настроение стратега.

Диархон, приблизившись, поприветствовал всех наклоном головы. Лицо его было темно от загара, какой бывает только у мореходов. Ветер и солнечные лучи, делают их кожу отличительной от кожи всех остальных людей, не связанных с морем. Он продолжал улыбаться, хотя улыбка пряталась в его бороде, но чрезвычайно добрый и прямой взгляд, излучал теплоту и радость, от которой всем стало радостней и веселее...

– Клянусь, сном Нереид! Мне так приятно, вновь оказаться на земле Сицилии! Но жаль, только, ненадолго! Ведь мы, навсегда, покидаем её! Сколько, здесь, всякого пережито и оставлено в памяти! Все события, происходившие здесь, на этих полях, на этих горах и холмах, не в состоянии описать не один мудрец в течение всей его жизни! Скольких товарищей мы потеряли на этом острове и, скольких потерял Карфаген до нас?! Моей душе трудно смириться с мыслью, что мы оставляем свои притязания на владение частью острова! Но прошлое не вернуть! И мне становится немного грустно от этой мысли! – Диархон вплотную подошёл к группе, окружающей Гамилькара, он внимательно поглядел на, стоящего рядом с Баркой, Антония, – Я могу говорить, свободно и открыто? – Спросил он Гамилькара.

Вместо ответа, Гамилькар крепко обнял старого боевого товарища...

– Можешь, Диархон! Это наш новый товарищ, Антоний Элиот Бриан! Он бывший трибун Римской армии. Но, сейчас, остался с нами по зову своего сердца, добровольно! Я доверяю ему!

– Хорошо! – отреагировал Диархон, но в его голосе, все равно чувствовалось недоверие, которое ему было трудно преодолеть, – Твои дети в Карфагене! В родовом доме! Ганнибал уже собирает из местных мальчишек свою маленькую армию! Гасдурбал изучает географию, а Магон с Иолой и её детьми, сажает цветы в саду! Кстати, у тебя я встретил архитектора из Коринфа Афоκληса, он собирается заложить в Мегаре храм Адониса! Домочадцы твои все в порядке – ждут твоего возвращения! Саламбо находится в Коринфе и скоро вернётся в Карфаген! Мне придётся отрядить флотилию для её сопровождения! – Диархон снова посмотрел на Антония, раздумывая, видимо, продолжать ли начатое дальше.

Антоний повернулся, чтобы отойти в сторонку. Он не хотел, мешать человеку, сомневающемуся в нем по каким-то своим причинам, но был остановлен рукой Гамилькара, которая легла ему на плечо.

– Я же сказал, Диархон! Ему можешь доверять как мне!

Диархон, извиняясь, положил руку на своё сердце и слегка наклонил голову.

– Совет Тысячи Одного проголосовал за то, чтобы ты взял бразды правления в войне с мятежниками! Полномочия обещают самые неограниченные, включая протекторат! Но, самое главное, Киферон выяснил, что за подкупом верхушки, начавшей бунт, действительно, стоит Наместник Гелы Децим Скрофа!

Диархон полез за пояс плаща и достал тубу, наподобие тех, что используются в римской армии для перевозки писем и приказов и протянул её Гамилькару. Антоний хорошо знал такие! И эта была, несомненно, одна из них! На ней была гравировка на латыни... Разобрав часть надписи, Антоний понял по ней, что эта туба из храма Януса...

– ... Спендий, Дуфф, Матос, Безерта, Асторий, Авторит и другие подкуплены им! – продолжал Диархон, пока Антоний всматривался в тубу, – Безерта и Асторий мертвы, вместе с отрядом, который двигался с ними в Африку! Но, старый Скрофа перехитрил Киферона, и Матос со Спендием ушли другим путём! Каким, нам не известно? Военные корабли с Гелы не выходили! Значит, он посадил их в торговое судно! Но их вышло множество, и отследить было невозможно! Все держится в тайне! Если кто и об этом знает в Сенате, то только самый узкий круг! Это, несомненно, самая агрессивная часть Сената и орден, засевший в храме Двуликого...

От этих слов Антоний вздрогнул... Он никак не думал, что карфагеняне так хорошо разбираются в пантеоне Римских Богов!

– ...Но, все это, произошло уже несколько недель назад! Спендий и Матос уже в центре заговора! Ну, а Безерта и Асторий, как я уже сказал – в свите Диса! – Закончил Диархон.

– Киферон и его люди, не ранены? – с тревогой спросил Гамилькар.

– Их при этом было только двое! Обстоятельства сложились так, что не было времени, ждать людей! Они их встретили в каком-то месте, где тем нельзя было разыграть карту своего численного превосходства. Была ночная схватка, результат её у тебя в руках Гамилькар! Можешь послать послов в Рим, с этой тубой! Правда, там не все бумаги. – Заметил Диархон.

– Как не все? – удивлённо заглянув в тубу.

– Там нет титульных листов Республики, согласно которым можно было бы подтвердить их принадлежность мятежникам, – Скрофа, обманул Безерту! Но то, что Киферон оставил себе, может нам помочь в дальнейшем! – пояснил Диархон.

– Что, у него опять возникли планы кого-то дальнейшего действия? – голос Гамилькара изменился, наполнившись тревогой и опасениями, – Киферон, что, все не как не может отойти от приключений, пережитых на Туманной земле? Ему мало их? – Гамилькар покачал головой, явно не одобряя действий этого человека, – Я обещал его жене, что привезу его с собой с Сицилии! Я дал слово! Он, что не знает об этом? Что, теперь, я скажу его жене и её детям? Где этот сумасброд?

Гамилькар загорелся гневом...

– Отправился в свиту Спендия или Матоса? Точно не знаю? Его связной сказал, что он это сам ещё не знает! И будет действовать по обстановке!

Гамилькар открыл рот, не в силах произнести ни слова от распирающего его гнева и удивления храбрости этого человека...

– И, что теперь? Как нам с ним связаться? – только и смог произнести он, – Он в своём уме? А, что если его, кто-то узнает или выдаст? Хотя, постой, он ведь может также прикинуться последователем мятежа, как и другие?! А, что в этом что-то есть! Ай да, Киферон!.. Рисковый, но очень умный и храбрый человек! Я догадываюсь, что его повлекло в гущу к врагу?!

Гамилькар погрузился в размышление...

– Что же? – теперь, потеряв терпение, как раньше его терял Барка, спросил Диархон.

– Он три года назад, дал одно обещание! Я, тогда, был слишком погружен в себя! Боль раздирала мне грудь! А он, испытывая и боль, и ярость одновременно, пообещал мне, что достанет этого человека, что стал вдохновителем этого события! И, наверно, он почувствовал, что наступил на след!

Более Гамилькар не произнёс ничего, погрузившись в раздумье...

Диархон повернулся к остальным, поняв, что не стоит сейчас отвлекать Гамилькара.

– Меня зовут Диархон! – протянул он руку Антонию, – Прости за первое впечатление! Просто, после разразившегося мятежа, когда тебе в спину суют нож и предают кресту люди, с которыми долгое время жил в походной палатке, все это невольно отражается на доверии к людям! Но, я рад, что Гамилькар, так вступился за тебя! Это говорит о твоей надёжности! Как ты попал к нам, Элиот?

– Меня взяли в плен без чувств, в одном из последних сражений на этой войне! Гамилькар, оставил меня поправляться на его галере, а после, я стал помогать ему, готовить пленных к обмену в Италию. Так я узнал его поближе и понял, что в Риме полностью извращена и оклеветана целая народность! Я решил поближе узнать ваш народ, воюя в мятежной войне на вашей стороне! – прямо и спокойно объяснил, Антоний свои намерения.

– Ну, что же, я знаю одного римского приимпелария, который так же, как и ты, попал на галеру Гамилькара и с тех пор не покидает нас! Его, к сожалению, сейчас нет, он в отъезде! Но, по его возвращению, я или Гамилькар, познакомим вас обязательно! Да, я не стал спра-

шивать его, ты, не знаешь, что за приимпелярия он попросил отвезти в свою семью, полтора месяца назад! Очень слабый был, тот приимпелярий от ранений! И я думал, что не довезу его, что он отправится к Плутону, не добравшись до города! Но, боги дали ему сил, и он перенёс переезд!

Лицо Бриана изменилось, на нем выступили признаки большой заинтересованности о услышанном.

– Приимпелярий? Полтора месяца назад? Меня пленили примерно около двух месяцев! Это совпадает с моим пленением! Значит ли это, что ещё кого-то спас Гамилькар?

– Да, наш Вождь такой! Прошлый раз было тоже двое! Приимпелярий и декан! А теперь Трибун и приимпелярий! – подал голос один из воинов, подошедший к ним, – Это было в том же бою, Антоний! Приимпелярий Целий! По-моему, так звали того воина, которого хотели заколоть наши жрецы Молоха! Но, Гамилькар не позволил им этого сделать! Он был в лагере на Эрике, Антоний! Ты что, правда, не знал об этом? Он, в бою пробился к Вождю и хотел его пронзить со спины тяжёлым пилумом! У него ранена правая рука, и разрублена часть лица и черепа! Но Барка говорит, он выживет! – Закончил объяснения воин и обнял Диархона, – Ну, здравствуй старина!

– Гикет!!! Как ты оказался здесь? Я тебя не видел с того самого времени, как тебя привезли на мою галеру чуть живого, после того вашего визита в храм Молоха! Тебя и Теоптолема и ещё кого-то, уже не помню всех?!

– Я остался с Гамилькаром, после того как помог добраться сюда делегации Сарафа! И тот бой, на галере Антония, был для меня той точкой, после которой я уже не захотел возвращаться в политику! Скучно! Так ты, скажи? Ты же был в доме Баркидов!? Жив тот латинянин?

Эти слова, предвосхитили вопрос, который готов был сорваться с уст самого Антония! Антоний превратился вслух...

– Приимпелярий живой! Правда, очень слаб! Но он, как ни странно, в доме не один воин! За ним приглядывает ещё один! Он ему носит кушать и долго смотрит на него, думая о чём-то своём! Так было очень долго! Они смотрели друг на друга и молчали... Сейчас, они стали о чём-то говорить. Но, замолкают, если кто-то входит к ним! Вдвоём им веселее и интересней! – подумав, подытожил Диархон.

– Так о ком, о ком ты, говоришь? – не догадался, не понял Гикет.

– Он говорит о моем сыне, Ганнибале! – Вдруг громко произнёс Гамилькар. Он подошёл к ним, и услышал часть разговора...

Гикет и Антоний, удивлённо посмотрели на Диархона. Тот улыбнувшись, кивнул...

– ...Когда думаешь убыть в Карфаген? – спросил Диархон, глядя в лицо Барки.

– Завтра! Нет смысла задерживаться! В виду обстоятельств, что ты мне поведал! Надо преградить путь мятежникам к городам, с необходимыми им ресурсами! А ты, Диархон, проведёшь снятие всех оставшихся гарнизонов! Их всего два! Солунт и Лилибей. Я с моей частью корпуса, отправлюсь завтра на 25 галерах, догонять сегодняшнюю флотилию. Тебя жду через декаду! Тебе после всех перевозок, надо контролировать Каралис! Чую, что рука Децима всплывёт и там?! Бастарт, как с наёмниками?

Диархон вздохнул на это упоминание, и это напрягло Гамилькара.

– Бастарт, ведёт себя как суфлет! Он нежится в неге с гаремом итальянских наложниц! С наёмниками он в панибратских сношениях. Я ему многократно пытался это втолковать! Но он не слушает и только твердит, что все держит под контролем! – ответил Диархон, морщась от воспоминаний.

– Ну, будем надеяться, что так и есть! Хотя я подниму вопрос в Карфагене о его замене! – закончил Барка.

– И наживёшь себе ещё одного врага, которых у тебя и так слишком много, что не хватит посчитать на всех наших пальцах, вместе взятых! – Вставил Гикет, – Ты об этом молчи! Я подниму этот вопрос! Пусть злится на меня!

...Остаток этого дня, прошёл в подготовке к завтрашнему отплытию. Море, словно почуяв, скорое путешествие через него, к вечеру разволновалось, под действием ветра, дующего с Атлантики...

Глава 7

Горы Атласа. Этот уголок природы Африканского ландшафта удивителен. Безжизненные скалы чередуются с вечнозелёными склонами хвои. Скальная составляющая их, преимущественно бурого цвета, богата железом и другими, различными природными компонентами и минералами. Здесь с давних пор идёт добыча меди и железа. Поэтому, совсем недалеко от гор, в их низовьях росли города, в которых селился мастеровой народ. Ремесленники и богатые путешественники строили свои плавильные печи и кузни, стараясь, объединиться в городскую общину и построить оборонительные стены. Так городки превращались в города, ведь после плавки и обработки, металл превращался в различную утварь и необходимые вещи! Тут уже за дело брались торговцы, которые селились по соседству с мастеровыми людьми. Они скупали у мастеровых «необходимое» и распространяли товары дальше, по цепочке – от производителя к потребителю. С тех пор мир не изменился, и цепочка продолжает существовать в той же схеме и ключе! В этих городах производилось столько необходимых вещей и товаров, без которых человечество уже не могло обходиться, что возникла необходимость вывоза товаров в новые места спроса и, поэтому, и возникли такие города торговли, как Утика, Карфаген и Гиппон! Именно, эти города вбирали в себя все излишки производства и давали ремесленникам возможность расширить производство и продавать намного больше, чем они производили и продавали раньше! Таким образом, эти города процветали и были первыми базами скопления товара, перед его движением на новые рынки сбыта. Железные орудия постепенно стали вытеснять из обихода медные и бронзовые, по причине их долголетнего служения и крепости, (если, честно, автор сомневается в появлении медно-бронзовых инструментов у любых народов, раньше железных, так как по образованию автор металлург и знает технологию выплавки и первого, и второго) и здешние рынки, стали наполняться сравнительно дешёвым товаром. Здесь торговали всем: оружием, солью, которая добывалась из солёных озёр гор, всякими принадлежностями сельхозпродукции и кожаной, конной утварью, начиная со сбруи и т. д. Эти города, входили в различные союзы, коим они платили подать за их охрану и оборону. Попав под влияние «сильных мира сего», эти города жили как бы вне политики и оторванности от большой земли и её интересов. Таковыми городами были: Сикка, Загван, Зама, и многие другие. Они укреплялись ещё за счёт переселившихся в них ремесленников из таких городов, как Карфаген и Утика, которые привезли сюда не только защиту своих бывших государств-покровителей, но и своё мастерство, отточенное долгими веками родового ремесла...

...Но, внезапное восстание наёмников, начавшееся стремительно, переподчинило эти города себе и Матос, стоявший здесь лагерем, вождь ливиец, выбрал место под него на равном удалении от данных городов, дабы контролировать их и получать все необходимое, для формирующейся армии, с их рынков и складов. Он имел хорошее снабжение со всех сторон. Лагерь стоял на чередё высоких холмов, заросших различной растительностью. Две небольшие речки, сбегаящие с ледяных вершин гор, петляли меж холмистой местности, обеспечивая питьевой режим армии и создавая тот комфорт людям, оберегающий их, от возникновения эпидемий...

Матос не стал основательно укреплять свой лагерь, в полной уверенности скорой победы и надежде двинуться в дальнейшем на Карфаген. Имея более 30 тысяч пехоты, он вёл постоянную переписку с римским дезертиром Спендием, который находился севернее, в прибрежной полосе городов Утики, Гиппона, Горзи, Тунги, Мектара. Восточнее Матоса находился Тапс, который остался верен Карфагену, и отразил все попытки овладеть им, что предприняли отряды мятежников. Стратег Тапса укрепил все подходы к городу, и мятежники оставили попытки, овладеть им. Севернее Тапса, находился Сусс или как его называли берберы Хадру-

мент, который несколько раз переходил из рук в руки. Но, в конечном итоге, остался за мятежниками и Спендий, оставив там свой гарнизон, ушёл к Утике, обходя Карфаген с юга...

Вожди мятежа, сразу же, не ладили друг с другом. Каждый верил в свою собственную исключительность и не доверял своему соратнику! Они не спешили объединяться, расширяя свои территории влияния и укрепляя ряды своих армий, чувствуя, что после победы, в которой они нисколько не сомневались, придётся воевать друг с другом! Поэтому, вновь примкнувших обучали ратному искусству и набирали новобранцев. В лагере Матоса, собралась армия, плохо понимающая дисциплину, но своим костяком состоявшая из пехотинцев, проходивших службу в армии Карфагена в корпусе ливийской пехоты. Именно эти солдаты имели навыки и могли обучить других тому, чему они научились за долгие годы службы в Карфагене.

...Матос обходил лагерь, осматривая те небольшие укрепления, что он все же приказал воздвигнуть... Также, он проверял ход обучения своей пехоты из вновь прибывших в лагерь. Для этого, в огромном лагере, были отведены специальные места... Он шёл решительной, быстрой походкой, говорящей о его энергичной натуре. Это был человек огромного роста, богатырского телосложения, чёрный, как и все ливийцы. По всему чувствовалось, что в нем кипит и присутствует необыкновенная сила... Он собрал вокруг себя людей, с которыми воевал в корпусе Гамилькара, и именно им мог доверять.... Но, будучи маниакально недоверчивым, он следил за всеми... Все это началось после покушения на него, месяц назад, когда задержали германца, пробравшегося к нему в шатёр, с огромной секирой. Матос лично отсек ему голову, но, после этого, его будто подменили. Везде он видел заговоры и продолжал казнить людей по любому поводу, подозревая их в предательстве и, как ему казалось, в продаже Спендию...

... – Матос, пощади! Мы всего лишь отклонились от пути, чтобы напоить лошадей, а потом не сразу нашли дорогу!

На коленях перед ливийцем, стояли пять человек, такой же национальности, как и сам вождь.

– Врёшь, собака! Вы спелись с этой римской гадюкой Спендием! Он видит себя во главе восстания! Только себя! А, вы, паразиты и продажные скоты, позволяете ему так думать! Он собирает против меня вот такой скот, как вы! Вас не было четыре дня? Песчаных бурь в эти дни Боги не создали! Два обоза пришли вовремя! А ваш? Где, был ваш? Казнить! – командует Матос. И с удовольствием наблюдает, как чёрный палач опускает египетский топор на головы приговорённых.

– Вот, – с удовольствием и удовлетворением, констатирует Матос, после казни, – так будет, со всеми, кто изменит мне! Мне, человеку, который думает за всех вас! Меня не проведёшь! – кричит Матос и взгляд его, словно взгляд чёрной пантеры, торжествующе проходит по лицам окружающих...

Он продолжает своё движение по лагерю, который наводнён всевозможными магами и представительницами древнейшей профессии женского пола. Эти гибкие, как ветви деревьев, танцовщицы исполняют зажигательные танцы, под одобряющие, опьянённые такой свободой, крики воинов... Все они благодарны за это Матосу и громко приветствуют его, протягивая ему чаши с тёплым, нагретым солнцем, напитком, отдалённо напоминающим вино. Но получается это приветствие в разной и как-то пьяно панибратски. Впрочем, Матос и не требует к себе какого-то особого внимания! Он прекрасно разбирается в людях и, поэтому, не торопит события, стараясь, как можно больше, завоевать любовь и доверие этих воинов... Он стоит, опьянённый видом крови и власти, чувством собственного величия! Он отстраняет чашу, поданную ему, и кивком головы даёт кому-то знак.... Через несколько мгновений, ему подадут чашу с настоящим прохладным вином, он поднимает её, приветствуя всех и, с удовольствием, выпивает её до дна!.. Этот момент, погружает его в эйфорию от собственного величия и могущества...

– Матос, в лагерь доставили из Приона, командующего Гиксона и его командиров! – рапортует, подошедший к нему рослый человек, не африканской внешности.

– Давайте их сюда! – радуется Матос, обнимая и ощупывая одну из танцовщиц, – Посмотрим на них!

Сквозь толпу, копьями толкают пленных карфагенян. Они босы и оборваны... Лица их черны от пыли. Губы потрескались от жажды и опухли от воспаления...

– Вот он! Вот он, Верховный главнокомандующий! Суффет Карфагена! Человек, обладающий неограниченной властью в Великом Карфагене! – смеётся Матос, подходя к одному из вытолкнутых вперёд людей, – На колени, собака!

Матос, сбивает человека с ног, ударом ноги в подколенный сустав. Гиксон падает, но встаёт опять, бесстрашно смотря в глаза чёрному ливийцу... Глаза Матоса наливаются кровью, зрачки расширяются от бешенства, но это, кажется, совсем не действует на человека перед ним... Тот, продолжает смотреть на него отрешённо и без какого-либо смирения... Матос срысывается на крик, голос его дрожит от возбуждения:

– Что, хотел сэкономить деньги на наших жизнях? Поэтому, повёл нас в пески, не раздав приготовленного жалования? Теперь, вам уже не кажется, что мы много требовали?

Он выхватывает меч и кружит вокруг стоящего, в молчании, Гиксона... Но, вспыхнувшее возбуждение, подкреплённое многолетней ненавистью, вызванное гордостью и неповиновением человека, который, как ему кажется, находится в его власти, сменяется и затупляется, даже сквозь опьяняющий угар, предвкушением возможной наживы, за счёт выкупа этого человека суффетами города. И, вследствие этого, гнев Матоса не переливается через край разума и он успокаивается, убирая меч...

– Где мои деньги суффет? – спрашивает он через минуту, выказывая уже своим голосом, не гнев, а удивление, – Когда ждать обозы с золотом? Что молчишь?

Матос с высоты своего роста, наклонился к Гиксону.

– Мы ведь требовали прислать нам одного из Баркидов! Почему не прислали? Тем мы больше доверяли, а так видишь, что получилось? А все могло и обойтись, появившись здесь Гамилькар! Но, ваши жадные отцы города, решили иначе! Они решили, что мы скот, который можно гнать на убой! Что из этого вышло? Они хоть, сейчас, задумались?

– Баркидов, сейчас, нет в городе! – прохрипел Гиксон, – Я, тоже, не изъявлял желания лицеизреть вас! Но выполнял волю Совета!

– Ты герой?.. Смотрите, воины, это герой! – Матос со смехом обратился к стоящим вокруг его пьяным воинам, у которых это утверждение вызвало приступ смеха. А Матос продолжал:

– Почему же, Герой, не принял в расчёт, такие выводы – что совсем не пользуется в армии ни уважением, ни доверием? А свита?! Почему, молчала свита? – Матос повернулся к, стоявшим и молчавшим, пленным военачальникам, кои находились позади Гиксона, – Что вы молчите? Даже, дряхлеющий Форгон, имел репутацию более приличного командующего, чем этот! – Матос указал на суффета, – Что же вы молчите? Вы, своим стремлением раболепства, перед родом Ганнонов и Советом суффетов, подвели его и себя к черте возможной гибели?! Все вы, ненадёжные люди! И молитесь свою Танит, чтобы она убедила отцов города, выполнить наши требования! Иначе, вас ждёт смерть! Ужасная, мучительная смерть! – Матос поднял руку с, вновь обнажённым, огромным мечом вверх и в неистовстве закричал, – Смерть!

Его крик подхватили все окружающие его, а за ними следующие, и, вскоре, весь этот пьяный муравейник, только отдалённо напоминающий военный лагерь, кричал в своём неистовстве:

– Смерть! – не понимая, к чему и кому этот возглас произносится...

– Уберите их! – Матос брезгливо толкнул в спину Гиксона.

Конвоиры увели пленных. Матос, какое-то время, стоял задумчивый... Две его любимых танцовщицы, приблизились к нему, обняв его торс. К ливийцу подошёл какой-то, обвешанный всякими побрякушками, чёрный шаман-колдун.

– Что скажешь, Корфа? Какое наше будущее? – спросил его Матос, взглянув на него.

Чёрный колдун, положив свой бубен, верх тормашками, бросил в него свои кости... Он, долго, молча, смотрел на них, изучая их расклад. Потом, поднял свой взгляд на Матоса. В его глазах застыл ужас...

– Будет война в песках! Схватка льва со змеями!!!

Матоса отшатнулся от него:

«– Значит он уже в Африке!» – подумал он...»

Глава 8

Ливийская деревня. Солнце клонится к горизонту. Местные ливийцы гонят стада крупнорогатого скота в места ночлега, подальше от тех мест, куда с наступлением ночи выйдут ночные хищники. Громко чвакая, жвачкой из трав, идут огромные воны, бредут коровы и быки. За ними блеют овцы и шерстяные козы. Жители деревни набирают воду, а специальные носильщики, разносят её по назначению, за определённую плату... Все мирно и тихо...

Вдруг, раздаётся звук военной трубы и вдали, от холмов, поднимается столб пыли. В деревне паника, женщины хватают детей и бегут в хижины, прячась... Мужчины загоняют скот в специальные загоны, торопясь тоже где-нибудь укрыться...

В деревню врывается конный отряд, примерно в три десятка воинов. Они спешиваются и разбегаются по хижинам. Командует отрядом рослый галл. Он что-то кричит, на непонятном в этой местности языке и решительно жестикует... Его подчинённые начинают выводить из различных мест мужчин деревни. Их выстраивают перед начальником, и он с видом знатока обходит их... Он ощупывает им бедра и плечи. После этого, на того, кого он выбирает, одевают какой-то знак, вешая его на шею, и отводят в сторону, к таким же, уже отобраным, ливийцам...

Пока происходит это действие, с противоположной стороны деревни, появляется с десятком, вооружённых людей, идущих откуда-то пешком... Они выглядят утомлённо. Дневная жара, сказалась на их длительном путешествии. А, о том, что путешествие их довольно длительное, говорит слой пыли, лежащий на их лицах. Щиты воинов, перекинута за спину, также, как и копья, которые закреплены к щитам. У копий, какие-то странные, тяжёлые, длинные наконечники, какими не пользуются в этих землях. Знающие и разбирающиеся в оружии люди, замечают у них, и тяжёлые мечи, висящие на перевязях, скреплённых с поясами... Галл, с удивлением смотрит на появившихся и что-то командует, своим людям... Те бросают возню с ливийцами, и окружают его в тревоге.

От десятка, внезапно появившихся воинов, не спеша, отделяется высокий статный воин, с открытой головой, лет сорока. Его шлем, висевший на поясе, постукивает в такт его шагов, о меч. Человек, совершенно бесстрашно, приближается к более многочисленному отряду, прибывшему в деревню раньше... На его пыльном лице, играет улыбка, он обращается к рослому галлу, без труда, распознав в нем старшего:

– Что здесь происходит? – спрашивает он, как не странно, по-галльски, – Набор местных аборигенов на принудительную службу?

– Для начала, скажите кто вы такие! Только потом, мы примем решение, говорить ли с вами или отправить вас всех в Аид! – реагирует галл, без тени приветливости.

– Тоже самое, я могу сказать и вам! Но, мне интересно, где вы хотите использовать этих богатырей? Уж, не в бою ли с дынями? – После этого замечания, позади воина раздаётся громкий смех, который подхватывают и в окружении самого галла. Галл, резко, оборачивается на смех, прекращая его.

– ...Или нет?! Вы будете использовать их в качестве носильщиков кувшинов с вином, так любимого вами! А после его употребления, эти черные носильщики могут выбросить и вас, и опустошённые кувшины, в кучу воловьего дерьма, освободившись от почётной воинской службы! – продолжал воин, под смех уже только своих спутников, – Ведь после употребления своего любимого напитка, вы, галлы, не можете не только сражаться, но и просто передвигаться! Вернее, можете, но только на четвереньках, наподобие тех свиней, кои лежат в жиже грязи!

Воин указал рукой на погруженных в жижу из грязи и дерьма крупных свиней. Смех, раздающийся за спиной говорившего превратился в хохот... Между тем, их старший, будто не замечая этого, на полном серьёзе, продолжал:

– Или вы планируете, чтобы эти водоносы встали за вас в первый ряд галльской турмы? Оставьте крестьян заниматься, тем, чем они привыкли заниматься! А сами, лучше, вспомните науку, что преподавал вам Бренн, в своё время! Или вы уже не те? Превратились в жирных, упившихся боровов, подобных тем, что лежат, чвакая жвачкой из дерьма!

Лицо галла, при произнесении этой тирады, претерпело несколько эволюций... Оно, сначала, вытянулось от удивления, потом покраснело от гнева, в конечном итоге позеленело от задохнувшейся ненависти! Он выкрикнул:

– Ну, сейчас, мы узнаем, кто из нас будет как свинья, валяться в грязи! Бей их!

Весь его отряд схватился за оружие, но раздавшийся голос насмехающегося, предложил иное:

– Постой, галл! Я, предлагаю, тебе, решить этот спор по старому обычаю наёмников! В честном поединке! Или у вас, галлов, свои обычаи? – этот вопрос, заданный с откровенной издёвкой, поставил старшего галла в крайне неловкое положение, задумавшись на минуту, он, сообразив, что, отвергнув вызов, он, тем самым, заслужит упреки своих подчинённых и выкажет трусость. Этот вывод, заставил галла произнести следующие.

– Ну ладно. Только не надейся на снисхождение!

С этими словами, он обнажил свой длинный галльский меч и, взяв в руки ромбовидный шестиугольный щит, двинулся на противника.

Его противник, перетащив со спины круглый щит, обнажил свой меч, испанской формы. Шлем он не надел, передав его одному из своих спутников. Это действие ещё больше распало галла, внушив ему мысль, что им пренебрегают. Галл, издав короткий, горловой звук бросился на врага, в атаку. Его меч со свистом, в коротком замахе, полетел в голову противника. Но, когда он достиг предполагаемого места нахождения головы противника и должен был рассечь противника, того там не оказалось. Галл обернулся влево и увидел сместившегося туда противника. Он снова провёл свою убийственную атаку! И снова все повторилось... Противник галла уходил от ударов с лёгкостью ускользающей тени. Наконец, галл выдохся и отступил на два шага, чтобы отдышаться. Его переполняла злость... Отдышавшись с минуту, галл решил поменять тактику и начал атаку с изменением своих действий. Теперь он атаковал противника на разных уровнях. Но его меч, все время парировался мечом противника, причём на лице противника галла сияла улыбка и он, не пытался атаковать, как бы играя в издевательство, над беспомощностью «визави», выставляя его на всеобщее посмеище. Галл был уже готов на все, лишь бы прекратить это издевательство, в которое превратился поединок. Он снова встал в нерешительности и отяжелённый усталостью, его лицо выражало дикую тоску бессилия...

– Ну, что галл? Может, хватит упражнений? Или ты хочешь посбивать всех злостных мух Африки? – Смеялся его «визави».

– Кто ты? – тяжело дыша, выдал из себя галл.

– Я, тот, кто будит учить вашу галльскую братию дисциплине и настоящей воинской науке! Меня зовут Сергей Коста. Отпустите крестьян! – приказал он, голосом, которому было трудно не подчиниться. Статный воин распоряжался, словно давно назначенный командир, – Как тебя зовут?

Коста повернулся к раскрывшему рот, от удивления и неожиданности, галлу.

– Саторикс. – Ответил галл, – Постой, у меня приказ Матоса, набрать из этой деревни десяток ливийцев! Он казнит меня, за невыполнение приказа!

– Ты выполнишь его приказ, Саторикс! Ты уже его выполнил! Ты нашёл десяток, намного лучше ливийского! Он идёт в лагерь! Мы отделились от Спендия!

– А если ты меня обманешь? Нет! Давай лучше так! Вы сядете на лошадей, а мой остаток отряда придёт пешком!

– Отлично! Где наши лошади? – обрадовался Коста, – Наши пали у Сикки!

Саторикс быстро отдал приказ на родном галльском наречии, которое отличалось от того на каком велась беседа, и к отряду Косты подвели лошадей. Через минуту, отряд мчался в лагерь... Ливийцы вышли из хижин и провожали взглядами, не зная откуда взявшихся спасителей... С десятков галлов, наоборот, ругая их почём свет, плелись под лучами жаркого солнца, вслед усакавшим, в свой неблизкий лагерь...

...Отряд беспрепятственно въехал в лагерь, не остановленный никем... Часовые, которые должны были нести службу у ворот, играли в кости, собравшись кружком, даже, не посмотрев на проезжающих...

Саторикс скакал, увлекая за собой всех остальных к центральной возвышенности лагеря, где стояла ставка Матоса. Проезжая по лагерю, вновь прибывшие с удивлением наблюдали за беспорядком царившем в лагере. Все в лагере было в движении, как в большом таборе переселенцев! Это движение напоминало хаос. Многотысячное сборище людей, называемое войском, на самом деле таковым уже не являлось. Лишь распятые люди, что висели на крестах, вдоль дороги к холму, говорили, что этот лагерь собрался не в мирное время...

Наконец, отряд поднялся на холм, в центре которого стояло несколько крупных шатров, обвешанных всевозможными коврами и всевозможными украшениями. Вокруг шатра стояла вооружённая охрана, преимущественно из галлов. А, в ещё большей окружности шатров, что окружали ставку Матоса, бессмысленно сновало очень много разношёрстного народа... Саторикс, соскочив с лошади, побежал внутрь одного из шатров, но не в центральный. Коста, сразу, подметил это. Через, какое-то время, из шатра появились несколько человек, включая самого Саторикса. Они приблизились к спешимся воинам Косты. В центре подошедших людей стоял высокий галл с короткой стрижкой и какими-то странными ожерельями на шее. Он пристально осмотрел, вновь прибывших в лагерь. Взгляд его был колюч и недоброжелателен, но в тоже время цепок и, казалось, что он видит и чувствует то, что ускользает, от простого взгляда рядового человека... Коста выдержал долгий изучающий взгляд этого человека, осматривая его с таким же любопытством...

– Говоришь, отделился от Спендия? – вымолвил, подошедший галл, – А, что тебя не устроило в его рядах?

Галл смотрел в глаза Косте, почти не моргая. Тот молча взглянул в глаза галла и этот взгляд отдал тяжёлой свинцовой завесой, что своей тяжестью сдавила зрачки галла и он не смог больше выдержать такого напряжения и заморгал.

– Что молчишь? – досадно, выговорил галл.

Коста слегка улыбнулся.

– Я не помню, что говорил тебе что-то! Потому и молчу. – Спокойно ответил Коста, – Я привык разговаривать только с интересными мне людьми! Сегодня, я уже познакомился с одним галлом, мне на сегодня этого хватит! Многочисленные ненужные знакомства утомляют. Но если тебе не терпится, можешь представиться. А без этого – кто ты, почему ты задаёшь мне вопросы, не объяснив своих намерений – всё это мне безразлично! Я прибыл к Матосу и с ним буду разговаривать! Саторикс, старина! Ты, мне кажется, не выполнил условие нашего с тобой соглашения?

Коста взглянул на Саторикса с недоумением, но совершенно спокойно.

Галл с ожерельем покраснев от гнева, все же сдержался и расплылся в усмешке. Он повёл взглядом на стоящих у него за спиной воинов, сделав, таким образом, не двусмысленный намёк на свою безграничную власть и изрёк:

– Я, Авторит, предводитель галльской части войска. Самый ближайший помощник Матоса.

Сказав это, он расплылся в снисходительной, по отношению к прибывшим, улыбке. Но, уже через мгновение, она с летела с его лица.

– Теперь понятно, – также, с улыбкой, ответил Сергей, – понятно, почему лагерь без должной дисциплины и порядка?! Галлы заправляют в нем! И все же Авторит, я буду говорить с Матосом, а не с тобой! Есть какие-то трудности в понимании моих слов?

Авторит открыл рот от изумления и бешенства, одновременно, но холод глаз прибывшего, остудил порыв гнева и включил природную осторожность и хитрость. Постояв с открытым ртом, несколько мгновений, он, в конце концов, пробормотал:

– Обычно, я принимаю решения, кого пропустить к Матосу! Может быть, ты посланный убийца Суффетов!? Вам придётся убедить меня, чтобы добраться до него?!

– Я, с удовольствием, поговорю с тобой, Авторит, но, немного, позже! А сейчас, мне надо поговорить с Матосом! Для этого тебе надо только произнести ему на ухо...

И Коста, что-то прошептал на ухо Авторита...

Тот отстранился от Косты и, недоверчиво глядя ему в глаза, переспросил.

– Только это?

– Да, только это! – подтвердил Сергей.

Авторит погрузился в раздумье на минуту. Потом обошёл Косту кругом и прошёл в центральный шатёр холма...

Повернувшись, Коста дал рукой знак своим воинам, привести себя в порядок. После этого, он отряхнул себя от пыли и подойдя к сосуду с водой, стоящему под навесом, напился из него и набрав в чашу воды, умыл своё лицо и шею... Тоже самое, стали проделывать и его подопечные...

Пауза ожидания, прошла незаметно, и воины Сергея Косты успели уложиться в неё, чтобы омыться с дороги. Охрана, стоящая вокруг шатров, с удивлением наблюдала за столь бесцеремонной кучкой воинов, кои, не выказывая никаких опасений, предавались омовению у шатра вождя...

Но, вот на пороге шатра появился чёрный ливиец громадного роста. Его, полуобнажённая фигура, была завернута в какое-то покрывало, свидетельствовавшее и наводящее на мысль, что его потревожили во время любовных утех... Матос оглядел прибывших и молча рукой пригласил внутрь шатра... В момент входа, в проём шатра, из него, навстречу Сергию Косте, проскользнув мимо него, пробежало несколько обнажённых танцовщиц...

Коста и его люди попали в затемнённый, душный, пахнущий какими-то приторно сладкими благовониями, дурманящий букетом других запахов, шатёр. Закрытое пространство его, не допускало свежего воздуха и Косте стало не по себе, от этих обволакивающих негой запахов. Привыкнув к полутьме, он различил внутри шатра какие-то вырезанные фигуры из пробкового дерева в виде жутких истуканов. Они были увешаны какими-то ожерельями из костей, клыков и различных побрякушек. Шатёр был разделён на несколько частей, внутренними перегородками из ковров. Матос остался в центральной части шатра, где стояло вырезанное из пробкового дуба высокое кресло, на которое он сел. Рядом с креслом стоял Авторит.

Коста достал из поясной сумки тубу и протянул её Авториту, шагнувшему ему навстречу. Тот, взяв её, передал Матосу. Вождь, медленно, повертел тубу в руках и, рассмотрев то, что искал, удовлетворённо кивнул. После этого, Авторит, молча и с явным неудовольствием, это было заметно всем присутствующим в шатре, вышел наружу...

Как только он покинул шатёр, Коста шагнул к Матосу.

– Безерта и Асторий мертвы! – проинформировал Коста, – Я здесь для того, чтобы оказать тебе помощь, которую должен был исполнить Безерта!

Лицо Матоса покрылось испариной.

– Ну, надо же! – вымолвил он, – Я мог быть с ними! Как он погиб?

Лицо Матоса выдавало не поддельную озабоченность, постигшей, трагической участи своих товарищей.

– Говорят, их подкараулили! В схватке пали все! Включая людей Наместника! Кто это сделал, никто не знает?! Наместник пытался выяснить что-либо, но тщетно! Он отправил меня и моих людей сюда, чтобы я сам определился, кому оказать содействие! И вот я здесь!

– Что, ты, намерен делать? – с тревогой в голосе, спросил Матос.

Сергий Коста взглянул прямо в глаза Матосу.

– Во-первых, прекратить стаскивать в лагерь, несметное количество твоих соплеменников!

– Но это же для увеличения численности армии! И ещё, мы этим не даём набрать пуннийцам, у нас, сколько бы значащего народа, для их армии! Скоро придёт Гамилькар! Если, уже, не прибыл! Ты, не знаешь, что это за человек! Керы окружают его в сражении! Его меч сражает противника с одного единственного удара! Танат идёт следом, за его мечом, и творит свой ужасный суд! Я прослужил с ним и на горе Эрик, и до неё, и знаю, что говорю! Нам нужна огромная армия, чтобы справиться с ним!

– Вот именно – Армия! Армия, а не убойный скот, который надо ещё и кормить! Что толку с твоих крестьян, пастухов, водоносов, какого бы роста они не были! Корпус Гамилькара невелик, всего лишь 12 тысяч человек! Но каких! Он снимет гарнизоны с городов и соберёт ещё с десятков тысяч! 22—25 тысяч воинов. Вот все, что он может собрать и на что он может рассчитывать в этой войне! Поэтому, армии в три раза большей чем его, вполне достаточно, чтобы сломить молниеносного льва! Спендий располагает самой боеспособной армией! В ней три тысячи кельтов и тысяча иберов, прошедших все горнила войны бесстрашного льва. Но Спендий глуп! Я убедился в этом сам! Он мнит себя великим стратегом и, поэтому, будет разбит, как бы не старался избежать этого!

– Да-да, Коста! Он пытался руководить, даже, мной! А, после того, когда понял, что я не приму его главенства, посылал ко мне своих убийц и предателей! Это их тела висят на крестах, вдоль дороги сюда! – торжествуя заметил Матос. – Ты видел их?!

– Видел. – Без восторгов, в голосе и выражении лица, ответил Коста, – Снимите сегодня же и закопайте, поглубже! Вы глупцы! Вместо устрашения врагов, получите чуму в своём лагере!

Он подошёл к самому краю кресла Матоса, глядя в глаза ливийца.

– Сегодня же, распусти своих ливийцев по домам! Пусть работают на полях! Нам необходимо хорошее снабжение, Матос! Скрофа, сказал мне, что ты самый способный из всех! И у тебя есть родственные связи по царской династии! Ты станешь вождём восставших! А я буду, тебе в этом помогать!

Матос при этих словах просиял лицом и глаза его, скользкие и холодные, потеплели доверием к прибывшему. Он встал и торжественно произнёс:

– Так и будет!..

Глава 9

Антоний Бриан, выполнял распоряжение Гамилькара, по оснащению к обороне лагеря корпуса, прибывшего из Сицилии, вместе с ними. По иронии судьбы, лагерь разместился на месте лагеря лакедемонянина Ксантиппа, перед битвой при Тунессе. Окрестности местности и ближайших городов не поддерживали мятежников и продолжали быть лояльными к Карфагену и его властям. Но налоги, увеличенные советом Тысячи Одного, немного не мало, а втрое, все же внесли немалое удивление и потихоньку стали сказываться на настроениях союзных городов. Гамилькар, прибыв на материк, оставил армию и отправился в город, для решения ряда накопившихся вопросов. Он выступил на совете суффетов, потребовав, чтобы тот, проконтролировал выполнение решения о выделении ему средств, которые не были вовремя выданы и выплачены, нарушая его обещания наёмникам, которых он отправил на материк. Он, также, потребовал собрать объявленную контрибуцию Риму, обусловленную мирным договором, подписанным в Сицилии, незамедлительно! Пока, Совет Магнатов, выступавший как гарант выплаты этой контрибуции, совещался по этому поводу несколько дней, Гамилькар собрал Совет Тысячи Одного и потребовал от него лишения власти суффетов на этот год и перепоручения этой власти в его единоличные руки на правах протектора. Иначе, пригрозил он, он снимает с себя ответственность за подавление мятежа. Это известие взбудоражило весь город и его знатнейших граждан! Совет Тысячи Одного, принял все условия Гамилькара, ввиду необычайной опасности, сложившейся у города! «Родина в опасности и не время делить власть!» – выступил на Совете один из его знатных членов, и его все поддержали! Гамилькар, получив то чего требовал, тут же начал формировать из горожан отряды копейщиков и пращников...

Антоний, хорошо знавший, строение римского лагеря, отнёсся к порученным обязанностям с истинным должностным рвением и, вскоре, лагерь оброс всеми траншеями оборонительной схемы тех времён. Антоний, с удовлетворением, осмотрел возведённые укрепления и похвалил всех, от имени Гамилькара, перед строем, как это было принято в римских легионах. Он высоко оценил труд солдат за их быструю слаженную работу, по возведению укреплений. Для этого, он построил весь личный состав на претории лагеря, заодно ознакомившись с командным составом соединений корпуса. Между тем, в лагерь стали поступать сведения о бесчинствах армии Спендия в окрестностях Карфагена и Утики. Спендий сжигал деревни, оставшиеся лояльными Карфагену с особой жестокостью. Деревни сжигались, а мужчины распинались на крестах. По всей равнине Тунесса, потянулись шлейфы дымов сожжённых деревень и мелких городов. Эти дымы, распространялись и приближались к лагерю, укрепляемого Антонием. Корпус, прибывший из Сицилии, с тревогой смотрели на эти дымы. О численности мятежников ходили разные слухи. Говорили, что у Матоса собралась армия в 70 тысяч человек, включая перебежавших к нему рабов и набора в армию ливийцев. Спендий располагал армией в 20 тысяч бывших наёмников и так, как он сам был бывшим дезертиром Римской республики, да ещё и соратником Гамилькара по лагерю горы Эрик, считался самым деятельным и опасным из мятежников. Так и было! Спендий вёл самые активные действия в предместьях городов-союзников Карфагена! Его конница дважды появлялась в предместьях Карфагена, но после появления у города корпуса Гамилькара, Спендий зная его силу, сразу отхлынул от города к Утике, вглубь прибрежной Ливии.

Бриан, находился на центральной площадке лагеря, называемой у латинян – Преторией, когда в её центр, на всем ходу, влетел пыльный всадник. Лошадь его проявляла крайнее возбуждение! Она кусала удила, била копытами и неистово ржала, будто торопя ознакомление с теми вестями, что привёз всадник! Антоний, оставленный старшим в лагере, поспешил к нему.

– У меня, очень важные сведения из лагеря мятежников, – сказал, спешившийся гонец, – очень срочные!

Антоний зашёл с ним в ставку Гамилькара.

– Гамилькара нет на месте, как и Теоптолема! Но я, передам им то, что ты привёз! Рассказывай!

Гонец, недоверчиво, посмотрел на незнакомого военачальника, но тот факт, что охрана лагеря и претории, очень уважительно обращались с этим новичком, успокоила его и он начал говорить.

– Через три дня, в планах Спендия взять Утику! Он знает, что штурм города, если он защищается нормальным гарнизоном, не под силу ему и, поэтому, он хочет захватить его внезапно, выманив от города армию наместника Ганнона. В это время в город войдут переодетые в горожан мятежники и будут ждать сигнала. Вслед им в город войдут обозы с оружием, будто бы предназначенные вашему лагерю, а на самом деле, для вооружения горожан, которые готовы примкнуть к восстанию. К этому времени, город наводнят наёмники и это послужит к сигналу захвата! В город он направит самых проверенных своих воинов, прошедших перипетии Сицилии. Численность точно не известна. Толи полтысячи, толи тысяча! В их задачу входит захват одних из городских ворот и удержание их, до подхода конницы Дуффа!

Антоний задумался над словами гонца. План, разработанный Спендием, действительно мог быть осуществлённым! Но, здесь, существовала и другая сторона?! А что, если, это хорошо спланированная, организованная диверсия? Ловушка?! Спендий мог, таким образом, просто выманить часть корпуса из лагеря и уничтожить! Антоний ещё раз внимательно посмотрел на гонца...

– Откуда пришла информация? – спросил он, прибывшего.

– Новость пришла от Киферона! – ответил гонец.

– От кого? – переспросил Антоний, – Киферон, это кто?

Гонец так удивлённо посмотрел на Бриана, что Антоний понял, что спросил глупость. Имя Киферона, в корпусе было известно. Много смелых и отчаянных операций было проведено в Сицилии, благодаря добытым им сведениям и ему самому! Но самого Киферона мало кто видел и знал! Под его именем мог скрываться кто угодно, но кто, именно, известно не было?! Знали только, что это очень отчаянный, умелый воин, и что он, напрямую, связан с Гамилькараром. Этот человек был невидимкой в рядах врагов и своих собственных! И глядя на Антония, гонец не мог даже предположить, почему этот военачальник, которого Гамилькар оставил вместо себя, не знает это имя и репутацию, следующую за ним!

По виду гонца, Антоний понял, что пришло время обратиться за чьей-нибудь помощью, поэтому, положив ему руку на плечо, сказал:

– Хорошо! Выступаем ночью! Ты идёшь с нами, показывая самую короткую дорогу!

Гонец, облегчённо вздохнул, и это окончательно убедило Бриана в его правдивости и сняло все подозрения.

– Киферон передал, что главное не спугнуть противника! Пять сотен самых опытных наёмников должны угодить в ловушку! Я проведу вас самой короткой дорогой!

Антоний отправил его отдыхать, до их ночного выступления, а сам пошёл и разыскал Сапфона. Этот сириец, пользовался у Гамилькара особым доверием и уважением за свою безудержную храбрость и тонкий ум. Он занимал должность тысячника и был оставлен в лагере, для ведения наблюдения за передвижением противника в стороне Сусса, а также для сбора в округе хорошего представления об его отдельных отрядах и их силе. Гамилькар решил, для начала покончить с более мелкими отрядами, прежде чем выступить с армией на главные силы «логова змей», как они сами себя называли... Летучие отряды Сапфона, разлетелись по всему Тунессу, собирая сведения. Сам же Сапфон, явно скучал, выполняя порученное ему задание и с необычайным интересом, выслушал рассказ Антония. Глаза сирийца загорелись:

– Я выступаю с тобой, Антоний! Наконец то, настоящее дело! Но нам нельзя брать большие силы, это очень заметно в передвижении. Я думаю, тысячи нам хватит! Киферон, почти, не ошибается! Если он сказал 500, значит столько и будет.

Антоний был очень доволен, что не высказал своё первоначальное сомнение. И, теперь, услышав, что Сапфон тоже в курсе о некоем Кифероне, необычайно, приободрился. Но все же один вопрос, возник у него в голове.

– А кого, мы оставим, в лагере, вместо себя? – спросил он Сапфона, вспоминая распоряжения Гамилькара не выступать из лагеря, до его возвращения.

– Вечером прибывает Гикет! Это старый товарищ Гамилькара. А опыта у него на нас двоих хватит! Он приведёт в лагерь тех нуммидийцев, что служат нам от прежнего царя Гиарба. Он будет на нашей стороне, в нашей с тобой задумке. Ну, а завтра утром, прибудет Теоптолем, с конницей из Сицилии! Всё! Надо готовить людей!..

К вечеру, Сапфон самолично выбрал тысячу, отправляющихся с ним и Антонием в Утику. И с наступлением темноты, отряд, провожаемый Гикетом, вышел за ворота лагеря.

– Вы обстоятельно изучите обстановку, – давал советы Гикет, – в город войдите через несколько ворот, дабы не возбудить подозрений! Ну, пусть с вами будет мощь Бааля! В путь! Да! Сапфон! В Утике очень опытный стратег гарнизона Ганнибал Корт! Ему полностью можно доверять. Поделитесь с ним, может он уже что-то увидел, и вместе выработайте план действий! В путь, друзья!

Гикет, молча проводил глазами удаляющиеся ряды отряда...

...Отряд ускоренным маршем двигался в сторону Утики... В ночных сумерках, будто чёрная пантера, двигается колонна карфагенян. Ночь темна, в небе новолуние и только звезды подсвечивают путь своим светом миража, прилетевшего из других миров за миллионы парсек, чтобы сориентировать земной отряд, выступивший в сторону событий неизвестности и непредсказуемости, каковыми и изобилует любая война. Впереди колонны, в четырёх стадиях, двигаются дозоры, вслушиваясь в ночную тишину и шорохи ночных звуков. Колонна сохраняет боевой порядок и, поэтому, в её голове, впереди, идут две фигуры. Их силуэты хорошо заметны, когда колонна выходит на какую-либо возвышенность, через которую проходит дорога. Они чётко выделяются, на фоне звёздного неба, и, шагая рядом о чём-то беседуют...

– ... второй, в роду ветви Римских граждан. Мои предки принадлежали раньше к родовой аристократии племени вольсков. Соседство с Латиумом всегда сказывалось на жизни нашего народа. Усиление города на Тибре, после оставления его этрусками, вело к угнетению сначала самого Латиума, а, потом, распространилось на близлежащие провинции и народы их населяющие. Мой дед погиб в сражении с легионами, но тогда была нами достигнута победа! Но и Рим, как мифический дух, быстро восстанавливал свои силы и, наконец, и мой народ был покорен! Мой народ, дольше всех, вселял страх на город Ромула и, покорив его, римляне, тут же, романизировали его, чтобы исключить повторные выступления за независимость! Римляне, с охотой, брали в жёны представительниц рода вольсков, а нашим мужчинам разрешили брать в жёны римских гражданок. А в это время, в Италии, Римом покорялись город за городом и, вскоре, почти весь центр Италии был в подчинении латинян. Сход старейшин моего народа постановил быть вечным союзником города Ромула, и целое поколение жило как народ-союзник Рима, но Рим предложил большее. Он увеличил плебисцит и включил в него наших граждан! Так мы стали одним народом. Нас признали одной из триб, дали гражданские права. Не всем сразу! Постепенно, по мере романизации! Но, я, уже родился как римский гражданин! Воспитывался я в Фурии, куда меня отправил мой отец, учиться познаниям философии у учителя Симона из Локр. После получения необходимых знаний и обучения основам стоицизма, я сам отправился в Рим, обучаться военной тактике, а на последних выборах нашей трибы, меня выдвинули, а, затем, проголосовали, утвердив на должность трибуна. Собираясь на эту войну, я только и слышал о чудовищности законов и традиций пуннов! Об их коварстве и ненависти

ко всему Римскому. Гамилькар же там, совсем рисовался, как кровожадное чудовище, уничтожающее пленных! Будучи под впечатлением от этих ужасных картин и рассказов, я попросился в Сицилию, оставив легион и перебравшись на флот. – Рассказывал один из них.

– А, отправившись в Африку, ты не испортил себе карьеру в Республике? – спросил его собеседник.

– Я свободный гражданин, и, вправе, выбирать свой путь сам! Поверив в несправедливые, лживые обвинения в адрес целого народа и его отдельных личностей, я встал на несправедный путь и, поэтому, возвращён Богами на начало его! Так учили меня Симон и Калипсан:

«– Нет тяжёлого пути, как и лёгкого. Есть путь человека, который сам выбирает, куда и каким образом он будет двигаться!»

– Поэтому, я решил твёрдо, что послужу за дело тех, против кого несправедно боролся! – закончил первый собеседник.

– Ну, что же, благородно! Очень благородно! Но знай, Бриан, теперь нам противостоят люди, для которых благородство пустой звук. Они привыкли продавать не только свой меч, но и продавать свои помыслы! Если у них таковые имеются. Спендия, я знал, очень хорошо! Он такой же, как и ты, римлянин, из-под Капуи. Очень искусный воин. Хотя, Безерта был лучше! Оба попали в плен под Солунтом. Тогда, Республика объявляла всех, кто сдался в плен в сражении, утратившими гражданство! Это, конечно, дикость! Человек мог попасть в плен, от крепкого ранения, без сознания, в конце концов! Но, факт остаётся фактом! Поэтому, выбора у них было совсем мало, да и тот был невелик – стать рабом в каком-нибудь греческом городе или томиться в неволе, в Африке, работая на плантациях до окончания войны! Они оба выбрали третий! И служили неплохо. Когда начались переговоры о мире с Римом, все бывшие наёмники, дезертиры римляне и сбежавшие рабы из Сицилии, узнали, что консул выдвинул одним из условий мира – обязательную выдачу всех своих граждан, включая и воевавших на стороне Гамилькара дезертиров и рабов! Все, кто, каким-то образом, относился к вооружённым силам Республики, спросили тогда у Гамилькара, собирается ли он выполнять это требование? Гамилькар, ответил тогда, что считает этот пункт в переговорах невыполнимым и своё слово сдержал! А вот многие, из числа вопрошающих нет! Ведь именно тогда, Гамилькар решил отправить дезертиров, кто куда попросится! Многих переправили в Иберию! Вместе с семьями! У кого семей не было, уплыли в Африку, к Приону. И здесь подняли бунт, обвиняя того же Гамилькара в предательстве их и не выплате вознаграждения! Опустившийся один раз до предательства – предаст и тех, кому он предался! Предавший раз, предаст и второй! Эти вековые истины, подтвердились полностью! Поэтому, воюя с этими людьми, о благородстве забудь, Бриан! Они будут вести войну с особым ожесточением и упорством!

– А кто живёт в Утике, Сапфон? Ливийцы? – спросил Антоний. Они вышли на ровный участок, меж череды холмов.

– В Утике живёт много народностей! Как и в Карфагене! Ливийцев там, как раз, меньше всего! Да, что рассказывать, ты, вскоре, все увидишь сам! Это город ремесленников.

Некоторое время, они шли молча, потом Бриан спросил:

– А ты, Сапфон, сколько лет уже воюешь? И сам откуда?

Сапфон ответил, немного, помедлив:

– Я был пиратом, Антоний! В 20 лет, меня захватили в рабство пираты Киренаики. Я тогда плыл с отцом с острова Крит, направляясь на Саламис! Отец мой был успешным торговцем Карфагена! Он имел два корабля и торговал в Восточной части Внутреннего моря. Торговали в основном пурпурным красителем, пряностями, да много, чем ещё! Тогда случилась страшная буря, и чтобы обезопасить себя от разгулявшихся Нереид, мы зашли в бухту. По стечению плохих для нас обстоятельств, туда же, с теми же целями вошли ещё два корабля! Оба были с Киренаики и оба оказались вооружёнными пиратскими кораблями... Так разыгралась драма моей жизни, которая в корне поменяла мою жизнь. Антоний! – Сапфон помол-

чал совсем немного, припоминая тот день, – На моих глазах убили моего отца, пронзив его грудь огромным копьём, выпущенного со «скорпиона». Команда почти вся была перебита, численно превосходящими силами пиратов... Кучку израненных и еле живых членов команды, кто защищался до самого конца, они, навалившись всей гурьбой скрутили и связали... В их число, входил и я... Главарь посмотрел на нас и на предложение своих пиратов всех нас убить, ответил отказом. «Они убили многих из моих людей! Будет большой тратой для меня просто убить их! Мы продадим их!» Так они и сделали. Нас завезли на какой-то другой остров и продали таким же пиратам... Те, другие пираты, спросили нас – не хочет ли кто из нас, послужить «братству» пиратов или же предпочтёт, продажу в рабство, на египетские галеры! Выбор был невелик! Или умереть на галерах Египта гребцом или согласится стать их товарищем! Я выбрал второе. Год от года я превращался в злого, беспринципного пирата. Я не участвовал в делах награбленного. Из всей добычи я брал только минимальное необходимое. Более, мне было не надобно! Все «теперешние товарищи» очень удивлялись этому, но никто меня не пробовал переубедить! Пиратство живёт на жадности! Жадность этих людей, является главной движущей силой их поступков. Они только радовались тому, что моя доля в наживе, столь малая – меня устраивает. Как-то в одном из набегов, от ранения стрелой, умер наш предводитель. Состоялись выборы нового предводителя «братства» и вот тут, мои товарищи, зная мою храбрость и непритязательность к добыче, выбрали меня на эту должность. Вот! Стукнуло тогда моё сердце. Вот то, что мне было нужно! Я стал рыскать по другим просторам, расширив пространство нашего разбоя! Но делал я это не ради обогащения! Хотя, это вызвало бурю восторга со стороны моих товарищей! Я искал те два корабля, которые отпечатали в моей жизни столь кровавый след. И вот однажды, у самого Родоса, мне подсказали, что видели такие галеры, кои очень похожи на описываемые мной! Мне было подсказано место, где я их могу найти и, куда они частенько заходят. Это был один из скальных островов Киклады. Я простоял там более месяца, моя команда дважды чуть не взбунтовалась от бесцельного ожидания... Но вот, однажды, одним спокойным вечером, в бухту нашего ожидания, вошли два корабля... У меня по спине пробежался холодок от воспоминаний, когда я смотрел на них... «Ребята, – обратился я к команде, эти корабли прячут здесь в одной из пещер, свои награбленные сокровища! Отберём их!» Моё предложение было принято с огромным восторгом, ибо для пирата слово «сокровища» является сакральным по смыслу и святости по достижению! Мы подстерегли их, при высадке из лодок, у входа в одну из пещер! Схватка была жаркой! Но внезапность нападения и наша быстрота, сделали своё дело. Главарь их уже не помнил меня. Да и как он может запомнить сотни людей, коих убил, продал в рабство, сломал, покалечил! Я швырнул ему меч и сказал, что победитель нашей с ним схватки будет командовать всей флотилией! Он принял вызов со смехом... Потом, глядя в его глаза, и видя, как угасает в них жизнь, полная подлости и крови, я напомнил ему о себе и за, что он несёт ответственность! – Сапфон снова прервал свой рассказ, помолчав, продолжил, – На мою сторону перешла часть команды моего врага, ибо пират не знает привязанности! Его привязанность – это разбой и нажива! Теперь, у меня было три корабля. Я поделил своих людей на три части и стал грабить в пределах островов Киклады. На одном из островов, мы оборудовали свой небольшой пиратский город. Проливы там страшные: подводные скалы чередуются с рифами, а ночью слышно пение сирен! Так прошло ещё два года! Но однажды, мы увидели боевой корабль. Он шёл один. Серебряный месяц плясал на пене волн свой танец! Такой рисунок был на его парусе! Мне страшно захотелось иметь такой же, и мы бросились в атаку... Так и закончилось моё пиратство... После, Карталон Барка, обходя раненых, нагнулся надо мной:

«– Такой молодой, а уже вождь?! – удивился он. – Видимо жизнь заставила взять его оружие и добиться управления над такими же, как он сам! Значит, на то была мотивация! – он долго смотрел на меня и сказал, – Хочешь ли ты, сириец, будучи из такого же народа, как и я сам, уйти от разбоя и послужить своей стране, в коей жил ты сам и жили твои родители?»

– Я был поражён таким предложением! Ведь всех пиратов, захваченных где-либо и кем-либо, распинали на крестах! Власти любой страны не считают пиратов за людей и казнят, не раздумывая!

«– А поверишь ли ты, пирату? – спросил я.

– Поверю! Но в случае предательства, вот эта рука совершит возмездие! – ответил он». Целый год, я проплавал с Карталоном, мы уплывали в далёкие туманные земли, на какой-то остров, где провели почти восемь месяцев! – Глаза Сапфона загорелись воспоминаниями, так что Бриану казалось, что даже в ночи он видит от света горящих глаз Сапфона, цвет его зрачков, – Пережив там невероятные приключения, мы, наконец, нашли то, что искали и Карталон выполнил какую-то важную миссию на том странном острове, где люди красят лица в синий цвет и занимаются ещё более странными обрядами! Я тебе скажу, Антоний, остров тот, полон колдунов, которые правят живущими там народами, при помощи колдовства, страха, проклятий и тайных знаний!

Бриан слушал Сапфона затаив дыхание... Так слушает взрослого человека маленький ребёнок, когда ему рассказывают о чем-то удивительном. Антоний всю свою молодую жизнь провёл в Италии и самой дальней точкой его отдаления от дома, до прибытия в Африку, была Сицилия...

– ...Люди там живут по каким-то странным законам, которые им даёт кучка старцев... Они часто идут войной одно племя – на другое, без видимых на то причин... В общем, то, что мы там пережили, полностью излечило мою душу от того грязного осадка, что скопился за годы пиратства! Кстати, в том плаванье, с нами в команде были такие же римляне, как и ты! Один, бывший приимпеларий легиона, наверное, самый мужественный человек из всех встречавшихся мне людей за годы моих скитаний! Да и бывший центурион манипула – тоже не из робкого десятка! Именно они совершили чудеса находчивости, что, в конечном итоге, помогло выполнить нашу задачу!

– А где они сейчас? – не сдержался от вопроса Антоний.

– Центурион Массилий Фимбр, остался на корабле Карталона. А Кассий Кар?... Он, одно время, был в корпусе на Эрике... Но, вот куда он делся потом, не знаю!

– Ну, а как, ты, оказался в корпусе? Ведь ты же был на корабле? – Бриана очень сильно заинтересовал рассказ Сапфона. В его голове прокручивались невероятные приключения, кои испытали его соотечественники и идущий рядом с ним Сапфон.

– После прибытия из Туманного острова, я участвовал в битве при Дрепане. Эта была искуснейшая победа, в которой мне посчастливилось участвовать! Там я был ранен. Стрела пробила мне бок, и я оказался в лагере Эрика на излечении. Карталон уплыл в новые скитания, а я остался с Гамилькаром.

– Сапфон, ты послужил обоим Баркидам, кто из них более талантлив? – Спросил почему-то Антоний.

Сапфон задумался...

– Это очень трудный вопрос, – начал свой ответ он, – Карталон, хоть и старше, но более чувственен и сентиментален! Но он очень хорошо, просто страшно хорошо, владеет оружием! Гамилькар плавает мало, только для какой-нибудь операции, которую разработает и выполнит замечательно и блестяще! Оба они яркие личности! И отдать кому-либо предпочтение, я не могу! – Закончил свои рассуждения Сапфон...

...В это время, отряд вошёл в пространство длинного коридора, лежащего меж цепи различных по высоте холмов... К Сапфону и Антонию, приблизился вчерашний гонец.

– Вон за тем, холмом, откроется вид на Утику! – проинформировал он.

– Надо прибавить шаг! Скоро рассвет! – заметил Сапфон...

Глава 10

Гамилькар, получив права протектора над Карфагеном, быстро, без отлагательств, начал осуществлять ряд, намеченных им, мер по обороноспособности города. На, недавно, воздвигнутых стенах, возобновили дежурства стражники и дозорные наблюдатели. Стража была создана из Священных отрядов, и набрал её Гамилькар, непосредственно, из казарм Бирсы, где те и базировались. В городе было вновь сформировано ополчение, для отражения возможного нападения одной из армий мятежников. Гамилькар добился, чтобы были открыты все оружейные кладовые холма Бирсы. Он забрал оттуда всю тяжёлую конницу и слонов, под своё начало и отправил их с Теоптолемом в лагерь к Бриану. Барка, со всей свойственной ему энергией, запустил все механизмы обороны торговой республики, которые дремали или по недалёкости в военном вопросе Совета суффетов, или по растерянности его же, в свете, внезапно, всплывших угроз...

Собрав требуемую сумму выплат всему своему корпусу и наёмникам гарнизонов, он отправил гонцов к Матосу и Спендию, с просьбой отпустить Гиксона и его командиров в обмен на обещанную им сумму выплат. Через гонцов, Гамилькар дал слово, что выполнит все условия договора и сделал недвусмысленное предложение, что в случае выполнения и его просьбы мятежниками, стороны могут разойтись без войны. Вследствие этого, далее, он заверил, что препятствий их удалению из Африки чинить никому не намерен, и они могут вернуться в свои страны...

До этого, в город прибыли гарнизоны городов Сицилии и конница Теоптолема. Теоптолем, тут же, отправился в родовой дом Баркидов. Дом был полон людей. Гамилькар, как протектор, теперь должен был заниматься не только обороной города, но и различными тяжбами города.

– ...Все, что нам нужно, это небольшой конвой, для прохода кораблей, загруженных воловьими шкурами собранными городами Сицилии, ещё до наступления мира! – Просила его делегация цеха кожевенников, – Мы оставили свой груз в Гераклее и Акраганте. И, теперь, надо его доставить сюда!

– А, что же, Вы, не перевезли его вот с этой партией, везущей гарнизоны Лилибея и Солунта? А ещё один конвой вёз конницу Теоптолема?

– А и мы подошли к высокомерному греку! Но он сказал, что занимается сейчас людьми и «Ваш шкурный интерес», так выразился он, – вот где! – один из членов делегации показал жест ребром ладони, приложив её к шее.

– Узнаю Теоптолема! – засмеялся Гамилькар, – Сколько там примерно шкур?

– Шкуры есть выделанные и необработанные! А есть уже приготовленные, склеенные для монтажа доспехов! Все можно погрузить в десяток транспортников! Но нужна флотилия конвоя! Ты сам знаешь, Гамилькар! Пираты не дремлют во Внутреннем море!

– Да. Шкур многовато! – изменившись в лице, задумался Гамилькар, – Слишком богатый подарок для «волчьих сынов»! Бросать жалко! Если их оставить, римляне быстро их приберут к рукам! – Он снова повернулся к кожевенникам, – Хорошо, идите к Диархону, скажите ему от моего имени, чтобы отправил с вами 10 пентер прикрытия!

– Клянёмся мудростью Милгарта! Ты – Великий стратег Гамилькар и разбираешься в выгоде нашего города! Не то, что высокомерные греки!.. – Кожевенники, довольные разрешением их вопроса покидали дом Гамилькара, и торопились в гавань, чтобы ещё сегодня отправить транспорты за грузом...

Гамилькар, отдав ещё кое-какие распоряжения, городским магистратам, заполнившим его дом, вышел в сад. В саду благоухали реликтовые растения родового гнезда Баркидов, их запах навивал его на воспоминания. Этот аромат, источаемый сплетёнными изгородями расте-

ний, цветущих и расцветающих, создавал по замыслам садовников, живую беседку, где можно было отдохнуть жарким, солнечным днём. Здесь, разместилось все семейство Гамилькара... Гамилькар обвёл глазами всех присутствующих в беседке, кроме взрослой прислуги, помогающей присматривать за детьми, среди детей выделялась белокурая, статная женщина. Все дети, а их было не меньше семи, весело играли и с ней, и с, присматривающими за ними, домочадцами. Гамилькар засмотрелся за их игрой, с его лица не сходила улыбка, а мужественное сердце обмякло и наполнилось счастьем и радостью... Он краем глаза заметил тень, скользнувшую у него за спиной и спрятавшуюся за кустом роз... Прошло мгновение... Гамилькар резко обернулся и поймал тень, появившуюся из-за куста...

– Вот он разбойник! – засмеялся он, подняв на руках, мальчика лет семи, – Ганнибал, ты почему не со всеми?! Гасдурбал с сёстрами, не берут тебя в свои игры?

– Нет! – смеялся, от щекотки, мальчик, – Мне неинтересны их игры! Они сажают сад, с тётушкой Иолой! А мне хочется играть в гоплитов!

– А сын, Иолы, Ольвий? Он тоже сажает сад? – смеётся Гамилькар.

– Нет, он один играет со мной! Он сейчас прячется и готовится отражать моё нападение! Скоро я пойду его искать! – отвечает Ганнибал.

– Вот оно, что? А почему ты не прячешься, Ганнибал? – Гамилькар ставит сына на землю и треплет его тёмные волосы.

– Потому-что, мы с Целием, разработали целую систему маскировок, и они меня никогда не найдут! – совершенно серьёзно, не по-детски, говорит мальчик. В его голосе звучит разочарование.

– А что же, Целий, не обучит этому искусству и Ольвия? – спрашивает Гамилькар.

– Целий говорит, что ему это не пригодится! – отвечает Ганнибал.

Ганнибал становится серьёзным.

– Что он имеет в виду? – спрашивает он, глядя на сына. Но тот не отвечает, а устремляется куда-то вглубь сада и Гамилькар, поддавшись, вновь, налетевшему душевному порыву, ещё раз подхватывает его и прижимает к своей груди... Счастье отца переполняет его... Он, медленно, опускает сынишку и тот, скрывается за кустами роз...

«– Мне кажется, Кларисса, я, никогда, не смогу отомстить квиритам за твою смерть и смерть Магона! Это сделаешь ты сама! И месть твоя уже растёт!» Гамилькар провожает взглядом мелькнувшую тень мальчика, бегущую по саду, с деревянным мечом в руке, и поворачивается ко всем остальным.

– О, я смотрю, наш сад преображается и расширяется! – говорит он, приближаясь к ним, – Здесь никогда не росли такие красивые кусты! – Гамилькар улыбается и целует дочерей в щёки, сына Гасдурбала треплет за плечо, – Иола, ты волшебница! Насажать столько кустов!

– Это не я одна, все мы копали, а потом рассаживали орхидеи и розы, которые распустили новые побеги! – отвечает белокурая женщина, улыбаясь Гамилькару.

– А наша маленькая гостья, Ольвия? Что посадила эта красивая девочка? Должно быть, цветок, под стать красоте её самой! – Гамилькар поднимает и целует светловолосую девочку. Она весело смеётся и показывает на куст роз.

– Вот этот! – девочка держит в руке ещё один побег, – А этот посажу здесь!

– Ну, ты, Ольвия, настоящая садовница! Я жду и не дожусь, когда увижу ваш сад, где живете вы вместе с мамой и папой! Там, наверно, очень красиво, как в саду Богов?

– А папы дома нет! – говорит, вдруг, девочка, – Он уплыл в море!

– Да, я знаю, Ольвия! Мы его все ждём! – Гамилькар, ещё раз, целует девочку в щеку.

– Папа, а я посадил куст роз! Вон там, около аллеи! Но, ещё хочу посадить нарциссы, так любимые мамой!

Гамилькар взглянул в глаза Гасдурбала. Этот ребёнок поражал его! Поражал своей преданностью памяти матери! Он помнил о ней почти все мелочи – её любимые шутки, её люби-

мые игры, её любимые цвета одежды... И, теперь, выяснилось, что он ещё помнил любимые цветы Клариссы... Гамилькар прижал сына к своей широкой груди.

– Спасибо, тебе сынок! – прошептал он ему на ухо и взъерошил ему волосы...

Он принял на руки, у одной из присматривающих сиделок, самого меньшего сына Магона и расцеловал его в щёки. Повернувшись к Иоле, он спросил:

– А куда уже убежали старшие девочки?

– Они пошли в беседку у ручья! – ответила Иола.

Гамилькар подошёл к ней.

– Спасибо тебе, Иола! Что помогаешь мне с детьми! Не знаю, что бы я делал без тебя!

– Для меня это счастье! Когда я разговариваю с ними, мне кажется, что я слышу смех Клариссы, совсем рядом с собой! И я, нередко, чувствую её присутствие!

Гамилькар вздрогнул, услышав слова Иола. Он и сам, много раз ловил себя на мысли, что Кларисса, находится рядом с ним! Он даже чувствовал на себе её взгляд! Это было странное чувство, и о нём Гамилькар предпочитал молчать... и вот, почти, те же самые мысли и чувства, высказывает Иола...

– Мне тоже кажется иной раз, что она рядом с нами! Видно, мы, вспоминая о ней слишком часто, не отпускаем её от себя! – Гамилькар смотрел в глаза подруги Клариссы, говоря эти слова, – Она, будто бы чувствует наши мысли о ней, незримо, находясь около детей!

Гамилькар, тоскливо, улыбнулся и решил сменить тему разговора.

– От Кассия, не было ничего? – спросил он.

– Я, хотела спросить тебя об этом же? – Иола оживилась, – У меня нет, пока, никаких вестей!

– Как только, я что-то узнаю, то сразу дам тебе об этом знать! Я даю тебе слово, что сделаю это!

Иола улыбнулась в ответ. Она знала, Гамилькар свои слова выполняет всегда.

– Я, давно, не видел Ольвия?! И сейчас, Ганнибал сказал мне, что он где-то прячется! Он уже, наверное, вырос, за это время?

– Ольвий пошёл в своего отца! Они с Ганнибалом все время что-то замышляют! – Оживилась Иола, – Мне так трудно усадить за стол этих двух стратегов!

Иола и Гамилькар засмеялись.

– И все же, Иола, я пришёл пригласить всех за стол! Скоро, я отбываю к армии, и мне хочется побыть со всеми, как это было в наше счастливое время, там, в той жизни, на Сицилии! Как жаль, что ничего нельзя вернуть! Но, сейчас, перед моим отъездом, мне, ещё раз, хочется взглянуть на родные моему сердцу лица!

Иола встала.

– Пойдём, Гасдурбал искать твоего брата! Ольвия, зови девочек из беседки! – Она посмотрела, как все дети разбежались по саду.

– Когда, приезжает Саламбо? – спросила Иола.

– Диархон отправил флотилию за ней в Коринф!

Иола посмотрела на Гамилькара, в её глазах засеребрились слезы.

– Тебе не хватает её, я знаю! Поэтому, тебе понадобилась Саламбо, так напоминающая своей внешностью Клариссу! Но, все же, тебе Гамилькар нужно поискать замену Клариссе! Я понимаю, что ты, сейчас, хочешь сказать мне Гамилькар! Возразить... Но, кому, как не мне не знать, чего бы хотела сама Кларисса! Она бы хотела, чтобы её отпустили, а твоя жизнь наполнилась новым чувством. Пусть, не таким сильным, как прежде! Но все же, тебе стало бы легче! А значит, стало бы спокойней и ей. Подумай над этим Гамилькар!

И Иола пошла вслед за детьми. Гамилькар молча посмотрел ей вслед....

«— Она права, — думал он, — мне надо отпустить Клариссу! Попробовать создать новую семью. Найти, если не замену ей, то хотя бы человека, который разделит со мной тяготы взросления моих детей».

Гамилькар посмотрел, как Иола скрылась в саду.

«— После договора с бывшими соратниками и усмирения остальных, мне надо попытаться наладить личную жизнь, чтобы освободить Иолу от забот о детях!» — решил Гамилькар и отправился в дом... Он прошёл вдоль протекающего к центру сада ручью, дарящему прохладу и влагу зелёным насаждениям. Остановился, вдохнув свежий, благоухающий, ароматный воздух. Наклонившись к ручью, он набрал в ладонь воды и глотнул холодный глоток ключевой воды. Остальной водой, оставшейся в ладони, смочил свой лоб и лицо. Вода родного источника, из которого он пил ещё в своём детстве, освежила его воспоминания... Он вспомнил, как ждал возвращения своего отца из очередного похода против племён, совершающих опустошительные набеги на южные рубежи Республики... Он вспомнил, как пройдя в сад, отец, первым делом, омывал лицо в этом ручье. А он, Гамилькар, подсматривал за ним из-за кустов...

«— Как, мгновенно, пролетело время?! — удивившись, подумал Барка, — Столько событий и людей, похоронило оно! Ушло поколение отца. Их больше нет с нами. Республика, за это время, не стала стабильней и сильнее! Но вот в чем вопрос и казус — она стала богаче, намного богаче! Но сильнее от этого не стала! Богатство не даёт силу, а только отнимает её! Оно разобщает людей, заставляет их думать только о собственном благополучии. Об этом предупреждал отец, когда в совете произнёс речь о накоплении богатств, некоторыми родами суффетов. „Ваше богатство не укрепит город! — говорил он тогда, — С каждым приобретённым вами талантом серебра, город будет слабеть, и наливаться немощью, как плод, переспевающий на ветке, с коей должен упасть в чьи-то руки или на землю!“ Как прав был отец!»

Гамилькар пошёл дальше, но чья-то тень, принадлежащая не ребёнку, остановила его. Он увидел её за зарослями гранатов... Человек, увидев, что Гамилькар остановился, заметив его, вышел из-за деревьев...

— А, Целий! Я решил, что к нам в дом забрались чужие! — сказал Гамилькар, увидев латинянина. — Кстати, ты можешь вернуться в свою республику! Я не хочу задерживать тебя! Ты уже здоров.

Целий, не ответил на вторую часть слов Гамилькара. Он, смотря на Барку, произнёс:

— Чужие? А разве я не принадлежу к партии чужих? Ведь, я, был взят в плен с оружием в руках! И мог, с таким же успехом прийти в этот дом с ним же, по приказу высших магистратов Рима! И мой приход не сулил бы всем обитателям его ничего хорошего?! Когда я стал не «Чужим»?

— С тех самых пор, когда утратил угрозу, потеряв оружие! Я не брал тебя в плен. В этом не было необходимости. Ты мог умереть там же! Что меня на это толкнуло? Не знаю. И, даже, угроза тебе со стороны звероподобных жрецов Молоха не заставила меня спасти тебя. Не знаю почему, я это сделал?! Это произошло спонтанно и, скорее всего, решалось не в моей голове! Но, в этом доме, для меня врагов нет! И я рад, что ты выжил и можешь, теперь, отправиться домой!

Целий потрогал огромный рубец на своём лице, ещё не заживший полностью. Рубец, шёл наискось, со лба, через переносицу и левую щеку к уголку рта...

— Я, теперь, не больно красивый и привлекательный мужчина... — задумчиво произнёс он, — Позволь мне самому принять решение, когда покинуть этот дом? У меня здесь установился контакт с одним из обитателей этого дома, и мне бы хотелось не прерывать наши отношения, в столь интересное время!

Гамилькар подозрительно посмотрел на Целия.

– Ты говоришь о Ганнибале? Я знаю о ваших с ним беседах! Хорошо, пусть твои слова по поводу твоего отъезда будут законом для этого дома. Ты сам решишь, когда покинешь его! Но надеюсь, ты не научишь моего сына ничему, чему не хотел бы научить своих детей!

Приимпелярий, утвердительно, качнул головой.

– У меня нет детей, Гамилькар! Жизнь так сложилась, что я воевал много лет, и сердце не требовало отцовства! Но, сейчас, я впервые почувствовал интерес от общения с ребёнком. Необыкновенным ребёнком! Ребёнком, который лишился матери и брата по моей вине! И я хочу, хоть чем-то, компенсировать тот ущерб, что нанесла война, ведущаяся мной, этому, ни в чём не повинному, ребёнку!

Гамилькар посмотрел на Целия и ничего не ответил на эти слова.

– Сейчас все домочадцы этого дома собираются за обеденным столом. Приходи, Целий. Я, завтра, покидаю город и хочу посмотреть на всех перед своим отъездом!

– Ты отправляешься на войну? – Глаза Целия загорелись от значения этого слова, – Не знаю, поверишь ли ты моим словам, но желаю тебе избежать предательской стрелы! В прямом столкновении, с тобой справиться нет возможности, поэтому, твои недруги будут использовать другой метод! Береги себя! Я же, попытаюсь сберечь твой дом!

Гамилькар посмотрел на Целия, последнюю часть сказанных слов Целием, он не понял, но приложив руку к сердцу, отправился в дом...

Позади него стоял человек, смотрящий ему вслед... Мысли того человека, в тот момент, были очень далеко...

Глава 11

Солнце стоит в зените, испуская на землю невероятное количество тепла, посредством жарких, испепеляющих насекомых, лучей, проливающих на землю золотым, знойным дождём... По скудно покрытой растительностью местности, вьётся дорога, петляя между каменных гряд и холмов. По дороге скачут несколько всадников. Они, явно, торопятся... Вот они поворачивают меж холмов, и их глазам открывается река, которая также, как и дорога, петляет меж непреодолимых препятствий, огибая их своим гибким, неуловимым станом, и несущая свои, прогретые солнцем, талые воды Атласа к берегу Внутреннего моря...

Всадники скачут дальше, к широкому мосту, через реку. Они минуют мост и выскочив на высокий холм, осматриваются... Вдали, в низине, они находят то, что искали. Их глазам открывается военный лагерь. Лагерь стоит меж двух холмов, которые создают в вечернее время тень и накрывают ею лагерь, защищая их, хотя бы, от вечернего пекла, или зноя... От этой тени, вечерняя прохлада наступает немного раньше. Но это «немного» весьма существенно для людей, располагающихся в этом лагере. Тень, неся радость людям, несёт и запах самой реки, вместе с облегчением от дневной жары, нагревающей и воздух, и берега реки...

Всадники проносятся через ворота, торопясь... Их, здесь, знают и стража открывает ворота при их приближении. А, далее, наблюдают, как они, не останавливаясь, скачут мимо них, едва поприветствовав... Всадники же, минуя ворота, двигаются в центр лагеря, не останавливаясь, к высокому холму... Наконец, они достигают точки назначения и останавливаются у шатра, стоящего в центре холма. Спешившись, люди проходят внутрь шатра и исчезают за его пологом... Они проходят меж занавесок из различных ковров, не пропускающих в шатёр горячие лучи и, оказываются в довольно широком пространстве... Первый, из них, осматривается, оглядывая окружающее пространство шатра...

– Ну, что Сараф? Какие вести, ты привёз мне?

Из дальнего угла, из-за ширмы выходит бородатый мужчина, лет сорока с небольшим. На нем расшитый золотом, восточный халат и высокая шапка, напоминающая царский головной убор.

– Вести не радостные для тебя, Ганнон! – отвечает вошедший, – Совет наделил-таки всей полнотой власти Гамилькара, несмотря на наше противодействие! Он наделён полномочиями протектора! Так, что твоя отставка от командования, практически, решена! Гамилькар не оставит тебе шанс подняться над ним! Твоё командование над своими войсками, может прекратиться уже завтра!

– Совет опять идёт на поводу Баркидов! – с горечью в голосе говорит Ганнон, – Ну, что же, придётся посторониться Гамилькару!

– И отдать ему лавры освобождения твоего брата? Не торопись Ганнон! Есть ещё один шанс! – говорит прибывший.

Глаза Ганнона, загораются интригой и интересом.

– Я слушаю тебя, Сараф!

Прибывший выходит из тени занавесок и ковров, и даёт нам возможность рассмотреть его. Это человек выше среднего роста, по национальности скорее сириец. На вид ему чуть более тридцати лет. Фигура его жилиста, осанка прямая, голову он держит высоко, давая понять этим, что привык разговаривать с суффетами, как с равными.

– Готов ли ты, Ганнон, отбросить сомнения и как правящий Наместник Ливии, повести армию, не дожидаясь отставки, в бой?! Чтобы добыть славу своему роду и имени, развенчав одновременно миф о незаменимости самих Баркидов?!

– О чём ты говоришь, Сараф? Говори яснее?

В это время из темноты тени занавесок, вышел, другой прибывший.

– Он говорит о шансе, который так щедро предложили тебе Боги! Тебе, после Гамилькана и Гиксона, даётся шанс закончить войну, ещё не набравшую свою силу, победой! Кто может с твёрдостью и уверенностью сказать, что все это не является хитрым планом Баркидов, чтобы захватить власть в городе, как это хотел сделать казнённый Бомилькар, отец Сарафа!? Тебе, Ганнон, можно развеять все эти надежды, жадного, до славы и власти, Гамилькара!

– Капитон?! Не ожидал тебя увидеть у себя в лагере? Что вы хотите, говорите яснее?

Сараф подошел поближе к суффету.

– Наёмники решили идти на Гиппон. Пока ты охраняешь путь на Утику, они проскользнут в Гиппон Царский! Спендий собрал все силы и повёл их через утинские холмы. Он хочет захватить в Гиппоне осадные тяжёлые машины и, после этого, двигаться к Карфагену!

– Да! А Гамилькар не торопится ему воспрепятствовать! Все это очень подозрительно! – Вставил в разговор свою «догадку», жрец Капитон.

– У тебя 100 слонов. Это в два раза больше, чем было у Тунесса! – продолжал свою линию Сараф, – Клянусь симпатией Танит городу торговли, с таким войском победа обеспечена! Именно, поэтому, Гамилькар стремится к главенству над армиями! Победишь в сражении – и тебя ожидает слава и почёт! Легенда о предназначённости Баркидов развеется! Спендий не силен в стратегии, поэтому, опасаться нечего! После победы, запросишь себе таких же полномочий, как и Гамилькар! Мы все поддержим тебя! Решайся Ганнон! Такая удача выпадает только раз!

Сараф положил на плечо Ганнона свою руку. Тот молчал, обдумывая услышанное и предложенное...

– Совет большей своей половиной поддерживает тебя! В этом Сараф прав. Он ждёт от тебя решимости и готов протянуть руку поддержки! – поддержал слова Сарафа, Капитон.

Ганнон посмотрел на него.

– А совет пентархий? Если дойдёт до него? – высказал свои сомнения Ганнон. Внутри его боролись силы, ни одна, из которых, не одерживала над ним верха. Но он представил себе, как будет выступать в Карфагене, после своей победы в сражении и одна из его сторон, стала брать верх над другой... Ему представилось, как он въезжает в Карфаген в колеснице победителя с уныло бредущими, впереди неё, предводителями восстания!

– Откуда сведения? – и все же, ещё одна жилка сомнения оставалась в нем.

– У нас свои источники! Иначе бы, мы, не назывались Священной Кастой! Но, мы, не можем тебе вскрыть, всю сеть наших доносчиков!

Ганнон, прокрутивший в голове приобретаемые выгоды от победы, произнёс:

– Хорошо! Я согласен!

Ганнон принял решение.

– Ваш род, был всегда точкой опоры, для возвышения Карфагена! – торжественно произнёс Капитон, Верховный Жрец Священной Касты, – Многочисленность вашего рода, не даёт перетянуть совет суффетов на свою сторону. Магониды правили городом одно время, но те времена не увенчались для нас большими свершениями! Подумай Ганнон, может пришло время для вашего рода?

Сараф наблюдал за этой сценой молча. Когда Капитон закончил, он сказал:

– Тогда поднимай армию, Наместник Ганнон! Пора!

...Через четверть часа из лагеря, стали выходить первые отряды армии... Вышедшая армия направилась к холмам, которые виднелись на горизонте, своей чередой напоминая горбы верблюдов, движущихся караваном друг за другом... В вечерней суматохе, местные ливийцы, в страхе прятались по своим жилищам. Наместник Ливии, в подчинении у которого была армия, для противодействия диким племенам и для усмирения вождей Ливии, которые враждовали друг с другом, осуществлял один из своих походов. Вражда меж ливийскими городами была вековой, особенно враждовали западные её части и более цивилизованные – восточные,

с центром в городе Суссе или Хадрументе, как называли его карфагеняне и берберы. Армии мятежников побывали уже там и многие из городов, примкнули к их восстанию...

Армия Ганнона спешила и подошла к холмам ещё засветло. Разведка, высланная вперёд, донесла, что Спендий не успел укрепить свой лагерь и вообще, у разведки сложилось такое впечатление, будто мятежники чего-то ждут...

Ганнон, имевший богатый опыт войны с племенами ливийцев и зная их типичные построения, стал размещать свою армию у холмов. Он построил пехоту в центре, конницу по флангам. Слоны стояли в прогалах пехотного построения. Часть слонов была смещена на правый фланг.

Прозвучал сигнал к атаке и Ганнон повёл в атаку свою армию. Вперёд вырвались слоны и своей массой раздавили строй мятежников. Но Спендий построил свои силы в две линии! В первой стояли ливийцы, находящиеся в гарнизонах Сицилии, во второй более опытные кельты, галлаты, иберийцы. Эта вторая линия, ровными рядами, без паники отступила на крутые склоны холмов, недоступных для атаки животных. Слоны, растапывая пехоту Ливии, которая уже потеряла к тому времени строй и охоту к борьбе, начали преследование бегущих... Пехота карфагенян, тоже, подключилась к преследованию, а, по полям и меж холмов, вслед за ней понеслась конница...

...Солнце склонилось уже над самым горизонтом, быстро скрываясь за ним. Последние его лучи осветили поле сражения, где силы карфагенян сгоняли плененных ливийцев к ставке Ганнона. В самой ставке царствовала эйфория от добытой, так легко, победы. Собравшиеся военачальники поздравляли Ганнона с победой, над считавшимися опытными мятежниками Сицилии...

– Вот видишь, Ганнон? Все, что мы тебе говорили, оказалось правдой! – Сараф одобряюще улыбался Ганнону, – Битва выиграна! Выиграна без особых усилий!

– Да, – не без гордыни, отвечал Ганнон, – но часть сил мятежников, укрылась на холмах! Мы даже не знаем их численность?

В его голосе чувствовалась озабоченность.

– Они не посмеют спуститься оттуда! Твои слоны навели на них такой страх?! Этот ужас, заставил остальных мятежников, поспешно, искать укрытия на скалах! – Сказал подошедший военачальник Ганнона, по имени Гурунт. – Ты, Великий стратег, Ганнон!

Эти слова отдались в сердце Ганнона эхом возрастающей гордыни за свою решительность, в принятии решения не дожидаться Гамилькара, и последовавшей вслед за этим победой. Мысль о том, что, теперь, не только его двоюродный брат Гамилькон Ганнон имеет лавры полководца, сладостно томила в его груди! В которой, все более и более, усиливалась вера в свою собственную исключительность и предопределённость.

– Ганнон, нужно собрать как можно больше пленённой ливийской массы! Чтобы одним видом этого скопища, заткнуть рты совету пентархий! – советовал Капитон, потирая руки от удовольствия.

Ганнон встрепенулся от его слов.

– Ты прав, Капитон! Гурунт! – обратился он к прибывшему чуть ранее военачальнику конницы, – собери туллы и пусть прочешут прилегающие холмы! Всех пленённых сюда! Мы соберём всех для праведного суда Карфагена!

– Постой стратег! Не время дробить силы! Враг стоит на высотах! Конница нам нужна здесь! Кто прикроет пехоту и слонов, в случае атаки мятежников? – Отреагировал на услышанное Афокл, грек из Мегар, командир пехоты.

– Ты, Афокл, как и все греки, предрасположен к излишней осторожности, которая в определённых случаях мешает, а в определённых помогает! В данном случае это мешает достигнутой победе! Наёмники деморализованы! И надо развивать достигнутый успех! А не отсиживаться в обороне! И не забывай, что после приезда сюда Гамилькара и ты, лишишься своего

поста! – Капитон чувствовал, что может уже давать советы и высказываться по различным поводам. Своим замечанием об отставке Афокла, он хотел переманить его на свою сторону.

Афокл, в недоумении, посмотрел на Ганнона и спросил:

– Я не понимаю, что здесь делают эти люди! Они, не имеют даже полномочий, находится здесь! А, что касается моей предполагаемой отставки, то я не держусь за свой пост! И с удовольствием уступлю его более опытному военачальнику! Мне нет никакого стыда, командовать тысячей, вместо десяти тысяч! Лишь бы враг упился своей кровью, вместо нашей!

Афокл, видя, что Ганнон, демонстративно, отвернулся от него, махнул рукой и ушёл с холма...

Между тем, к ставке приближались, и другие командиры... Холм наполнился победным гомоном...

Принесли вино, и оно заполнило разгорячённые головы, сладкой истомой восприятия мига победы, отодвинув в сторону переживания и осторожность. Армия, видя, что военачальники празднуют победу, сама предалась праздному времяпрепровождению, послав в соседние селения воинов за дешёвым вином...

– ...Ганнон, а правда, что твоя дочь Лейла, приехала в Утику, для участия в празднествах в честь Милгарта? – спросил наместника, Сараф, когда от выпитого вина, события текущего дня отошли на задний план.

Ганнон, будто что-то вспомнив, поднялся.

– Ты прав, Сараф! Я совсем забыл об этом! Да, она должна прибыть в Утику во дворец! А я её должен встретить! Я совсем забыл о ней! – Ганнон покачал головой, – Она прибудет в Утику по моей просьбе! Теперь, я в дурацком положении, я не могу оставить армию?!

Сараф и Капитон поднялись из-за стола.

– Брось, Ганнон! Что тебе делать в армии, сейчас! Враг разбит! Загнан на скалы! Твои подчинённые справятся и без тебя! Что случится с армией до завтра? Мы же будем сопровождать победоносного стратега до Утики! Я, сгораю от нетерпения увидеть вновь, красоту твоей Лейлы! Помнишь, как ты показал мне её, всего год назад, в Торговом ряду, в гавани Карфагена! Я, с тех самых пор, не нахожу себе места, вспоминая её блистательную красоту и стройность осанки!

– А, Сараф! – захохотал захмелевший Ганнон, – Теперь, мне понятны твои порывы поехать со мной в Утику! Но, я тебе хочу сказать, Лейла, после того, как вернулась из Галикарнаса, стала замкнутой девушкой и тебе будет довольно сложно разговорить её, чтобы добиться внимания! Хотя я, не против такого союза: рода Ганнонов и главы совета Магнатов! Но моя дочь крепкий орешек! Как и её покойная мать! Они уж слишком горды нравом, поэтому, моё влияние на неё ограничено!

– Не значит ли это, уважаемый Наместник, что ты не вправе распорядиться судьбой своей собственной дочери? – с усмешкой в голосе, спросил Верховный жрец Капитон.

– Почему же? – обиделся, ещё сильнее хмелеющий, Ганнон, – Если я захочу, она пойдёт в союз по моему усмотрению! Но, как-то в разговоре, я дал ей обещание, не давить на неё в этом вопросе! А, Я, – на этом Ганнон сделал ударение, выведенным акцентом гласной, – своё слово стараюсь держать! Поэтому, меня и прозвали Ганнон Великий!

Ганнон поднял при этом голову, как бы подчёркивая фразу, сказанную о себе, в глазах всех присутствующих.

– Да, это, несомненно, очень ценная черта характера! Но бывают в жизни ситуации, когда ради достижения каких-то очень важных целей, приходится поступиться словом! Такова жизнь! Все это приходится сделать во имя целей, которые намного глубже и ценней данного, когда-то, слова! Если твой род, породнится с родом Сарафа, его сила увеличится в разы! Коалиция против Баркидов, сейчас ослабла! Он провёл успешные переговоры с Римом, и не уступил ни в одном из пунктов наших интересов! Народ ему рукоплещет и боготворит его! Но мы

то знаем точно, что у него скопилось очень много припрятанного золота в Сицилии! Которое он не собирается отдавать в казну города! А это выступление наёмников, замаскированная операция Баркидов, дабы возвеличится ещё больше!

Ганнон посмотрел на Капитона замутневшим, захмелевшим взглядом.

– В этом кризисе виноват Гамилькар? Да бросьте нести чепуху! Если бы Совет, оплатил озвученную сумму, то никакого восстания бы не было! А если и было, то намного меньшего размера, и которое мы бы легко подавили! – Захмелевший мозг Ганнона выдал порцию правды, которая встала комом в горле Сарафа...

– Это были войны Гамилькара! Почему Совет должен был оплачивать их службу? – Подал голос Сараф, – Совет Магнатов заседал, по этому поводу, долгое время и не пришёл к однозначному решению! А когда решение приняли – восстание уже разгорелось!

– Да! Вот как было! – С издевательской иронией заметил Ганнон, – А моего брата, отправили к мятежникам для переговоров! А, теперь, его жизнь висит на волоске! – Ганнон, что-то вспомнив, опустил голову, – Я отговаривал его от этого! Я сказал ему: «Пусть туда едет кто-то из Магнатов!». Но он слишком сильно чтит волю Карфагена и свои обязанности командующего армией и Суффета! Он не послушал меня!

– Но, теперь, после твоей победы, ты заставишь Спендия, освободить Гиксона! – подытожил и обнадежил его Сараф, и тут же вспомнил, – Но мы, отправляемся в Утику, встречать Лейлу?

– Конечно же! – будто очнувшись, ответил Ганнон, – по случаю моей победы над врагами города Торговли, по прибытию в Утику, мы совершим жертвоприношения Милгарту и Баалю! Ну, а после, объявим празднества по всему городу!

– Отлично! Ну, а все же, мы увидим на празднестве твою дочь? – спросил, хитро прищурившись, Сараф.

– Не только увидите, но и будете представлены ей! – Засмеялся Ганнон, забыв во хмелю, о доле своего брата Гиксона...

Свита Ганнона покинула армию, направляясь в столицу провинции Утику. Армия, выставив по периметру мелкие заслоны, тоже, продолжила праздновать свой успех...

Глава 12

Вечерняя заря опускает красный диск Солнца, за безжизненный горизонт. Солнце ныряет за видимые, с высоких холмов, пески. От этого, пески на горизонте окрашиваются в кровавый цвет, создавая красное море от раскалённого за день материала пустыни... Этот закат, наблюдают все, кто укрылся вечером, на системе крутых скальных холмов, покрытых скудной растительностью. Верхние ярусы скал заполнены вооружёнными людьми. Все снуют туда-сюда, будто в ожидании чего-то... На самом высоком месте собрались военачальники, на совет...

– Дозоры докладывают, что слонов отвели к реке! С ними ушла часть легковооружённой пехоты. – Говорит один из военачальников, – Как будем действовать, Спендий?

Он смотрит на белокурого человека, лет сорока с лишним. Человек этот имеет очень мужественное лицо. Взгляд выражает уверенность и твёрдость. На левой щеке его просматривается шрам, оставленный когда-то наконечником копья... услышав вопрос, человек поднимает свой взгляд на вопрошающего:

– Катарис, будем действовать сообразно нашему опыту! Слоны ночью подвержены лени и панике! Ночь исключает их использование! С наступлением плотных сумерек атакуем! Подготовьте людей! Сегодня ночью спать не придётся! Да, какой заслон они выставили у своего расположения?

– Выставлены наёмники Нуммидии. Тысячи три конных. Пехоты практически нет.

– Хорошо! Эта конница хороша, опять же, в дневное время! Ночью, в плотных сумерках, их метательные копья не опасны. Да, Ганнон, не Гамилькар! В этом наша удача! Главное захватить слонов! – потирает руки Спендий.

– Главное, что слоны безопасны! Именно они решили исход дневной битвы! – подал голос, рядом стоящий с ним человек.

– Ты прав, Гурзуф! Подготовь свою конницу! Она пойдёт после пехоты. Чую, сегодня ей придётся попотеть, рубя направо и налево!

Гурзуф посмотрел на Спендия. Глаза того отражали пламя горящих факелов, и горели огнём предстоящего столкновения.

– Ты не испытываешь к ним никакого почтения? Ты ведь, долгое время, сражался под их знамёнами? – спросил его Гурзуф, с улыбкой на лице.

– Я наёмник, и воюю там, где для меня есть выгода и смысл! Сдавшись в плен, я перешёл на сторону пуннов, под угрозой распятия на кресте, как дезертира. И служил честно, не щадя своей жизни. Но они не рассчитались со мной за мой риск! Какое почтение может быть у меня к неблагодарным торговцам!

– Но что же изменилось, Спендий? Ведь положила руку на сердце, ты прекрасно знал, что по возвращению Гамилькара, ты получишь все сполна! Да, все это знали! – Гурзуф опять взглянул в глаза Спендия.

Спендий не выдержал прямого взгляда Гурзуфа и отвёл глаза в сторону.

– Скажи Спендий? Кто были те люди, что ходили в лагере Приона, в масках и черных плащах? Они разбили свой шатёр рядом с твоим и находились там довольно долго! Ты ведёшь, Спендий какую-то игру и не открываешь нам всего!?

Спендий резко обернулся на это обвинение.

– Вы сами избрали меня стратегом! После того, как исчез Безерта, ты забыл об этом? Войско выказало доверие мне! Что же ты хочешь, чтобы я рассказал тебе?! Ты имел много откровений с Гамилькаром, за то время, что служил у него? Ну, хорошо! Ты хочешь знать мои планы? Нам надо занять Утику! Там очень хорошая гавань и база, для расположения войск! Много мастерских по изготовлению и ремонту доспехов! Вот все, что я могу тебе сказать,

Гурзуф! Эй, Катарис, – обратился он к другому военачальнику, – Расскажи Гурзуфу, почему нам стало не по пути с Матосом!

Спендий отошёл от стоящих в сторону и стал говорить с группой воинов...

Катарис, проводив его взглядом, покачал головой, а, потом, повернулся к Гурзуфу и другим командирам.

– Он такой, после того приезда с Сицилии. Что там произошло, толком никто не знает! Он молчит и не говорит об этом. Все слишком далеко зашло! Он не предполагал, что Матос отдалится от нас! Но, это произошло! Авторит, подбил Матоса на отделение! Хотя, я знаю это точно, он постоянно переписывается со Спендием. Спендий же опасается, что тот переманит от него всех оставшихся с ним галлов! Отсюда и возник план по захвату Утики! Он хочет сделать этот город нашим опорным пунктом, чтобы отсечь влияние Матоса от северного побережья! А те люди, о которых ты спрашивал, были просто телохранителями его! Но сейчас они, куда-то, исчезли? Мне тоже это кажется странным? Хотя, после исчезновения Безерты, все стало странным в этом лагере!

– Телохранители? От кого он прятался? От нас? – Гурзуф внимательно посмотрел на Катариса и поставил того своим вопросом в тупик.

– Наверное, от происков Матоса? – Предположил Катарис.

– От Матоса?! – удивился, переспросив Гурзуф, – Откуда он знал, что по приезду их с острова, Матос отделится от него? Они, ещё до отъезда их с Матосом на остров, якобы к Гамилькару, завели «телохранителей»? Нет, здесь, мне кажется, совсем другие причины, Катарис?! И я боюсь, что наши жизни послужат в этих обстоятельствах разменной монетой!

– Не драматизируй, Гурзуф! Катарис прав! Гамилькар отправил нас сюда, оставив при себе только греческий корпус! Их он берег больше нас! Если поразмыслить, он предал нас, как и говорит Спендий! – вступил в разговор другой кельт.

– Чем предал нас Гамилькар, Гленн? Если бы с его стороны было предательство, то он бы выдал римлянам столь прозорливого Спендия!? – отрезал Гурзуф.

– Да? Тогда, куда делись многие перебежчики римляне, что служили в корпусе? Я могу назвать тебе их! Орест Сцевий, Тит Фувий, Матроний Рут и другие! Они пропали ещё в Сицилии?! И провожал их Гамилькар! Я был в тот день, начальником дозоров!

Гурзуф промолчал. Этот довод говорил сам за себя. И это действительно, давало повод подозревать Гамилькара!

– Я отвечу тебе на этот вопрос Гленн! Позже, отвечу! – сказал он, после небольшого раздумья.

– Как же ты докопаешься до истины? Поедешь на Сицилию? – спросил с насмешкой Гленн.

– Нет! Я спрошу об этом самого Гамилькара! – ответил Гурзуф, – И узнаю истину!

Глаза кельта забегали, ища Спендия...

– Давайте прекратим споры! Сейчас есть возможность взять намного больше, чем нам задолжали карфагеняне! Пусть сгорят города, которые поддерживают торговцев! – со злобой в голосе сказал ещё один кельт.

– Да, но Утику мы жечь не должны! – Заметил Катарис. – Поэтому, туда тайно проникла тысяча Дуффа.

– Как? Дуфф в Утике? – Гленн и другие были удивлены этим известием.

– Это и была задумка Спендия! Мы выманили армию Ганнона от города! А начало сражения было заранее проиграно, чтобы расслабить пуннийцев! После разгрома Ганнона, мы должны двинуться к Утике! Дуфф будет ждать нашего сигнала, если, конечно, не изменятся обстоятельства!

К этому времени, к говорящим, вновь подошёл Спендий.

– Прибыли наши дозорные. В армии внизу ликование победой! Пора им показать, что они сражались не с тем воинством! А Ника, довольно уклончивое Божество!!! Выступаем!

Военачальники молча развернулись и скрылись в темноте... К Спендию, подошёл Гленн и что-то проговорил ему на ухо... Тот в ответ кивнул... Кельт скрылся в том направлении, что и все, до него...

– Прощай, Гурзуф! Ты стал слишком прозорлив и любопытен! – тихо произнёс Спендий, смотря вслед Гленну...

...Наступившая ночь, скрыла выдвижение мятежных наёмников. Армия начала свой бесшумный спуск с холмов...

Глава 13

Антоний Бриан и Сапфон, перед самым рассветом вошли в Утику. Стража с удивлением отреагировала на появление отряда. Отряд бесшумно вошёл в город и распределившись по башням, стал ждать стратега города, который командовал гарнизоном. И он не заставил себя ждать, несмотря, на только наступавшее утро. Ганнибал Корт, а именно так звали этого человека, с удивлением выслушал рассказ Сапфона и Антония, но с не меньшим удивлением, смотрел на латинянина Бриана, удивляясь про себя доверию Гамилькара.

– В городе завтра запланированы празднества в честь Милгарта, нашего покровителя торговли! В город уже прибыло огромное количество народа! И придут ещё! Мы ждём делегаций из Гиппона и Карфагена! Также, придут гости из ближайших городов провинции Ливии! Для меня это известие о проникновении мятежников, как гром с ясного неба! Я даже не знаю, как реагировать на него от растерянности! Но одно понятно, надо усилить охрану ворот города! Ворота у нас выходят в трёх направлениях – восточном, западном и южном! Но на какие ворота будет совершенно нападение?

– Надо думать с того, с которого к крепостной стене, незаметно, может приблизиться враг! – высказал свою мысль Антоний.

Корт ещё раз оглядел Бриана.

– Если рассуждать с этой точки зрения, то самая опасная сторона – южная. Это те ворота, через которые вы попали в город! Вы сами убедились, холмы подходят к городу почти на три с половиной стадия от крепостной стены. Холмы лесисты и вполне могут скрыть пехоту врага. Неровность ландшафта способствует этому! Но, я хочу высказать и свои сомнения! Дело в том, что Ганнон, как раз и повёл свою армию против Спендия! Как может Спендий подойти к городу, если перед ним Ганнон?

– Нам пришло известие об этом от проверенного временем источника! Он передал, что от 500 до 1000 наёмников будут в городе! – Сапфон внимательно осматривался по сторонам, оглядывая пока ещё редких прохожих...

Город просыпался. По улицам его стали ездить повозки, заполняющие торговые места и ряды лавок, нужным každодневым товаром. Первыми, как и в любом городе, проснулись городские нищие, которые направлялись к храмам и рынкам, где они каждодневно и проверено, имели свою милостыню на день грядущий, от прихожан храмов и посетителей рынков. Город в день запланированных празднеств, проснулся раньше обычного, стараясь пораньше закончить повседневные заботы и хлопоты, чтобы со всеми предаться празднествам и гуляниям в честь милостивого бога, которого считали своим покровителем! Здесь, необходимо, сделать небольшое отступление, чтобы войти в исторический экскурс, заглянув сквозь марево тысячелетий, на время основания города...

...Утика была основана задолго до основания Карфагена. Три сотни лет отделяло рождение города, заложенного бежавшей из Тира принцессой Дидоной, от закладки города Утики. Первые мореплаватели – финикийцы построили небольшую колонию в понравившемся им небольшом заливе, который хорошо отделялся от живущих по соседству диких ливийцев. С появлением этой колонии, финикийцы заимели и гавань, которая быстро превратилась в порт, а колония в небольшой городок! Росла торговля с проживающими по соседству нумидийцами и ливийцами. Город расширился и стал процветать. Так прошло три века. Утика – так называли город, что с финикийского переводится как «старая деревня», расширилась, но отсутствие в ней правителей, которые могли бы сконцентрировать политику города, плохо сказывалось на его обустройстве. Горожане не имели влияния на соседние народы, которые смотрели на город, как на город заезжих гостей и торговцев, и не более. Несколько раз её опустошали дикие племена, но, вскоре, все изменилось! Изменения произошли не здесь, а в сравнительно

недалёком, очень интересном месте. Приплывшая, туда, принцесса Дидона, основала город, с очень удобным и выгодным положением на побережье, хитростью выкупив у племенных дикарей землю! Город, в переводе с финикийского, назывался новым городом – Карфагеном! Город у холма Бирсы очень быстро рос! Принцесса, ставшая царицей, оказалась очень неутомимым, талантливым политиком! Она заключила с местными вождями ряд соглашений, которые обезопасили город от вторжения диких племён. Она замирила многих вождей друг с другом, которые беспрерывно опустошали землю своих соседей. И на этой земле наступил долгожданный и продуктивный мир! Политика Царицы стала переманивать из соседних городов, наиболее предприимчивых торговцев в Карфаген, где для них открывались более выгодные горизонты торговли и безопасность своей деятельности. Удобное расположение порта и гаваней Карфагена, не позволяло торговцам, следовавшим в Северную Африку, миновать город с холмом Бирсы! Более выгодное предложение товаров, более расширенный выбор их, авторитет города с правителем – умной царицей – все это сказалось на росте Карфагена. И, постепенно, Утика и её торговля стала уходить на второй план. Дела у торговцев города становились все хуже и хуже, городские цеха переселились в Карфаген и, наконец, город стал союзником Карфагена, попав под его влияние! С этого времени, город вновь начал своё процветание, но находясь уже под направленной политикой Карфагена. Под влияние Карфагена попала тогда не только Утика, но и другие близлежащие прибрежные города, такие как греческие Гиппон Царский, который даже пробовал воевать с Карфагеном, Прион и многие другие... Все они признали главенство Карфагена на правах города-сюзерена. С этого момента, эти города вновь получили своё развитие и их рост теперь уже обуславливался переселением с Карфагена, расширяющихся числом ремесленников и торговцев... Вокруг, этих городов стала использоваться земля, которая до этого никогда не использовалась, и торговля расширилась ещё фруктовой продукцией, и различных урожаев земледелия. Теперь, торговля шла во всех портах Республики Карфагена, где продавались цитрусовые, вино, виноград, различные экзотические фрукты, поставляющиеся из глубин Африки. Также, шли в продажу морские специи, благовония, различные красители, пользующиеся огромным спросом в Европе, слоновая кость, древесина и многое другое... Все это должно было успокоить горожан данных городов, ввиду их выгоды и процветания от такой политики Торговой республики, но в душах старинной аристократии этих городов сплёл свой след – змей зависти и обиды, к более удачливому и умному соседу...

– ... Давайте, не будем создавать излишней паники и неясных слухов в городе, а постараемся разделить наши силы по трём направлениям, распределив их по всем воротам города! – Предложил Корт, – У меня около шестисот стражников! Разделим ваших людей и распределимся по трём направлениям...

На этом предложении Ганнибала остановились. Сапфон взял самое опасное направление и остался у ворот, в которые вошёл их отряд. Корт взял западное направление, оно тоже считалось опасным, так как, находилось ближе всего к расположению врага, виденного до этого у города. И, наконец, Бриану досталось восточное направление – ворота, выходящие в сторону тракта на Карфаген. Это считалось самым безопасным направлением, так как отсюда внезапно враг появиться не мог! А вот подкрепление из Карфагена могло появиться! Поэтому, его сочли за менее опасное, и дав Антонию три сотни пришедших с ним воинов, отправили к ним. Те, что дежурили у ворот, а их было, по словам Корта, около ста, автоматически подчинялись Антонию. Условились, что в случае нападения на кого-то из них, другие, немедленно, выдвигаются ему на помощь! Закрывая, таким образом, для нападающих отход в город...

Антоний, вместе со своими воинами, проследовал к своим воротам города. Бриан впервые попал в город, построенный по другим архитектурным канонам и разметке, как это было принято в Европе и Карфагене. Центр города, через который проходил Бриан, был возведён в древности и располагался вокруг храма Милгарта, или как его ещё называли Мелькарта. Храм занимал возвышенность и был хорошо виден со всех сторон. Вокруг храма, который был

исполнен в финикийском стиле, без колоннад и базилик, располагались прилегающие к храму площади, на них и должны были происходить празднества. С самого раннего утра, там были зажжены курильни различных благовоний, которые разносили по всему городу запахи, возвещающие о начале торжеств в честь покровителя города Милгалрта. Площади заполнялись различным людом с различными целями. Но все готовились к одному, к началу празднеств. Двигаясь по городу, Бриан заметил, что город застраивался, имея один широкий бульвар-проспект, который вёл к южным воротам города, они считались главными. Именно, эти ворота соединяли город с дорогами, ведущими вглубь континента. Вдоль этого проспекта и велось основное строительство города в дальнейшем. От него отходили небольшие, неширокие улицы и улочки, и строились кварталы ремесленников и горожан. Но они были возведены спонтанно и беспланово, и, поэтому, разнились в архитектурном исполнении. Здесь не было архитектурных отделок фасадов домов, как это делалось в городах Италии и Великой Греции, или в Карфагене. Только дворец Наместника, отличался от всех построек своим убранством. Дворец был окружён фруктовыми садами и изобиловал архитектурной отделкой и изыском. После того, как наместником Ливии избрали Ганнона, прозванного Великим и Мудрым, за его авторитет в торговых и государственных структурах, дворец перестраивался два раза. Последний раз реконструкции подвергли внутреннее убранство дворца, и он стал блистать ещё краше. Проходя мимо дворца, Бриан засмотрелся на величие дворца. В Риме он видел много храмов и величественных зданий, но здесь было все по-иному! По-другому! Бриан рассматривая фасады, на время забыл о том, зачем он прибыл сюда, в этот город. Он перестал подозрительно всматриваться в прохожих, рослых мужчин и группы горожан, и за этим занятием он, и его отряд, свернули в одну из прилегающих улиц, но двигаясь по ней, Бриан все оглядывался на дворец...

– С дороги, с дороги! – Вдруг, услышал он, прямо над собой чей-то резкий, визгливый голос. – Вы, что ослепли? Не видите знаки суффета? С дороги ротозей!

...Бриан повернул голову. Навстречу им, по той улице, на которую они свернули только что, а колонна Бриана, заполнила почти всю ширину улицы, двигалась странная процессия?! Она состояла из вооружённой охраны, какой-то разношёрстной свиты, в состав которой входили и жрецы, и рабы, несущие с десяток закрытых кибиток-носилок, с плотно занавешенными окнами. Впереди процессии, в окружении десятка всадников, верхом на лошади, гарцевал человек в запylённом плаще, блистающем своей серебряной отделкой.

– Что раззявили рот! С дороги вам говорят! – кричал он, – Чего вы здесь забыли? Насколько я знаю, дядя направился навстречу мятежникам! А вас, нерасторопных, неуклюжих увальней, он что, оставил подметать площади у его дворца?..

Бриан, ещё полностью не выучивший наречие народа Тунесса, но прекрасно знающий греческий язык, хорошо понял смысл сказанного последнего, ругательного предложения! Тем более, что оно сопровождалось громким смехом, гарцевавших рядом с ним всадников. Он пошёл вперёд...

– Да вы что, не понимаете по-хорошему?! – Всадник замахнулся на Антония плёткой...

Кровь бросилась в голову Антония. Он инстинктивно поднял руку и её кисть, нестерпимо больно ожгло, прилипшей к ней плёти всадника... Бьющий плетью человек не предполагал, что может произойти с ним после этого. Успев сжать ладонь, удерживая в ней плеть, Бриан, резко, дёрнул её на себя с такой силой, что рука всадника потянулась к нему, и схватив её другой рукой, Бриан сдёрнул с лошади незадачливого всадника. Тот, не ожидавший этого, полетел с лошади вниз головой и приземлился бы на лицо, если бы руки Бриана, не придерживали его и он, вследствие этого, отчётливо приземлился на ягодицы, скривившись от боли... В это время, плеть всадника, была уже в руке Антония. Он сделал резкий замах и опоясал лежащего по пояснице... Тот взвыл неистовым визгом... Плеть поднялась ещё раз...

– Остановитесь! – неожиданно чисто, по-гречески, услышал он просящий голос. Голос принадлежал женщине, в котором чувствовалась больше просьбы, чем требования... Бриан,

с горящими гневом глазами, взглянул в направлении раздавшегося голоса. В шагах четырёх от него, стояла девушка. Её взгляд был направлен на поднятую плеть в руке Бриана! Взгляд Антония остановился на девушке...

Девушка имела тёмные волнистые волосы. Они красиво спадали на её грудь, хотя и были подвязаны на голове золотисто красной лентой. Волосы были оплетены ещё более тонкими, золотистыми ленточками, которые блеснули под лучами утреннего солнца. Большие глаза девушки, поднятые в испуге на руку Антония, сочетались с цветом её волос. Они обрамлялись темными домиками бровей и предавали лицу мимику лёгкого испуга. Лицо девушки было необычайно красиво. Все линии его были пропорциональны и соразмерны. Темные брови подчёркивали большие глаза, а правильный, тонкий нос подчёркивали алые, пухлые губы. Красота девушки вмещала в себя смесь многих народностей! И эта смесь, произвела на свет чудесный цветок, появившийся для того, чтобы подчеркнуть красоту всех представительниц этих народностей. Каждая из них дала этому цветку по самому прекрасному лепестку, создав необычайное, волшебное соцветие красоты. Фигура девушки была без единого изъяна. Бриан, подняв на неё свой взгляд, был просто сражён красотой незнакомки! Он, медленно, опустил руку, не отрывая взгляда от девушки...

– Спасибо. – Просто сказала она. – Спасибо, что откликнулись на мою просьбу! Это было глупо с твоей стороны, Гисгон! Замахиваться на незнакомого тебе человека?! Кто вы, незнакомец? И куда ведёте такой многочисленный отряд?

Спешившиеся всадники окружили лежавшего карфагенянина и помогли ему подняться. Бриан бросил плеть в сторону и, повернувшись к незнакомой девушке, ответил:

– Мы из армии Гамилькара! Что мы здесь делаем? Этого я открыть не могу, даже самой очаровательной царице на свете! Ибо есть на свете военная тайна. Меня зовут Антоний Бриан. Я бывший трибун Римской республики. После заключения мира, решил пройти часть своего пути на этой земле с человеком, сохранившим мне жизнь в одном из столкновений прошлой войны! С кем, я, имею счастье беседовать?

– Я, Лейла! Дочь Ганнона Великого. Мы прибыли сюда из Карфагена, для участия в празднествах в честь нашего покровителя Милгарта! Нас целая делегация! С нами и жрецы из одноименного храма в Карфагене и танцовщицы для придания торжествам веселья! Есть среди нас и факиры и бродячие артисты! – Рассказывала Лейла, глядя в глаза Бриана. Антоний очарованный её взглядом совсем забыл о нанесённой ему обиде, её братом...

– Одно ваше присутствие на этом празднике украсит его, как появление на небе солнца! – вымолвил Антоний, не в силах оторвать взгляд от девушки.

Лейла пристально поглядела на Антония. Она привыкла слышать комплименты в свой адрес от различных мужчин, но впервые при произнесении этих слов Антонием, ей, вдруг, стало очень приятно и это, сразу, отозвалось учащённым сердцебиением девушки. Она благодарно заметила:

– Спасибо! Но на празднестве будет большое количество красивых девушек и без меня!..

В это время, поднявшийся и отряхнувшийся от пыли Гисгон, встав в разговор, ядовито заметил:

– Что ты, дорогая сестра, любезничаешь со всякими подчинёнными и служащими Баркидов? Тем более перебежчиками-латинянами? Кои просто бояться вернуться домой, из-за своего пленения! Ведь, явно, за ним, что-то есть! Раз он не воспользовался обменом пленных, проводимых в Сицилии!

Глаза Бриана снова блеснули гневом, но Лейла взяла его за руку и потянула в сторону своей переносной кибитки, из которой она и появилась, решив посмотреть, почему встала процессия.

– Не обращайтесь внимания, Антоний, на моего брата! Он полон гордыни, как и многие из родов Ганнонов! Это рок Ганнонов! Один лишь дядюшка Гамилькон, который учил меня

верховой езде, излечился от этого недуга! Теперь, они ненавидят и его! Но дядюшка не обращает на это внимания и повторяет, что война изменила его сознание. Он долгое время воевал бок о бок с Гамилькаром Баркой, командуя сначала флотом, а потом гарнизоном Лилибея! Мой брат, также, плохо находит и с ним общий язык!

Они подошли к носилкам. Лейла повернулась к Антонию.

– Мне было очень интересно, увидеть представителя народа, с которым мой народ так долго вёл войну! Хотя мне непонятна её причина? Что в ней отстаивали стороны?

Девушка отпустила руку трибуна:

– Но, я надеюсь, что мы ещё встретимся, Антоний!

Она залезла в кабинку носилок и смуглые слуги, тут же подняли её себе на плечи. Процессия тронулась. Антоний смотрел на носилки, занавешенные от солнечных лучей лёгкой материей. Но вот занавеска отодвинулась, и Антоний увидел, как Лейла ещё раз взглянула на него. Сердце трибуна, отреагировав на этот взгляд, участило своё биение в груди. Антоний впал в забытье, из которого его вывел один из номархов отряда.

– Да, от взгляда такой женщины можно сойти с ума! Мы движемся, Антоний? – произнёс он.

Антоний, очнувшись, повернулся и коротко произнёс:

– Вперёд!

Отряд сдвинулся в сторону, пропуская встречную процессию, и продолжил своё движение к заданной точке. Антоний шёл в голове колонны. Мысли его были об увиденной им удивительной девушке и о своей судьбе, сделавшей такой зигзаг, и забросивший его в ряды бывших «врагов». Отправляясь на войну и наслушавшись страшных рассказов о жестокостях пуннов, об их коварстве, он никогда бы и в мыслях не предположил, что окажется среди них, по собственной воле! Что он переплывёт море и окажется, как и его предшественники 16 лет назад, на берегах Африки! Но ему посчастливится больше! Он попадёт в Карфаген! Но не в качестве завоевателя, а в качестве союзника на какой-то немыслимой войне. Войне не его государства, но, похоже, развязанной его тайными происками! И честь данного слова, не оставит ни капли сомнения, что именно на этой стороне стоит настоящая честь его республики, которую защищает он сейчас с оружием в руках! И вот, оказавшись в лагере у Карфагена, судьба забросит его в совершенно незнакомый город, о существовании которого, ещё месяц назад, он и не подозревал. Что, в этом городе, на ничем не примечательной улице, он встретит девушку! Девушку, которая, вот так, в один миг, изменит его состояние души изнутри, наполнив его сердце теплом мыслей о ней и какими-то незнакомыми, до этого времени, чувствами! Антоний видел её глаза внутри себя и подумал, что после этой встречи он уже не тот Антоний Бриан, что шёл в этот город ночным маршем, накануне... И воспоминания о Лейле, это убедительно подтверждали. Размышляя в этом направлении, Антоний продолжал путь...

...Отряд достиг заданной точки. Бриан, осматривая строение ворот, говорил с номархом стражи, несущей у них дозор.

– Мы ничего не заметили подозрительного сегодня! Самая большая делегация, прошедшая воротами, была из Карфагена! Да вы, её должны были встретить дорогой сюда?

Бриан молча утвердительно кивнул номарху и хорошенько осмотрелся вокруг...

К воротам примыкали три улицы. Эта часть города, отстраивавшаяся от дворца Наместника, имела самые зажиточные дома. Они шли от самого дворца Ганнона и располагались по левую сторону улицы, по которой они попали к воротам. Поэтому, площадь, сопряжённая с ней и воротами, да и сама улица были самыми широкими из всех трёх. Площадь же возле самих ворот была обширней, чем такая же на южной стороне города! На восточной стороне Антоний не был, поэтому, судить о площади располагающейся там не мог, но увидев здесь такое свободное пространство, он призадумался... Все три улицы, сопрягаясь с воротами города, выходящими на карфагенский тракт, автоматически расширялись! Это обуславлива-

лось пропускной способностью ворот и тем, что одна из улочек, шедшая вдоль крепостной стены, вела напрямую в гавань. Хотя она и была не очень широка, но две повозки с лёгкостью разъезжались по её ширине и, поэтому, те, кто хотел попасть сразу в порт, сворачивали на неё. Другая улица, расположенная слева от въезда в город, вела в южную часть города. Она шла в довольно затяжной подъем, и он достигал своей верхней точки в стадии от ворот. По этой улочке движение было самым слабым и ею пользовались в основном горожане. Вдоль всех прилегающих к площади ворот улочек шёл торг различным товаром и всякой мелочью, так необходимыми в дороге. Все, что необходимо иметь в запасе находясь в пути, можно было купить, или выменять, на площади у ворот. Это было необходимо, чтобы какая-то непредвиденная, неожиданная и нежелательная поломка не осложнила доставку товара в необходимое место. И торговля оправдывала себя – уходящие из города караваны, идущие в Карфаген, не бегали по городу, запасаясь необходимым, а знали, что все купят у самых ворот! От продуктов в дорогу – до железного гвоздя!

Несмотря на утро, на площади было довольнолюдно. Антоний, чтобы не показать мятежникам своё присутствие, развёл свой отряд по прилегающим башням у ворот, усилив наблюдение, как на самих башнях, так и на площади. Хотя его сторона, считалась самой неблагоприятной для нападения мятежников, Антоний, осмотревшись, пришёл к выводу, что это обманчивое мнение. Корт считал, что в прилегающих богатых домах горожан, есть вооружённая охрана, которую в случае нападения можно будет применить на своей стороне! Но это было бы возможным, при совершенной лояльности горожан к суффетам Карфагена, а в городе наблюдалось брожение мнений. И неизвестно ещё, на чьей стороне окажутся эти отряды! Так рассудил Антоний, осмотрев площадь! В его голове созрели мысли о проведении ряда мер, которые помогут в обороне ворот в случае нападения, и он, с присущей ему твёрдостью, стал проводить их в жизнь и ожидать развитие событий...

Глава 14

В лагерь Матоса прибыли послы от Гамилькара. Посольство было совсем небольшим – всего три человека. Но, одним из них был Гикет. Его знали многие в корпусе Гамилькара. Гикет в прошлом, до того, как ушёл в политику совета суффетов, был в соратниках у Барки и, поэтому, старожилы корпуса знали его отвагу и непререкаемую честность. Узнав о его прибытии, Матос созвал на совещание своих ближайших сподвижников. В шатре Матоса, произошёл обмен мнениями по встрече Гикета.

– Что ему здесь надо? Надо пленить его, как мы пленили других! Посадим в яму к Гиксону, пусть посидит там, и ждёт нашего решения! – Кричал Авторит, – Чем меньше у Гамилькара, останется таких соратников как Гикет, тем легче нам будет справиться с ними!

– Ты галлат в своём уме? Ты предлагаешь перейти нам границы, за которые не перешёл Спендий? – отреагировал известный и уважаемый в корпусе полугрек, наёмник из Масилины, Поликарп. Он, совсем, недавно, присоединился к восстанию, прибыв в числе последних наёмников из Сицилии.

– Я, с Гикетом, вышел из окружения у Гелы, девять лет назад! А ты, пробывший в корпусе всего лишь два последних года, советуешь совершить мне такое гнусное предательство?! – продолжил Поликарп. Глаза его налились гневом. Его взор сверлил галлата и его приближенных, не как соратников, а скорее, как врагов.

– Да, Поликарп, предлагаю! А кто нас послал почти в центр Африки?! Разве не магнаты Карфагена, с молчаливого согласия Барки? Замысел был у них один! Чтобы как можно больше воинов, из нас, остались там навсегда, сгинув в пустынях и джунглях! Укусы змей, мух, членистоногих – все бы это сделало своё дело! А ты, теперь, будешь защищать их? Жалеть? А они нас жалели, отправляя на явную гибель? Да и какая, лично мне разница Гиксон или Гикет, скучают в наших ямах? Вы, что, все ещё, собираетесь заигрывать с Гамилькарсом?

– Я не стоял в строю с Гиксоном!? А с Гикетом стоял! И если он сюда приехал по своему желанию? То и уедет по нему же! Клянусь воительницей Афиной, все, кто встанут на его пути, будут есть кровавый песок, который оросят собственной кровью! – Поликарп не шутил, это знали все, кто служил с ним. Поликарп наполовину обнажил свой меч, сверля взглядом Авторита и его свиту.

– Друзья, постойте! Не стоит ссориться по столь незначительному поводу!

– Да, Поликарп, успокойся! Ведь, ещё никто не принял сторону Авторита!

– Давайте хоть выслушаем, что хочет предложить Гикет?

Раздались успокаивающие голоса со всех сторон. Военачальники, встали меж Авторитом и Поликарпом, стараясь их успокоить и отвлечь от ссоры.

– Я даже слушать его не хочу! – Авторит, вырывался от окруживших его сослуживцев, – Мы подняли знамя восстания! Зачем нам слушать своих врагов?

Матос хранил молчание, наблюдая за ссорой. Он о чём-то думал, слушая ссорящихся соратников. В это время распахнулись сворки полога шатра и в внутрь его, быстрой походкой вошёл Сергей Коста, в сопровождении двух воинов.

– Наконец-то, Сергей! – обрадовался Матос, – Прибыл посол от Гамилькара. Это некто Гикет. Наш бывший соратник. Его многие знают, как бесстрашного и честного воина! Что нам делать? Он ведь может своими речами воздействовать на умы своих бывших соратников?

При этих словах, лицо Авторита скривилось в усмешке. После появления в лагере этого латинянина, он сам стал пользоваться доверием Матоса все меньше и меньше. Матос, все меньше спрашивал мнение галлата и все больше полагался на мнение латинянина. Авторит полностью утрачивал своё влияние на ливийца, и это вызывало открытую враждебность и ненависть к Косте. Этот хитрый латинянин, так втёрся в доверие к Матосу, и произошло это так

быстро, что Авторит уже проклинал тот день, когда не решился казнить всех прибывших с ним, под предлогом поимки пресловутых, засланных убийц вождя Матоса, отправленных Спендием!.. Но сам, Авторит, не доверял никому, ни Спендию, ни Матосу!

– ... Не понимаю, в чем спор? – говорил в это время Коста, – Выслушать посла обязана каждая цивилизованная сторона?! Матос! Ты же претендуешь на трон Ливии?! Как же, ты, будешь выстраивать отношения, с соседями поправ все устои человеческой морали? Выслушаем посла! В военном искусстве, чем больше ты знаешь о враге, тем ближе твоя победа! – Коста, улыбался во время этой речи, и это сняло напряжение, царившее в шатре ещё минуту назад. Присутствующие почувствовали облегчение от энтузиазма и уверенности Косты, это разгладило их лица и уняло, бушующие в сердцах, тревоги, по поводу общения с бывшим соратником.

– ... Пусть он расскажет, чем дышит враг? Что он нам может противопоставить?! Если боишься, что он, с кем-то, ненароком, перебросится словами по дороге сюда, то лучше ему навстречу отправить кого-то, кто сможет воспрепятствовать этому! Того же Авторита! Пусть встретит врага у ворот и сопровождает его сюда! И по пути следования, как бы невзначай, показав ему мощь твоего войска!

Это предложение, сказанное в добром расположении духа и очень дельное, было воспринято многими с одобрением. Даже Матос, просияв лицом, вопросительно, с улыбкой взглянул на Авторита. Совет был деятельный и подходящий...

Этот вариант был оценён всеми, кроме, самого Авторита. Он вспыхнул, отвечая на слова Косты:

– С каких это пор, прибывший в лагерь римский наёмник, распоряжается в нем? Авторит сделай то, Авторит сделай это! Матос, ты хоть сам ещё имеешь собственное мнение? Без слов этого латинского прихвостня! Я здесь, что, последний гонец? Ты забываешь, что подо мной 20 тысяч галлатов! И они не самая худшая часть этой армии! Что же ты хочешь? Чтобы после того, как я высказался совсем не пускать этого пуннийца в лагерь, сам же его поехал встречать? После посылы, никому не известного, римского наёмника? Ты, что, хочешь выставить меня на посмешище?

Лик Авторита горел гневом и яростью, будто ошпаренное ковшом кипятка, выплеснутого ему в лицо! Его свита, видя, как завёлся вождь, тоже стала проявлять враждебность...

– А, что тут случилось до меня? – Непринуждённо спросил Коста, – Авторит высказался против приёма послов?! Ну, в принципе, это не первое его глупое высказывание! Отнесёмся к нему снисходительно! В тех местах, откуда он родом, не было цивилизации! Галлаты даже в гости, друг к другу не ходят! Предпочитая проводить время в диких плясках вокруг костров и округлых камней, кои у них заменяют храмы и святилища! Но надо отдать должное им! Они очень требовательны к словам! – Улыбнулся Коста.

Эта язвительная улыбка, окончательно вывела из себя Авторита.

– Не забывай, что мои сородичи, не раз насиловали женщин в твоём городе, после оставления его этрусками! И плясали в нем, на пожарах твоих храмов! – Закипел он. Он хотел сказать большее, и открыл было рот, но, в последний момент, передумал это делать, взглянув в лицо Косты.

– Да, – подтвердил слова Авторита, Коста, – но, теперь, не можете переправиться, даже, через реку По. А мы можем!

Это было сказано голосом, совсем непохожим на тон приветливого, коим говорил Коста до этого. Его глаза сделались стеклянными и пронзили всех окружающих галлата и его самого холодным взглядом смерти.

Рука Авторита инстинктивно потянулась за мечом, висящим на поясе, взгляд сына волчицы вселил в него ужас...

– Не забывай Авторит! – вдруг, раздался громкий, тяжёлый голос, – Это я возвысил тебя в своём лагере! Даже среди твоих галлов, есть воины поискусней тебя!

Матос выступил вперёд, дабы избежать кровопролития.

– Ты не обратил бы на меня внимание, если бы тебе не указал на меня наместник Гелы, Скрофа! – так же зло ответил, Авторит, но тут же осёкся, поняв, что сболтнул лишнего...

Лицо Матоса налилось синевой. Коста, к этому времени овладев собой, почувствовал бурю, что может накрыть этот лагерь и поспешил вмешаться в грозу, уже наполнившую шатёр, и готовившуюся пролиться кровавым дождём...

– Хорошо! Друзья и соратники! Перестанем спорить! Я внёс предложение встретить посла, я же его и исполню! Я сам выйду навстречу послу Гамилькара! – внёс он новое предложение.

Матос широко раздув ноздри, смотрел на Авторита. Но Коста, своим новым предложением, разрядил обстановку в шатре. Латинянин, подойдя к галлату, вплотную, громко, чтобы все это слышали, обратился к Авториту:

– От тебя мне нужно с десятков наездников! В качестве моего почётного эскорта и нашего гостя! Заодно, зная твою маниакальную подозрительность, пусть твои поводыри проследят, чтобы не я, не наш гость, не общались в дороге! Не передавали кому-либо, чего-либо на пути к шатру! – Этим, окончательным своим требованием, он загнал упёртого галлата в тупик и тот, скрипя зубами от бессилия, молча согласился...

Коста, сказав это, повернулся и вышел из шатра... За ним следом вышли его воины...

Авторит стоял в ступоре... Он понимал, что, окончательно, теряет всякий вес в лагере... Что латинянин и умнее его, и намного сильнее, и подготовленнее в военном деле! Но природное стремление к тщеславию и гордыни, скручивали его разум в клубок, в котором окончательно утрачивались ростки мудрости.

– Ну что же ты, галлат? – вывели его, из ступора, слова Поликарпа, – Тебе нужно справиться Косте эскорт, который он у тебя попросил, недоверчивый ты наш! Или ты уже не хочешь, даже, этого делать?

Авторит, быстро повернулся к одному из своих приближенных и кивнул ему головой. Тот быстро покинул шатёр...

...Коста, вышел из шатра и, не дожидаясь никого, сел на поданную ему, по его же знаку, лошадь. Через мгновение, три всадника неслись по направлению к центральным воротам лагеря... Прошло четверть часа, прежде чем, они достигли ворот огромного лагеря. Миновав их, Коста выехал на возвышенность, чтобы осмотреться. В дали, под тенью гранатового сада, он увидел стоящих лошадей. Повернув туда, они пустили коней вскачь, именно, в ту сторону...

При приближении к предполагаемой точке нахождения послов, из-под тени деревьев, появились три человека, в военной экипировке.

– Меня зовут Сергей Коста! Я послан, командующим Матосом, встретить и сопроводить вас в ставку вождя! Прошу вас следовать за мной!

Гикет посмотрел на латинянина. В его глазах читался крайний интерес. Он подал Косте какую-то тубу с письмами.

– Вот мои полномочия, скреплённые печатью Гамилькара!

В этот момент, позади, послышался топот многочисленных копыт и на пригорок выехали с десятков конных. По их виду, послы безошибочно определили в них галлатов. Прибывшие, во главе с рослым галлом, окружили беседовавших, на хрипящих, фыркающих скакунах...

– ...Да, бумаги в порядке. – Сказал Коста, вешая тубу на пояс, – Ну, что же, прошу в лагерь!

Карфагеняне, повернувшись, сели на лошадей, и кавалькада тронулась в путь...

– Какова цель вашего визита в наш лагерь? – спросил Коста.

– Наш визит был направлен не только к вам. До вас мы посетили лагерь болеара Зарзы! А после, переговорив с ним, имели беседу со Спендием!

– Но, ведь как я слышал, ты, Гикет, знаком со Спендием? О чём же говорили старые друзья?

– Мне очень интересно, кто тебе сказал об этом наёмник? Да, действительно, я знаком со Спендием, Зарзой и Матосом! Также, как и со многими другими, оказавшимися по другую сторону лагеря! И мне не понятна причина такого оборота событий? Но, с кем, я разговариваю?

Коста улыбнулся, глядя в глаза Гикета.

– Я один из примкнувших к восстанию. Таких тысячи! – уклончиво произнёс Коста, – Выполняю всякого рода поручения нашего вождя Матоса!

Гикет внимательно следил за мимикой лица Косты и видел лишь хитрый задор в его глазах, при произнесении этих слов...

Вскоре, отряд достиг ставки Матоса и, поднявшись на холм, послы спешили. Далее, они, сопровождаемые Сергием Костой, вошли в шатёр ливийца...

...Матос находился в тревожном ожидании. После того, как Коста покинул лагерь, он перекинулся парой фраз с Авторитом.

Галл последнее время не вызывал у него доверия... Обида, или какие-то другие чувства галла, обнажило их недоверие друг другу. Отказ Матоса по наращиванию армии, по совету Косты, Авторит воспринял с явным несогласием. В глубине своих размышлений, он понимал, что прокормить эту армию, с такой массой народа, становится очень непросто, но быстрая победа над Карфагеном туманила ему разум. К тому же, он считал, что первые сражения с прибывшим в Африку Гамилькаром, должны лечь на плечи африканцев, а его кельтов и галлатов, нужно ввести в войну второй линией, сохранив опытных бойцов для следующей, победоносной фазы сражений. Это, по его мнению, снимало вопрос продовольствия – ливийцы вполнину своей численности погибнут, и кормить их не придётся. Поначалу, так все и шло, по задуманному им, но с приездом в лагерь Косты, которого он сам впустил, все закончилось...

Матос, видя такую реакцию галлата, стал сомневаться в его искренности и приказал своим шпионам приглядывать за ним... То же самое, сделал и Авторит, не собираясь быть застигнутым врасплох и оба вождя погрязли в недоверии, которое заполонило ставку общего, пока ещё, лагеря...

Вот раздался топот и фыркание, осаживаемых лошадей и через несколько мгновений, в ставку вошёл Коста, а следом три посла Карфагена. Все послы были примерно одного возраста и они, подождав пока глаза не обвыкнутся к освещению шатра, оглядывались по сторонам...

Первого, кого узнал Матос был Гикет. Вождь, молча, наблюдал за ним, не собираясь заговаривать первым... Гикет, тоже, оценивал окружение ливийца, обводя всех своим пронизывающим взглядом, высматривая знакомых... Но первое, что увидел Гикет, войдя в ставку, это конструкцию, напоминающую трон, на котором важно сидел Матос, сверля его взглядом...

«Шут! – подумал Гикет, – Думает, что этим он сравнивается с Царями?» Гикет повёл глазами дальше и увидел различные побрякушки, висевшие у него за спиной, и на «троне», и на стенах, – Шут, ещё и любящий ряженных, – посол обвёл глазами всевозможных магов, колдунов, астрологов...

Позади, так называемого «трона», находилась охрана вождя, черные ливийцы, огромного роста и мощного телосложения... У ног Матоса, на ковре расположилась пара его любимых танцовщиц, которые обнимали его колени, со страхом глядя на послов... По бокам трона, стояли соратники Матоса... Было их очень много и многих Гикет узнал... Гикет обвёл их взглядом, поздоровавшись с некоторыми глазами...

– Какова цель твоего визита, Карфагенянин? – нарушил тишину, Авторит. Поставив этим самым себя в исключительное положение в этой ставке. – Ты приехал, уговорить некоторых, вновь вернуться под знамёна Баркидов?

Гикет, медленно, повернулся и поглядел на говорящего. Он помедлил с ответом, изучая лицо говорившего.

– Я привёз условия, прекращения бессмысленного кровопролития, меж бывшими соратниками. Гамилькар, вернувшийся из Сицилии, с удивлением узнал о случившемся?! Он предлагает разойтись с миром! Необходимые выплаты будут произведены! Гамилькар вам дал это слово ещё на острове, а слово он выполняет! Кому, как не вам об этом знать! После всех выплат, а деньги он уже собрал, все кто пожелает, могут к нему присоединиться! Кто же пожелает вернуться на Родину, отправится туда! Преследовать никого не будут! Вы в свою очередь, отпускаете всех пленников, которых удерживаете до сих пор, как заложников возникшей ситуации! Моему городу не нужна война!

– Один деятель уже предлагал нам почти тоже самое! Он сидит в яме! – Отреагировал на его слова Авторит, – Ты, можешь оказаться там же!

– Матос! – Обратился к ливийцу Гикет, – Почему этот красноречивый представитель народа пьяниц, говорит здесь за всех? Поликарп, вы, что подчиняетесь этим вечно пьяным свиньям?

Гикет внимательно смотрел на ливийца и грека. А лицо Авторита в это время заливала краска гнева. Он уже открыл было рот, чтобы отреагировать на слова Гикета, но был перебит громким голосом Матоса.

– Авторит, ты действительно забываешься? Ты не являешься лидером восставших! – Закричал на него Матос.

Лицо Авторита, уже не выказывало борьбу с гневом, оно уже пылало им.

– Мне уже сегодня второй раз напоминают, что я не имею в этом лагере влияния и поддержки! Наверное, это действительно так! А, я, в своё время поддержал тебя, Матос! Когда вы со Спендием сцепились, как собаки о главенстве над отрядом Безерты, а чуть позже о главенстве в восстании! Зарза ушёл тогда со Спендием, а я с тобой! – Авторит уже не сдерживал себя, – Теперь с приходом в лагерь других деятелей восстания, – Авторит с нескрываемой злобой и ненавистью посмотрел на Сергия Косту, – мой голос утратил свой вес!

Он зло смотрел на Косту, но видя, что в глазах того искрится усмешка, перевёл свой взгляд на Гикета и продолжил:

– Теперь, соратник Гамилькара открыто призывает сложить оружие, и предать знамя восстания! А вы все слушаете это и, даже, обдумываете его слова?! Враг обескровлен и загнан в угол! Он почувствовал свою слабость и идёт на уступки! Нужно действовать, как было задумано в Прионе, а не рассуждать! Но в наших рядах уже нет единства и мудрости! И именно, поэтому, я, решил покинуть этот лагерь!

Авторит выпалил все обвинения, и пока их выговаривал, принял решение об отделении, которое и озвучил в гнев. В воздухе повисла тишина... Все обдумывали слова Авторита.

– Ну, что же, – вдруг все услышали спокойный голос Сергия Косты, до этого не проронившего ни слова. – Ты принял решение и не стоит от него отказываться! Когда ты покидаешь лагерь?

Коста поднял на галлата свой взгляд. Авторит принял его и, вдруг, почувствовал, что на него, сейчас, смотрят совсем другие глаза! Глаза, обладающие способностью просматривать человека насквозь! Этот взгляд, по-иному, открыл Авториту, смотрящего на него человека. Оказывалось, что все произошедшее, только была прелюдией к основному действию этого спектакля?! Латинянин с самого начала, добивался удаления из лагеря его, Автрита! А он, совсем не ожидал, что этот человек, вот так, одним махом разрушит все его планы, в этом лагере! Никто не будет отговаривать его остаться! Никто не захочет главенства его галлатов

в этом лагере! Слова, вылетевшие у него в гневе, стали благодаря этому латинянину, непреодолимой преградой между ним и его планами!

– Я покину лагерь вместе со своими сторонниками! Лучше воевать со Спендием, чем выслушивать советы перебежчика латинянина! Жаль, что я тогда не приказал уничтожить вас всех! В тот день твоего прибытия в лагерь! А позволил вползти в лагерь вше волчицы!

В воздухе снова повисла тишина...

– Слова требуют пояснений! – нарушив молчание, сказал Коста. Он повернулся к Матосу, – Вождь, я как наёмный солдат, по обычаю наёмников, требую поединка вот с этим человеком! Это должно произойти сейчас, без промедления!

Матос, все это время, находился в какой-то прострации. Его охватила, какая-то нерешительность. В одно мгновение, рухнули планы, на которые он полагался до этого времени.

«Галлы решили отделиться... А может они играли в свою игру? – думал он. В его голове пронеслась череда мыслей, в которых он заподозрил в измене буквально всех, – А стоит ли доверяться и другим?»

Но, дальнейшие слова Косты вывели его из оцепенения...

– ... Я не хотел говорить, об этом! – продолжал Сергей, – Но в лагере, действительно, происходили удивительные вещи? Все они исходили вот от этого человека! – Сергей кивнул на Авторита,

Коста полез в сумку, висющую у него на поясе, и достал из неё скрученный пергамент.

– Вот письмо, адресованное Спендию! Мы перехватили его, вчера! Ознакомься Матос! – Коста подал сложенный пергамент Матосу. Тот, не будучи грамотен, передал его Поликарпу. Тот, взяв письмо в руки, посмотрел в него и, повернув голову к ливийцу, утвердительно кивнул ему, подтверждая слова Косты.

– Змей, какой змей! Значит, ты следил за мной?! – Зашипел Авторит, – Ты следил за мной?

– Как и ты за всеми! – спокойно отреагировал Сергей.

– Значит, ты, все это время, вёл двойную игру? – Глаза Матоса налились кровью, – И имел сношение с компанцем, подсылающих ко мне убийц?

– Никто не подсылал к тебе убийц! Это все твоя мнительность! Тебе везде мерещатся заговоры?! Мы, действительно, имели связи со Спендием! Но для того, чтобы координировать наши общие действия и планы! Но, теперь, это уже не имеет значение! Перед тем, как покинуть лагерь, я с удовольствием пушу кровь, этой латинской гниде! Приглашаю всех на захватывающее зрелище!

Авторит направился к выходу из шатра.

Матос повернулся к послам. Вид его выглядел растерянным... Возникшая ситуация, с вышедшими из-под контроля галлатами и кельтами, выбила его из запланированной линии своих, далеко идущих, планов. Гикет поймал глаза Матоса, и, довольно долго, выдерживал тяжёлый взгляд ливийца, который явно что-то обдумывал...

Между тем, вслед за Авторитом, вышли все присутствующие галлы. А следом за ними и Сергей Коста, вместе с двумя своими воинами. Матос в нерешительности толкался в шатре, он не хотел оставлять Гикета, один на один с Поликарпом и другими, малочисленными греками. Недоверие к окружающим, переполняло его. Гикет правильно поняв метания Матоса, подал голос:

– Ну, что же, посмотрим, за ходом поединка, по старым обычаям наёмных воинов!

Он направился к выходу из шатра.

Матос повернулся к Поликарпу:

– Приготовь своих греков! Галлы способны на все! – Он посмотрел в глаза грека, – Ты, тоже имеешь связи с компанцем?

Поликарп ничего не ответил, но своим колючим упрёком-взглядом смерил ливийца.

– Хорошо! Хорошо! – смягчился ливиец, – Просто у меня пошла кругом голова от сегодняшних откровений! Пойдём!

Они вышли из прохлады шатра, на горячий воздух Африки. На площадке у шатра, воины уже разметили круг, воткнутыми в землю копьями. С одной стороны, получившегося круга собрались сторонники галла. С другой все остальные разноплеменные воины. В круге стоял Сергей Коста. Он снял плащ и, надев римский шлем с низким затыльником, защищающим шею и верх центра спины. Лёгким движением он обнажил два римских меча и закрутил ими в своих ладонях, словно невидимыми верёвками. Его высокий силуэт выделялся в круге ярко алой оборочкой его доспехов.

Ему навстречу вышел Авторит. Он был ростом, немного, ниже своего «визави», но отличался более мощными ногами, уступая, правда, в мощи торса римлянину. У галла был удлинённый щит и длинный галльский меч. С которыми, когда-то, его предки носились по Италии, наводя ужас на её жителей. Авторит облачился в цельную кольчугу, коими пользовались парфяне. Противники без сигнала двинулись друг на друга. Надо, здесь, упомянуть, что в то время, в таких армиях были весьма распространены поединки между наёмниками. Любой желающий мог бросить вызов другому, такому же наёмнику, включая, даже, непосредственного его командира. Но разрешалось это, только, не на поле боя или не перед сражением! В бою все должны были выполнять указания своего командира, которого избирали всей общиной. Баркиды, в своей армии противились этому устоявшемуся обычаю, но все равно поединки происходили довольно часто. Человек, воюющий за плату, не ценил свою жизнь и, тем более, жизнь другого человека. Поэтому, Гамилькар старался сколотить свою армию, нанимая в неё людей, не связанных неприязнью народов друг к другу. В данном случае, проявилась застарелая неприязнь латинян и галлов, подогреваемая букетом недоверия и подозрений...

...Матос наблюдал, как противники сошлись в смертельном противостоянии. Галл, своим длинным мечом, разил и справа, и слева. Меч в его руке смотрелся страшной, сокрушительной силой, и, только, противостояние ему противника, с более хорошей подготовкой, свело всё его искусство и напор к пустому результату атак... Коста, всегда успевал отступить на шаг и меч галла не находил своей цели...

– Кто будет пировать в Аиде, Корфа? – спросил Матос, у подошедшего колдуна.

Корфа перебрал со спины бубен из воловьей, натянутой особым способом кожи и перевернул его. Он прошептал какое-то заклятье и, сверкнув подведёнными глазами, бросил кости на бубен. Кости с определённым шумом, легли на кожу и прекратив движение застыли... Окинув их взглядом, Корфа задумался...

– Ну, что, Корфа? – в нетерпении, повернулся Матос к колдуну.

– Странно... Но, кости оставляют жизнь обоим... – ответил смуглый колдун.

Матос, недоверчиво, взглянул на него.

– Как такое может быть? Кто-то же должен умереть?!

Корфа развёл руками и собрал в свой сакральный мешок рассыпанные кости...

...Между тем, в поединке, Коста перешёл в наступление. Его мечи выписывали невидимые дуги и Авторит едва успевал защищаться от ударов латинянина. Его лицо выглядело растерянным и выдавало тревогу... Через минуту, Авторит получил ранение левой ноги – она обильно кровоточила, чуть выше колена. Галлы загудели, видя окровавленную ногу своего вождя. Коста ускорился в своих атаках, вызвав у наблюдавших за ходом поединка, немалое удивление, отразившееся на их лицах! Все считали, что он движется на пределе своих возможностей?! Это ускорение дало о себе знать, появившимся разубом кольчуги, на плече галлата. И хоть кольчуга и справилась с защитой тела Авторита, на этом месте все равно проступила кровь...

Авторит пятился к копьям, но утратив свежесть, был обойдён с боку и повержен на землю, мощным ударом ноги в рёбра галла. Авторит рухнул на землю, выронив меч. Силуэт Косты навис над ним...

В этот момент, на холм, на всем скаку, ворвались несколько всадников. Кони громко заржали, осаживаемые верховыми. Их, столь резкое появление, заставило всех обернуться к ним, отвлекшись от хода поединка. Впереди всех, на огромном карфагенском скакуне, гарцевал кельт, ожидая, чтобы его лошадь кто-либо, из стоящих вокруг, схватил под уздцы. Как только это было сделано, он спрыгнул с коня и, озираясь вокруг, выискал глазами Матоса и сразу же, направился к нему.

– Матос, – обратился он к ливийцу, – Сегодня радостный и великий день! Спендий, выманив Ганнона от Утики, нанёс ему тяжёлое поражение! Армия Ганнона рассеяна. Часть слонов захвачена нами! Сам Ганнон заперт в Утике. Спендий осадил Гиппон Царский. Там он намеривается раздобыть тяжёлые осадные машины. Но, он предлагает тебе Матос, пока существует такой благоприятный случай, подойти и отрезать от Карфагена правый берег Баграды, перекрыв мосты через реку! Карфаген, отрезанный от своих владений в Тунессе, окажется в блокаде! Болеар Зарза, принял наше предложение и выдвинулся к реке! Если ты, усилишь его движение, наша победа будет совсем близка!

Столь неожиданное появление всадников и ещё более неожиданные новости, отвлекли Матоса от поединка. Он вопросительно, окинул взглядом своих соратников...

– Надо двигаться, Вождь! – подал голос ибер Абарис, – Хватит нам, здесь, обрастать обочинами с разной обузой! Как морская раковина камнями! Гамилькару лучше не давать свободу передвижений! А закрыть его в ограниченном пространстве, как льва в клетке! А потом, все вместе доколем его!

По лицу Матоса пробежала тень надежды, и он повернул лицо к Косте. Тот уловил взгляд Матоса. Он стоял, подняв свой меч, для последнего, пробивающего кольчугу укола... Но его рука сделала другое!

– Ради таких интересных новостей, я не стану губить твою жизнь галлат! – громко произнёс он, – Но, это от меня, чтобы помнил о нашей встрече! – Его рука, сделала кистевое движение, и острие меча совершило маятниковое движение у лица поверженного, оставив на нем, глубокий порез на всю щеку, который тут же залился кровью...

Коста, в этот момент, уже шагнул в сторону Матоса. Он на ходу, вложил мечи в ножны и, подойдя к Вождю, ответил на его немой вопрос:

– Ты Вождь, решай!

Матос, окрылённый таким исходом поединка, и решением проблемы с галлатами, которые, теперь, должны были оставаться у него в подчинении, поднял руки вверх и закричал:

– Снимаемся с лагеря! Выступаем. Пришло время действовать!

Вокруг него, царило необычайное оживление. Все, окрылённые таким успехом Спендия, окружили всадника, принёсшего радостные вести, и расспрашивали его о ходе сражения... Часть военачальников, уже отправилась к своим отрядам, для сворачивания своих расположений... Матос проследовал в свой шатёр, в окружении своей свиты...

К Авториту бросились его приверженцы. Они склонились над ним, обрабатывая его раны, от которых уже проявилась слабость...

– Что будем делать, Авторит? – Спросили они его, между делом, – Может, отделимся?

– Отделимся! Но не сейчас! – ответил галлат, – Для начала, надо отдать долги! Всем!

Его взгляд наполнился холодным светом мести. В голове, судорожно, пронёсся план действий.

– Бенуар! – повернул голову он к тому высокому воину, что сопровождал Косту и послов в лагерь, – сегодня поедешь в Прион! Отвезёшь письмо! Но, убудешь из лагеря, не через ворота! Этот латинянин обложил нас слезкой! Но, ничего, поживём – увидим, кто из нас умнее!

Его подняли и понесли в его расположение...

...Матос вошёл в свой шатёр и уже, совершенно, по-другому взглянул на Гикета.

– Передай Гамилькару, что он опоздал со своими предложениями! Колесо войны закрутилось и его уже не остановить! Пусть готовится к битве! Мы идём к нему!

Гикет спокойно воспринял эти слова. Он оглядел тех, кто остался при Матосе, оглядел и нескольких колдунов, увешанных черепками змей.

– Гамилькар предвидел ход таких событий и сказал мне, как реагировать в этом случае! Он велел передать – всем, кто одумается, он гарантирует жизнь! Всем, кто захочет встать в его ряды – дорога открыта! Но с чистым сердцем и помыслами! Ну, что же, мне пора! – Гикет направился к выходу. Проходя, меж занавесок ковров, он, вдруг, почувствовал, что ему в руку, кто-то, пытается сунуть сложенный пергамент... Гикет, сжав в кулаке пергамент, повернулся и увидел Поликарпа! Грек, молчаливо кивнул и скрылся за занавесками. Гикет спрятав пергамент, меж складок рукавов у налокотника, вышел наружу...

Весь лагерь был поднят на ноги. Люди сновали в нем, напоминая растревоженный муравейник... К Гикету подошли его спутники, держа под уздцы своих лошадей и коня Гикета. Они сели верхом на коней и, медленно, не торопясь, как будто подчёркивая, что у них нет никакого испуга в этом спешном выступлении войска, повернули в сторону выезда из лагеря. В этот момент, из шатра вышел Матос со своим окружением и Гикет, словно почуяв это, повернул к ним голову.

– Все же, я думаю, бывшие соратники, что часть из вас одумается, прежде чем скрестит с нами мечи! – он ударил в бока лошади ногами, и вся тройка скрылась меж снующих и бегущих людей...

Матос стоял некоторое время в раздумье.

– Хочешь спросить волю духов, Матос? – раздался у его уха, тонкий голос Корфы.

Матос, молча, посмотрел на колдуна, моргнув глазами.

Тот совершил свои колдовские действия и, напрягаясь, заглянул в сакральные видения.

– Лев в западне! – Произнёс он, вернувшись из медитации, и, тут же, добавил, – Но, это ещё не все! В твоём лагере измена! Твоя дорога покрывается туманом... Туманом чужих замыслов...

Лицо Корфы выражало тревогу, которая передалась и на лицо Матоса... Его брови съехались на переносице...

Глава 15

Антоний, распределив воинов по постам у самых ворот и прилегающим, к ним, башням, занялся хлопотами по добычи съестных припасов для своего отряда. Начальник стражи ворот, объяснил Антонию, где находится гарнизонная столовая и Антоний, взяв с десятков своих воинов, отправился на её поиски, с задачей привезти пищу к воротам. Он петлял, вдоль строений у центра города, когда увидел, спешащего к нему Сапфона. Завидев его, Антоний приказал двигаться с загруженными продуктами к воротам, а сам направился на встречу с товарищем.

– Антоний, – начал своё сообщение Сапфон, – в город прибыл Наместник Ганнон, вместе со своей свитой. Узнав о нашем приходе, он проявил крайнее неудовольствие! Его свита кричит о громкой победе, совершенной прошлым вечером на Утинских холмах! Говорят, он рассеял мятежников по всем, прилегающим к полю сражения, крутым высотам. Хвалятся, что убит сам Спендий! – лицо Сапфона выражало растерянность, – Так что, наше выдвижение было излишним! Враги, проникшие за городскую черту города, теперь, затаятся и будут стремиться покинуть город! И, скорее всего, в разных направлениях. Ганнон отправился в свой дворец, куда прибыла делегация из Карфагена.

При упоминании о делегации, сердце Антония наполнилось теплотой, а разум воспроизвёл встречу с необычайно красивой девушкой...

– ...так что, мы можем посетить проходящие, здесь, празднества! – продолжал говорить Сапфон, – Мне интересно, как они чтят Милгарта в Утике?! Раз уж мы, здесь, оказались! – закончил сообщение Сапфон.

– Надо накормить людей, Сарфон! – привычка заботы о подчинённых, брала верх в трибуне.

– Да, я говорил об этом с Ганнибалом! Корт взял это под свой контроль! Все будут накормлены! Но с постов снимать никого не будем! Враг ведь не покинул города!

– Тогда, я пойду! Отдам необходимые распоряжения! Кстати, гарнизонная столовая вон за тем зданием! – Антоний показал его, – Мы уже получили необходимые продукты! Мои помощники уже повезли его к отряду!

– Да! Ты быстро осваиваешься, Антоний! – покачал головой Сапфон.

Товарищи по оружию, расстались, договорившись, встретится здесь же, после уточнения задач у ворот.

Ноги Антония неслись к воротам... Мысль, что на празднестве, он, возможно, вновь, увидит Лейлу, а может даже и поговорит с ней, заставляла его не чувствовать соприкосновений ногами с землёй... Эти фантазии разогревали его молодую кровь...

В момент поворота Антония на нужную улицу, он заметил с десятков, несущихся мимо него, запylённых всадников. Вид, этих всадников, пугал прохожих, и те, в страхе, сторонились их, прижимаясь к стенам домов... Антоний проводил взглядом странных всадников, но не перестав думать, в это время, о Лейле... Они пронеслись, двигаясь по направлению к Дворцу Наместника... Бриан, вновь, повернулся в сторону ворот и бросился догонять подводу с продуктами... Его мысли вернулись к храму Милгарта... Быстро шагая, он, незаметно для себя, преодолел расстояние до ворот, где, тут же, собрал номархов и рассказал им о полученных им сведениях, от Сапфона! Пока, он говорил с номархами, на площади стало заметно какое-то оживление... Люди стали о чём-то переговариваться друг с другом, переходя от одной группы, присутствующих на площади торговцев, покупателей и просто ротозеев, к другой. Оживление, явно предшествовало празднествам в центре города и люди стали потихоньку сворачивать свою торговлю и направляться в центр празднества. Антоний, заметил, что возросло число людей, въезжающих в город, но, что самое интересное, одновременно с первым и выезжающих?! Это поставило Антония в тупик?! И именно это же, заставило его задержаться у ворот,

ибо он увидел в глазах людей какой-то испуг, и испуг этот, был вызван безусловно какой-то объективной причиной... Но вот, и до стражи ворот дошли слухи, которые распространялись от центра города к его краям.

– Брат рассказал, что прибыли гонцы с Утинских холмов, из стоявшей там армии! – начал свой рассказ один из стражников, – Армии, как токовой, больше нет! Если верить слухам, а это принесли не только гонцы, но и прибывшие в город селяне! Вдоль холмов рыскают отряды со штандартами змей на стягах! Они рубят бегущих! Наместник, оставил армию у холмов, а ночью, мятежники совершили нападение и рассеяли армию! Слонов успели увести, но все равно часть их попала к мятежникам! Конница прикрыла их отвод и этим спасла их! Пехоты, практически, нет! Вся разбежалась! И когда соберётся и где, никто не знает! Была страшная резня! Спендий, накануне, дал победить ливийскую пехоту, укрыв главные силы на скалах! Ганнон воспринял это как победу и заплатил горьким позорным поражением! Хотя, для Ганнонов поражения – это спутники их жизни! Последнее известие пришло, о том, что часть армии затворилась в Гиппоне...

...Антоний, слушая этот рассказ, не мог поверить в его реальность! Как можно было не укрепить лагерь, на ночь?! В римской армии такое каралось как предательство! Но пришедшие новости, поток въезжавших в город и выезжавших из него в сторону Карфагена – говорил сам за себя!

– ...Говорят, Спендий может появиться в любое мгновение! – Закончил свой рассказ стражник.

Услышав эти новости и, не ожидая их подтверждений или опровержений, Антоний велел своему отряду усилить наряды сразу и в воротах, и на башнях! Он велел быть всем начеку, особенно, на этажах башен и стенах. Бриан полностью переключился на выполнение своей задачи, он ещё раз осмотрел площадь, стараясь предугадать сторону нападения. Оглядев площадь, он пришёл к выводу, что нападение, если произойдёт, должно произойти с левой примыкающей улицы к воротам, так как она довольно широка и идёт с небольшим уклоном к воротам. Если, мятежники заполнят её и начнут давить на заслон, то удержать их будет довольно сложно. Спуск давал преимущество нападавшим и усложнял задачу оборонявшимся. Две другие улицы, Бриан исключил из возможных направлений нападения, по нескольким причинам. Центральная улица была самая широкая и прилегал к дворцу Наместника, в котором был отряд многочисленной стражи и в случае нападения на ворота, он мог ударить им в спину, придя на помощь охране ворот. Кроме того, в центре невозможно было, незаметно, скопиться противнику в достаточной, для штурма ворот, массе. Этот вариант Антоний исключил, почти сразу. А, после этого, осмотрел и другую – третью улицу, прилегающую к площади ворот и ведущую в гавань. Она была, как мы описывали раньше, довольно узка, в ширину двух, проезжающих повозок. И Антоний сделал вывод, что основной удар совершить с этого направления невозможно, так как она легко перекрывается и продавить на ней, даже малочисленный отряд в несколько десятков стражников, довольно сложно. К тому же, у нападавших не столь много времени, ибо помощь с других ворот, обязательно, прибудет, мятежники окажутся в западне и будут обречены на истребление. К тому же, эта улочка, шедшая вдоль крепостной стены, прекрасно простреливалась со стен лучниками, а также и с башен, и этот факт, никак не мог не быть замеченным, и не принятым в расчёт, столь опытными наёмниками. Рассмотрев все варианты, Бриан остановился на выборе направления основного удара наёмников, если такое приключится, – улочку, уходящую в южную часть города. Антоний, тут же, решил усложнить задачу атакующих и распорядился привезти несколько пар пустых повозок и поставить их у смыкания улицы с площадью ворот. Восемь телег и повозок подволокли воины к точкам указанным Антонием, и связали их, забаррикадивав улицу, для более успешной обороны...

Между тем, уже, стала заметна паника в городе. Народ, особенно торговый люд, который прибыл в Утику, чтобы заработать на торговле в празднество, теперь, в спешке, старался поки-

нуть город. Ведь, в случае осады, они могли остаться здесь на долгое время, потеряв не только выгоду, но и может быть и весь свой товар, не исключая возможность потери и жизни! И теперь, именно эти ворота, ведущие к городу-протектору, испытывали самую большую пропускную нагрузку выхода из города. Антоний, видя начинающуюся панику и неразбериху, построил одну сотню воинов, ограничив доступ на площадь, примыкающую к воротам. Всех осматривали дважды, в первый раз на въезде на площадь, другой уже непосредственно у ворот. Но, здесь, возникло неожиданное осложнение. Дело в том, что в город двигалось не меньшее количество людей, которые спешили укрыться за стенами города, спасая свой нехитрый скарб, от разграбления мятежниками, после того, как были замечены их отряды...

Антоний решил эту проблему своеобразно. Он развернул всех селян вдоль крепостной стены и направил их к южным воротам, которые испытывали не такую пропускную нагрузку, чтобы они и впускали всех желающих в город. Таким образом, удалось избежать давки у ворот, а вместе с ней и возникающей, при таких обстоятельствах, паники. В течение трёх часов Восточные ворота, которые курировал Бриан, испытывали нагрузку потока, исходящего из города, но вот самая широкая улица, идущая к дворцу Наместника, стала немного разгружаться и, вдруг, она почти опустела, как будто её перекрыли, где-то в отдалении?.. И, действительно, где-то впереди стали слышны крики, через какое-то время, показалась стража, сопровождающая многочисленную группу людей. Впереди, на крупной лошади к стоящему Антонию скакал всадник. Бриан, не сразу, узнал во всаднике Ганнибала Корта. Лицо его изменилось, на нем отразилась озабоченность и серьёзность произошедшего.

– Антоний, скажу честно, ты удивил меня своими организаторскими способностями! Так справиться с потоком выезжающих из города?! – проговорил Корт, озираясь по сторонам площади. – Я думал у тебя тут полный затор?! Молодец! Я бы так не смог! Но слушай! Я прискакал к тебе вот по какому поводу! В южной стороне города видели два отряда, примерно, одинаковой численности! Они двигались в твоём направлении. Но я-то знаю, что никого сюда не посылал?! Сапфон предупреждён об них! Его люди контролируют все подступы к площади южных ворот! Скорее всего, эта ошибка и двигались они к нему, но на всякий случай будь на стороже! Предупреди лучников на башнях. Пусть будут внимательными! Сейчас, пройдёт, обратно, вся делегация из Карфагена! Я провожу её и убуду назад!

Корт продолжал подозрительно озираясь по сторонам. Антоний же, повернувшись к одному из своих подчинённых, передал приказ Корта лучникам башен и тот, торопясь, ушёл его исполнять.

К этому времени, на площадь ворот выехала делегация, только утром, прибывшая в город. Но, сейчас, она стала ещё более многочисленной, так как к ней поторопились присоединиться и семьи городской аристократии. Впереди всех, шла стража Корта. Она отодвигала всех лишних от курса следования колонны и освобождала проезд. На этот раз носилок, носимых рабами, не наблюдалось. Были только повозки, окружённые всадниками. Антоний окинул примерное количество всадников, и на его взгляд их было более полусотни. Но, среди них, находились не только военные, но и люди, принадлежащие различному гражданскому сословию. Все они перемешались в какую-то пёструю, многолюдную толпу, смешанную конными всадниками и упряжными экипажами, схожими с колесницами. Стража Корта выйдя на площадь разделилась. Одна часть отодвинулась к левой улочке от ворот, другая встала справа по своему движению.

Антоний скользнул по богатым повозкам в надежде, что увидит ту, которая утром затмила всю женскую красоту, которую, до сего момента, видел в своей жизни Бриан. Из повозок проглядывали женские головы, но занавеси на них, заслоняющие лучи солнца, укрывали их также и от любопытных взглядов прохожих, к коим сейчас относился Антоний. Отчаявшийся в своих попытках, распознать повозку в которой могла быть Лейла, Антоний отвёл глаза в сторону стражи Корта...

...Его внимание, неожиданно, привлёк дым, вдруг, возникший за верхней точкой уклона той улицы, что так беспокоила Антония Элиота, при его оценке опасности атаки мятежниками ворот. Дым возник, как-то сразу, объёмно... и с той стороны, которую скрывал уличный подъем, стал слышен какой-то нестройный гомон...

Антоний бросился туда...

– Перекрываем улицу повозками! – крикнул он своим, стоящим там, воинам, – Добавляйте к баррикаде телеги и сцепляйте их! Быстрее!

Воины бросились выполнять приказ Элиота, вместе с ним, схватившись за колёса, приготовленных телег. Они выволакивали телеги, повозки и арбы, поставленные ими же, здесь. И везли их к центру улицы, выставя в цепь, перекрывая этим и проезд, и проход. Но, то, что произошло далее, тогда ещё никто, даже, представить себе не мог...

...Дым приближался. Из-за того, что улица уходила вверх, было совсем непонятно что же происходит там за подъёмом... Все напряжённо смотрели вверх, ожидая какого-то появления... Но, то что они увидели, было совершенно неожиданно для всех!.. Ужас сковал умы многих, находившихся за баррикадой телег и арб... Это промедление, которое на короткое время, легло оцепенением на их разум и реакцию, стоило многим жизни... На верхней точке подъёма улицы, показались горящие, катящиеся с ускорением вниз, чадающие дымом, бочки... Было непонятно, то ли бочки просто зажгли и пустили вниз пустыми, то ли в них находится какое-то наполнение?... Дым, быстро заполняющий улицу, мешал рассмотреть необходимые мелочи...

– В сторону, в сторону! – вдруг, закричал Бриан. В одно из мгновений, он вдруг заметил, что вслед бочек остаётся горящий шлейф, дающий чёрную копоть... Чудовищная задумка мятежников, становилась для него понятной...

Между тем, бочки разогнавшись до максимальной скорости на спуске, одна за другой ударились в расставленные арбы и телеги... Удар был столь сильный, что сдвинул телеги в сторону и бочки разбившись пролили чёрную горящую жидкость, которая тут же вспыхнула... Вспыхнули и телеги, а также и люди, пытающиеся их придержать, так как они оказались стоящими в горячей жидкости... Огонь пожирал людей... А бочки продолжали катиться сверху... В дыму и огне уже ничего не было видно... Крики, стоны обожжённых и горящих людей заполнили площадь... Бочки уже пробили в нескольких местах выставленный заслон из телег и проносились меж, охваченных огнём телег, мимо, в глубину площади... Паника охватила площадь. Горящие люди, лошади падали на землю. Копоть, совсем за короткое время покрыло все вокруг... Минута оцепенения и замешательства от непонимания последствий, возникших от катящихся бочек с полыхающей огнём «чёрной кровью земли» кончилась для многих страшными ожогами или смертью... В некоторых местах, бочки, скатившись вниз, и не встретив уже преграды, пронесли по всей площади и разбились о прилегающие каменные дома. Они разбились и нефть, а это была она, разлилась и своими горящими брызгами, обдала скопившихся здесь людей... Люди бросились с площади по центральной и другой улице, уходящей в гавань, нёсся за собой панику и неразбериху... Огонь освободил место для атаки...

Антоний, стоявший уже у края улицы, куда он успел отбежать, правильно оценив опасность, закричал, оставшимся с ним солдатам:

– Уходим к башням!

Они, перепрыгивая через горящие шлейфы нефти, оставшиеся от пронёсшихся бочек, из которых протекала пылающая нефть, стали пробираться к башням ворот, для выполнения задачи их обороны. Антоний быстро строил людей, заполняя места, не охваченные огнём...

...Именно, в этот момент, он увидел Лейлу... Даже не увидел, а услышал её голос... Голос, тембр которого, он уже никогда не спутал бы с другими голосами... Антоний услышал её всхлипывания и крики... А, через мгновение, он, сквозь чёрный, копчённый дым, увидел саму девушку, склонившуюся над чем-то и пытающуюся сбить с чего-то (с этого места Антоний не мог видеть всего происходящего) пламя... Бросившись вперёд, Антоний, в ужасе, рас-

смотрел с «чего» или кого Лейла пыталась сбить пламя... Под лежащей в огне лошадью, бился горящий человек?! Он неистово кричал и бился, как ржала и билась его лошадь... Вокруг них, бесновались другие лошади, сбросившие седоков и не находящие пути спасения... Вырваться из горящего Аида земного происхождения, было некуда! Центр площади был отрезан разлившейся, горящей нефтью, которая охватывала пожаром все новые и новые площади! Остаться там, хотя бы на минуту – грозило гибелью не только от огня, но и от копыт беснующихся лошадей... Антоний бросился к Лейле! Пробегая и перепрыгивая горящие лужи, он видел, что человеку, лежащему под лошадью уже не помочь! Он упал в горящую нефть и был, подмят, поскользнувшейся в ней, лошадью! Оба, всадник и конь, тут же вспыхнули, ужасно крича... Антоний, подбежал к девушке и увидел, что человек уже не шевелится... На лице девушки выразился весь ужас произошедшего...

– Все, Лейла, ему уже не помочь! – крикнул Элиот – Кто это?

Задав этот вопрос, Антоний, вдруг, повернул голову в сторону повозок?! Оттуда раздавался какой-то шум и крики...

Девушка повернулась на крик Антония. В её глазах блеснул луч надежды.

– Это мой учитель Сафронис! Его надо вытащить из-под лошади! – Лейла вновь попыталась схватить человека за горящие руки. С её глаз лились слезы...

В этот момент, из-за горящих телег, прозвучал сигнал труб и уже через мгновение, сквозь горящие, развалившиеся повозки и выгоревшую пролитую нефть, закоптившую все вокруг, включая и саму мостовую площади, стали перепрыгивать всадники в темно-зелёных плащах!.. Антоний не сразу понял, кому они принадлежат?! Но когда первые из них стали врываться на площадь, Бриан отчётливо рассмотрел головы змей на их плащах... В некоторых местах, где нефть ещё не выгорела полностью, лошади поскальзывались и всадники падали вместе с лошадьми, создавая заторы и вспыхивая живыми факелами... Именно это и спасло Антония и Лейлу, ибо эта сумятица в рядах врага, дала им несколько мгновений форы для бегства... Стража Корта, из тех, кто не был сожжён и не оттеснён с площади пламенем, сгрудилась и ошестинилась копьями... Всадники, внезапно встретив наконечники копий, смотрящих им в грудь, вынуждены были, осаживать лошадей и огибать малочисленный строй фаланги... все это дало время Антонию, отдёрнуть Лейлу от горящего человека.

– Бежим Лейла! – крикнул Антоний. Он, держа девушку за руку, бежал по направлению к башням. Позади, ссаживая с лошадей всадников, до которых могли дотянуться их копья, пятилась в том же направлении, стража Корта... Бриан, увлекая девушку в немедленный бег, выбирал маршрут, меж островов огня и пламени... Мимо них, свистя проносились стрелы... Это заработали лучники башен... Позади, отчётливо, стали слышны удары нагоняющих их копыт... Антоний обернулся... Их нагоняла пара всадников... Один был очень массивным и крепким, держа в руке огромный длины меч! Он уже предвкушал победу, настигая бегущих... В голове Бриана, пронеслось, что он видел этого человека! Там, находясь в лагере Гамилькара, на Эрике! Но, тут одна из стрел, вонзилась всаднику в район верха груди, найдя лазейку меж пластин доспехов! Всадник, инстинктивно, потянул поводья, осаживая лошадь и заваливаясь на бок... Но второй всадник настигал бегущих... Бриан оттолкнул Лейлу в одну сторону, а сам отпрыгнул в другую, выхватив из горящих повозок одну из полыхающих досок... Всадник, резко осадив лошадь, мгновение думал, за кем ему бросить коня, что бы догнав, пронзить своим копьём, но, в этот момент, Бриан, резко обернувшись, ткнул в морду лошади конец, охваченной огнём, доски, с которой сбегали струйки горячей «крови земли». Конь, наткнувшись на пламя и обожжённый, обезумел от боли! Он, захрипев, встал на дыбы, и это помогло Антонию, так как наконечник копья, поднявшись, прошёл мимо лица трибуна в кое уже бил всадник! Бриан же, обнажив меч, погрузил его по самую рукоятку в круп лошади, и конь завалился на бок, подминая под собой всадника. Тот, бросив копье, обнажил меч, но Бриан оказался уже над ним! Мгновение и, дымящийся кровью лошади, меч, с неудер-

жимой мощью и гневом, вонзился в лицо преследователя... Антоний, держа в одной руке горящий обломок доски, а в другой меч, осмотрелся...

...На площади кипело сражение... Под развёрнутым стягом раскрытой пасти змеи с высунутым раздвоенным языком пресмыкающегося, уже собралось более шести десятков всадников. Они разворачивали лошадей в их направлении... Из-за горящих повозок показалась и пехота неприятеля. Она вступила в бой со стражей Корта. Антоний заметил и самого Ганнибала, который во главе своих всадников, схватился с конницей в зелёных плащах, за линией пожара...

Все это пронеслось перед глазами Антония за короткое мгновение... Все его мысли вновь вернулись к безопасности девушки. Он схватил её за руку, находя решение – где самое ближайшее и безопасное место для них обоих?.. Справа, от него, открывался вход в одну из башен ворот, по внутренней лестнице которой, можно было попасть на стены! Антоний увлёк Лейлу за собой, успевая уйти с дороги, несущихся к воротам, вражеских всадников... Но, каково же было его удивление, когда всадники не пронесли мимо, через открытые ещё ворота, а осадили лошадей и стали спешиваться...

Один из них. В серебряных доспехах, крикнул по-гречески:

– Уйдём только с девкой! Раз она ещё жива! Но смотрите, теперь, она должна остаться целой! Всех подле неё убить! – Голос говорил тоном, не терпящим другого мнения и, поэтому, становилось ясно, что этот человек привык к беспрекословному подчинению.

– Зачем я им? – Удивление Лейлы, было не меньшее, чем у Антония.

– Спросим, при случае, а сейчас бежим! – сказал Антоний, увлекая Лейлу, вглубь башни... Они побежали вверх по крутым ступеням, где утром Антоний ознакомился с устройством башен... В голове трибуна уже возник план и этот план, увлёк его на третий уровень конструкции ворот...

Глава 16

...Ганнон метался у границы огня площади...

– Дочь! Моя дочь! – рвал он на себе волосы, – Зачем я послушал тебя Сараф! Если бы она осталась во дворце, все было бы иначе!

– Но я, руководствовался благими намерениями, Наместник! Я и не предполагал о присутствии мятежников в городе! Надо, строго, спросить за это с Корта! – оправдывался, возмущённый Сараф, находясь рядом с Ганноном. – Сейчас, принесут щиты, и мы прорвёмся к воротам! Может все хорошо! И ты, зря изводишь себя!

Пытался успокоить отца Сараф.

– Когда ты станешь отцом, ты поймёшь меня! – С укором и горечью в голосе, произнёс Ганнон, – И я не понимаю тебя, Сараф! Только вчера, клявшегося мне в любви к моей дочери, и, вдруг, проявляющего такое спокойствие!

Сараф, уязвлённый замечанием Ганнона, отреагировал нервным вопросом.

– Что же мне прикажешь делать? Сгореть в огне мятежников! Прояви терпение, сейчас воины все сделают! – Сараф повернулся назад.

По улице тащили тяжёлые щиты, используемые при осаде, для укрытий от стрел. Это были не толстые стволы-брусья, сколоченные вместе, наподобие щитов. Воины, подтащив их к пламени, сначала облили их обильно водой из принесённых с собой кувшинов. А потом, переворачивали их пластинами из меди, вниз, на пламя, горевшее по следам пролившейся нефти. Щиты, высотой в восемь локтей, падали сбивая пламя и перекрывая горящему пламени доступ к его главному союзнику – воздуху, так необходимому для процесса горения. Следом падал следующий щит и пламя, лишённое кислорода, задыхалось. Вскоре, мост через пламя, был сооружён и по нему на площадь пошла пехота Ганнона. Всего, около трёх сотен пехотинцев перебежали за пламя и чёрный дым неизвестности...

Ганнон, более не терпящий ожидания известий о дочери, направил своего испуганного пламенем коня, через мостик. Преодолев чёрную занавесь дыма и гари, они оказались за границей пламени... То, что им предстало перед глазами потрясло их!... Открывшийся вид не мог не сказаться на их эмоциональном состоянии... Везде шло сражение... Сражались и на площади, где лежали почерневшие трупы сгоревших людей и лошадей, и у ворот... Убитые перемешались со сгоревшими и кровь, стекающая по наклонной площади, тушила пожар, шипя и сворачиваясь... Ганнон поднял голову и в ужасе заметил, что сражение шло даже на стенах! В нескольких местах площади были видны стяги с оскалом змеи. И только перед воротами, которые оказались закрытыми, упрямо стоял штандарт с купающимся в пене месяцем. Воины отряда Гамилькара, сгрудившись в плотный строй, упрямо и собранно, перекрыли доступ мятежников к воротам и, даже, отодвинули их от них, направив часть сил на стены, для их очистки от мятежников... Сами мятежники наводнили площадь неистово крича различные кличи и сражались со стражей Корта, отступившей к улочке в гавань и перекрывшей её...

...Сердце Ганнона, охваченное смятением от увиденного страшного зрелища, рвалось в центр площади, где должна была быть его дочь. И, несмотря на огонь, он, все же, выехал вперёд своей пехоты и повёл её на мятежников... Он, первым врзался в ряды мятежников, пытаясь пробиться к месту площади, где он ожидал найти свою дочь...

Мятежники никак не ожидали, что карфагеняне, так быстро справятся с огнём и пробьются через него... Они развернулись и приняли удар Ганнона, быстро выстраивая фронт... Все это указывало на то, что это был очень натренированный, опытный отряд наёмников-ветеранов. Столкновение с ними, только оправдало эти догадки, ибо мятежники потихоньку стали теснить пехоту Ганнона обратно к пламени... Лошадь Ганнона, была заколота и наместник, успевший спрыгнуть с неё, отбивался пеший... На помощь ему бросился Сараф, окружён-

ный своей многочисленной свитой, прибывшей вместе с делегацией Карфагена. Они окружили Наместника и отбили его, уведя вглубь строя пехоты... Положение, становилось критическим! Мятежники брали верх...

– Сараф! – обратился к нему Ганнон, – Скачи к дворцу! Там во дворце стоят две сотни священников с холма Бирсы! Это моя личная охрана, данная мне Советом суффетов, веди её сюда!

Сараф, выглядя озабоченным чем-то, повернулся к Ганнону.

– Я не могу тебя оставить здесь одного! Я пошлю своего человека!

Вдруг, раздался звук трубы, он доносился откуда-то справа, а следом рёв боевого клича:

– Б-а-арка!

Ганнон повернул голову в ту сторону. Несомненно, пришла помощь, и пришла она с той улицы, с которой появились сами мятежники! Там раздался грохот и шум усиливающегося боя...

Ганнон, снова повернулся к своим пехотинцам.

– Карфагеняне! С нами страшный Бааль! – Крикнул он и пехота ответила ему рёвом:

– Ба-а-ал!

Ганнон снова повёл своих в атаку...

Теперь, явно наступил перелом, если не в схватке, то в душах карфагенян, так-как и передний отряд, оборонявший ворота, воспламенился духом и надавил на мятежников, с криком:

– Б-а-арка!

Мятежники стали сжиматься к воротам, пытаясь, во что бы то ни стало вырваться из города. Их отступление происходило в порядке, но потери увеличились. Увидев, что к противнику подошла помощь, и численность уравнилась, они бросили штурмовать стены и стали большой массой давить на ворота, пытаясь вырезать отряд, их обороняющий... Этот отряд стал «комом в их горле», но одного они не учли... Их отступление со стен, позволило лучникам, ушедшим в процессе боя на стены, теперь занять свои позиции в башнях и открыть по ним прицельный огонь... Стрелы, безошибочно, настигали и вырывали из их строя свои жертвы! Бой нарастал своим ожесточением! Отряд Гамилькара, как-то попавший сюда и принадлежащий «железному корпусу», встречая в рядах мятежников своих бывших товарищей, воспламенялся яростью к ним и никого не оставлял в живых! Сапфон, услышав от горожан о происходящем у восточных ворот, маршем выдвинулся по той улице, что и мятежники... Двигаясь дорогой мятежников, он видел сколько было заготовлено бочек с «кровью земли» и то, что не все они были использованы... Торопясь, он ударил мятежникам в тыл и они оказались запертыми со всех сторон. Железные тиски сжались, постепенно наполняя даже выдержанные сердца этих избранных наёмников, отчаяньем и безысходностью, испаряя из их разума мысли о победном завершении боя...

...С самого начала сражения, из трёх сотен отряда Антония, осталось только две трети личного состава, остальные сгорели заживо... Но эта часть сгрудилась у ворот и контратакуя, отодвинула мятежников от ворот и не отступала ни на шаг, как бы те не старались. Более того, они умудрились выбить мятежников из этажа механизма ворот и закрыть их! Но часть мятежников, а именно конные сотни, успели выскочить в открытые ворота... Остальные, а их было более восьми сотен, остались захлопнутыми в мышеловке!..

Все больше и больше, сердца мятежников, охватывало отчаянье...

...Позади рядов Ганнона, завывли трубы. Ганнон знал, кому принадлежит этот сигнал. Наместник оглянулся... Два ближайших к нему воина, прикрыли его щитами, чтобы стратег смог оглядеться. К месту сражения подошли «священники». По сигналу, пехота отхлынула, освобождая место, фаланге «священников». Стена игольчатых копий ошетибилась своими смертоносными шипами, давя и пронзая мятежников, зажатых на площади. Избиение против-

ника, продолжилось с новой силой... Фаланга, раздвинув себе место, не торопясь, не форсируя событий, шаг за шагом, стала продвигаться вперёд, устилая землю поверженными врагами...

Огонь к этому времени почти погас – выгорев, а где и залитый кровью... Все здания вокруг были закопчёнными, как и лица сражающихся людей... Среди всего этого возвышались черные от копоти ворота и башни, прилегающие к ним, как будто, какая-то страшная легенда о заколдованном чёрном замке, леденящая холодом страха сердца людей, воплотилась в жизнь на этой площади...

Через четверть часа, из захлопнутых в мышеловке мятежников, в живых осталось не более четырёх сотен. Защитники города, уже упившись кровью врага, стали их брать в плен, правда, брали, только тех, кто бросал оружие. Так сдалось более сотни наёмников, которых, воины и Антония и Сапфона, называли по именам, призывая прекратить сопротивление...

Но тут, произошло непредвиденное?! Из-за ворот, с внешней стороны, раздался сигнал. В железном корпусе, хорошо знали этот сигнал! Он призывал прекратить сражение! Сапфон поднял голову на стену...

– Тут конный отряд! – прокричали ему сверху, товарищи Бриана, из тех, что обороняли механизм ворот. – Они хотят поговорить с военачальником! Там Дуфф! Кричит, что это очень важно для Наместника Ганнона!

Сражение утихло и Сапфон, прокладывая себе путь среди своих бывших товарищей, которые расступались, заведя его, прошёл сквозь их строй и поднялся на стену. Он поднялся по башне и вышел, через третий уровень башни, на крепостную стену, ширина которой позволяла ехать по ней на колеснице. Пройдя по третьему уровню полости воротной башни, он осматривал место сражения... То, что он увидел, поразило его... Везде, внутри строения вповалку лежали убитые или умирающие его товарищи, перемешанные с мятежниками, которых по числу было даже больше... Это говорило о том, что нападавшие напали со всех сторон и отряд, охранявший ворота, принял удар отважно и стойко! Видно, часть мятежников, в начале атаки, обошла обороняющихся по стене, взойдя на неё по пролётной башне, в стороне от ворот... Бой шёл во всех внутренних полостях башен, но защитники не только выстояли, но и умертвили всех тех, кто проник внутрь строений. В конечном итоге, ворота были закрыты, а последние из мятежников, выпрыгнули с третьего уровня, предпочтя мгновенную смерть на мостовой у ворот, смерти в агонии от ранений...

– Где Антоний Бриан? – спросил он, осматривая груды убитых у воротного механизма, – Убит?

Он, вдруг, увидел под одним из убитых мятежников, алый султан шлема Бриана... Подойдя к месту, он откинул несколько мёртвых тел мятежников, одновременно, узнав пару из них, и увидел, что это лишь шлем его товарища... Самого Элиота, среди погибших здесь, не было...

– Он сражался здесь, но потом его видели на уровне выше! Тут такое происходило Сапфон! Все смешалось! – Говорил ему один из выживших воинов, – Я видел, как он свалил двух передних «змеев», но что было дальше не знаю! Да, никто тебе, сейчас, толком, ничего не объяснит! Мятежники, кратковременно, открыли ворота, и часть из них успела вырваться! Но это было внизу! Нам было не до них! Когда мы восстановили контроль над воротами, Антония уже никто не видел! Ни среди мёртвых, ни среди живых! Но много тел лежит за воротами! Их так много упало со стены! Может и его тело лежит там, с внешней стороны ворот?

Сапфон, молча, поднял шлем своего товарища. Внешних повреждений шлем не имел. Не было и подтёков крови, указывающих на ранение... Складывалось впечатление, будто Бриан, сам бросил шлем, так необходимый в сражении. Сапфон взял шлем трибуна и, хлопнув по плечу беседовавшего с ним воина в знак одобрения их действий, пошёл вверх. Переступая через лежащих, поверженных людей, он вошёл в полость башни и стал подниматься выше, миновав ещё один этаж, на котором и размещался основной механизм ворот, и в который

можно было попасть и с другой прилегающей башни. Но, не входя внутрь, он стал подниматься наверх и вышел на площадку крепостной стены, между башен ворот. Он подошёл к бойницам и выглянул из-за них наружу... Внизу, он увидел, примерно, сотню конных. По виду, они мало чем отличались от карфагенской конницы. Такие же крупные кони, такое же оружие. Лишь зелёный кусок материи, в виде платка, перевязанный вокруг шеи всадников, говорил о принадлежности их семье «змей», как они сами себя называли. Сапфон, находясь на высоте, почти, тридцати локтей, не сразу, высмотрел того, о ком ему сказали снизу!

– Вот так встреча?! – раздался голос снизу, – Действительно, нельзя предугадать, где пересекутся дороги давнишних приятелей!

– Дуфф?! Что же ты, от имени Спендия, прибыв к городу, подаёшь, теперь, уже не твой сигнал!? – удивился громко Сапфон.

– Нет, Сапфон! Это мои ребята, остались там, у тебя за стеной! Выпусти их, по-приятельски! Я прибыл забрать их! Да, теперь, я понимаю, почему нам не удалось выполнить, казавшуюся такой лёгкой задачу – мой старый товарищ подставил мне подножку!

– Вот как, значит это ты, командовал нападением?

– Да, все было придумано великолепно! Но, я не знал, что мои друзья проникли в город?! – Всадник, весело, без злобы рассмеялся, – Мы, с тобой, прошли не одно сражение, Сапфон! Зачем, нам проливать кровь друг друга! Не раз выручавших друг друга, в самых различных ситуациях! Клянусь Геркулесом, покровителем всех наёмников, я бы отменил нападение, узнай о вашем приходе с Брианом! А этот, управляемый злобными Керами, латинянин, убил моих лучших людей! Ах, сколько, теперь, пролито крови друзей! А сколько их поджарилось у ворот! – Дуфф прокричав это, огорчённо сплюнул, – А, может ты, Сапфон, передумаешь, и перейдёшь к нам, под наши знамёна?! А? – Дуфф с надеждой, и улыбкой, смотрел снизу-вверх на Сапфона, стоявшего меж бойниц!

– Ты, что же, Дуфф? Предлагаешь мне измену Гамилькару?! – отреагировал на предложение Сапфон, – Тебе ведь известно, Дуфф, что я, воевал не ради денег?

– Да. Об этом говорили все в лагере! Но это, как раз, показывало тебя пешкой Баркидов! Но, я знаю твою историю! Поэтому, говорю тебе, что ты так же сможешь послужить и нам! Подумай, Сапфон?! Корку хлеба, я тебе обещаю! Больше ведь тебе ничего не надо?!

По бокам, Дуффа раздался громкий смех, переросший в хохот.

– Таких глупцов сейчас не найдёшь! – продолжил Дуфф, – А ваше дело проиграно! Ваше мясо уже отдаёт душком! Скоро, совсем скоро, вот эта рука, – Дуфф поднял свою тяжёлую руку, – будет прибивать вас к кресту!

– Громко сказано, Дуфф! Но пока, что твои товарищи и соратники, имевшие глупость поддержать этот мятеж, усеяли площадь ворот, своими уже коченеющими телами! – Громко, чтобы его слышали, как можно дальше, прокричал Сапфон, – Но, тебе, я не буду, в отличие от твоего предложения, предлагать перейти на нашу сторону! Ты слуга жёлтого металла! И тебе не ведомо слово честь!

Слова о потерях накрыли гнетущей тревогой, всех, кто только что веселился внизу, ряжом со своим Стратегом. Лицо самого Дуффа напряглось, и с него исчезла ухмылка. Теперь, на нем проявился злой оскал.

– Что, ты этим хочешь сказать? Что все уже мертвы? Вы, что перебили всех моих людей? – выкрикнул он.

– Ещё нет! Но дело движется к этому! Ты, что хочешь присоединиться? Мы можем открыть тебе ворота? – Теперь, улыбался Сапфон.

– Зря, улыбаешься, Пешка Гамилькара! Когда я, буду прибивать тебя к кресту, ты будешь мочиться от нестерпимой боли, кою я тебе устрою! Поверь мне, так будет! Но оставим эти сентиментальности! Я прибыл сюда по другому поводу! Да и с тобой мне больше говорить не хочется! Но вот с Ганноном, у нас общий вопрос есть! Пусть на стену взойдёт Ганнон!

– Чего ради, Ганнону, говорить с тобой? Он тебя даже не видел ни разу! Ты для него как назойливая муха, стремящаяся сесть на арбуз!

– Меня он не видел, ты прав! Но со мной есть один человек, который ему будет очень интересен! И его жизнь висит на волоске! Пусть торопится. Он знает, о ком я говорю!

Сапфон мало что понял из слов Дуффа. Но поразмыслив, ответил:

– Ганнон, вряд ли сможет перейти эту площадь! Но, я передам ему твои слова сам! Что ты хочешь?

– Хорошо! – согласился Дуфф, – Тогда скажи ему, чтобы выпустил всех моих людей, через эти ворота! Иначе, его молодой пташке будет конец! Он в курсе – о ком я!

Сапфон выслушал Дуффа и, повернувшись от прогала бойниц, пошёл спуску в башню. Он быстро, без остановок, спустился вниз по спускающейся винтом лестнице и вышел на площадь перед воротами. Непривычная тишина ударила по слуху тысячника. Площадь, где недавно гремело оружие, затаилась в неопределённом ожидании! У одних промелькнула надежда на спасение! У других, надежда на прекращение сопротивления противника и сдачу его в плен! Люди, совсем недавно убивавшие друг друга, как взбесившиеся собаки, услышав такой знакомый за долгие годы службы в корпусе сигнал, подчинились ему автоматически, следуя своей безоговорочной, военной привычке к дисциплине «Железного корпуса»! Сапфон прошёл сквозь строй отряда Бриана, попутно хлопая близко знакомых ему воинов, ободряя их и радуясь, что они живы! На его лице отразилось счастье, что Гарпии и Керы, не добрались до них своими ненасытными зевами клыков и когтей, которыми они вырывали, а, после, высасывали жизненные силы, у раненых на поле сражения. Он вышел к мятежникам и огляделся... Здесь, были другие лица и царило иное настроение, совсем по-иному встретившее Сапфона. Глаза, многих, которых Сапфон знал по корпусу, были потухшими и забиты обречённостью. Они, отводили глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом, расступаясь перед ним и пропуская его, сквозь своё скопление... Лишь некоторые пытались заговорить с ним... Так, он миновал всю площадь и вышел к фаланге «священников». Те расступились, и он увидел свиту Ганнона, что хорошо определялась, так как рядом с ним стоял знаменосец, на штандарте которого был расписанный серебром холм Бирсы. Сапфон отправился к знамени...

Ганнона он увидел сразу. Тот, в свою очередь, с недоумением по поводу остановки сражения и возникшей, вследствие этого, надеждой отреагировал на его приближение.

– Что там, тысячник? Враг сдаётся? – Лицо Наместника было полно ожиданием на быстрое прекращение противостояния и сдачу «змей». Это давало ему надежду и веру, как можно скорее, узнать хоть что-то, о судьбе дочери!

Сапфон подошёл к Наместнику, почти вплотную...

– Наместник Ганнон! Пришла информация с той стороны стены, где находится военачальник этого отряда, некто Дуфф Он родом с Саламиса и воевал в корпусе с Гамилькаром, семь лет!

– Что ему надо? – перебил Сапфона, находящийся с ним рядом человек. – Нам совершенно не интересны его прошлые заслуги!

Ганнон посмотрел на него и этот взгляд, заставил замолчать его...

– Это его отряд заперт сейчас на площади! Я никогда бы не принял условий от таких как он, но он произнёс о твоей личной заинтересованности в его просьбе! Только, поэтому, я здесь! – продолжал Сапфон, – Это условие касается, как он говорит, какого-то близкого тебе человека!

При этих словах, Ганнон, переглянулся с человеком, перебивавшим Сапфона, и краска заинтересованности залила ему лицо. Лицо его наполнилось тревогой и заметно побледнело, он затаил дыхание...

– Так вот, – продолжал Сапфон, – он говорит, что у него находится человек, очень дорогой твоему сердцу. «Птенец» – как он выразился о нём. Его условия состоят в том, что в обмен его, мы должны выпустить из города оставшуюся часть мятежников?! – Закончил Сапфон.

У Ганнона подкосились ноги. В голове его пронёсся ураган мыслей. «Как они могли узнать о ней? Она в плену! Они схватили её! Но как? Как они узнали? Ведь об её приезде знало узкое, ограниченное количество людей!»

– Мы принимает эти условия! – без промедления принял решение Ганнон, – Как будет происходить обмен?

– Я не обговаривал это! – Ответил Сапфон, – Но тогда, раз действительно есть такой человек, и ты знаешь о нем, пусть будет так! Но прежде, чем откроем ворота, я хочу обратиться к ним. Дело в том, что и среди них, есть люди, которых я хорошо знаю! После этого – кто захочет, покинет город!

Сапфон ушёл обратно, через ряды фаланги...

– Крепись, Ганнон! – обратился к нему Сараф, – Надо, удостовериться, что это твоя дочь?!

Сараф выказывал другие чувства. На его лице была растерянность от этого известия! Это поставило его в какой-то внутренний тупик. И он усиленно пытался решить его в размышлении...

– Некогда вести переговоры, Сараф! Моя девочка у них! Они могут с ней сделать все что угодно! Надо её скорее вызволить из рук этих нелюдей! Они и так заклемили себя многими убийствами!

В это время, над площадью зазвучал голос Сапфона. Он обращался к мятежникам с речью...

– А где ваш племянник Гисгон, Наместник? – Вдруг, спросил Сараф.

Этот вопрос магната, поставил в тупик Наместника Ливии. Он посмотрел на Сарафа. «Вот какая странность? – подумал он, – Он и это знает?! О приезде Гисгона с Лейлой, знал только я! И я не помню, что обмолвился с ним об этом!»

– А откуда ты, Сараф, знаешь о Гисгоне? – задал встречный вопрос Ганнон.

Сараф поняв, что сболтнул лишнего, на мгновение задумался, но тут же нашёлся:

– Твои придворные сказали мне о нем! Когда собиралась процессия! Он был с вооружённой охраной, когда прибыл сюда? Разве не так?

Ганнон, недоверчиво, посмотрев на магната, повертел головой.

«Действительно, – подумал он, – где этот надменный родственник? Зря, я вызвал его в армию! Он просился, чтобы поучаствовать в освобождении отца! Где теперь армия? И где племянник? А если он погиб на площади? – от этого Ганнону стало ещё хуже, чем было, – И зачем, я послушал этих советчиков и ушёл от Утики?!»

Ганнон зло взглянул на Сарафа.

– А где Капитон, Сараф? Успел удрать? А как вы с ним расписывали мне мой триумф в Карфагене! А сам, только повеяло опасностью, ускользнул в казематы храма!

В это время, кто-то проходил, через фалангу, которая расступалась перед ним. Ганнон опознал в идущем к нему человеке, начальника гарнизона Корта. Корт был почти весь забрызган кровью. Перевязанная левая рука, пропиталась кровью через наложенные повязки. Лицо, перетянуло засохшей и свернувшейся кровью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.